

Тень и источник

Повесть

Волнение не дало ему выспаться, он глубоко вздыхал в постели, укладывался на один бок, на другой. Сегодня его ожидало событие... Два дня назад она сказала: да, всё будет. Будет, как ты захочешь... Страшно подумать, как он напереживался, мечтая об этом. Пусть ты в летах, у тебя семья, но если душа и тело неутолимо требуют того, что ты счастливо испытывал и в первой и во второй молодости, и в тебе клокочут прежние силы?.. Он беспокойно поворочался – русский житель Берлина Вячеслав Никитич Слотов, лежащий в своей уютной спальне у приоткрытого окна. Оно выходило во внутренний двор, в нём росло несколько деревьев, чьи кроны приходились вровень с карнизом. Сколько времени уже голосят птицы? Ночь была такая куца, зато утренние часы ползут изводяще медленно, видишь и видишь с закрытыми глазами Ульяну – молодую, пленительную, – но не можешь её коснуться...

Наконец-то – донеслось до его слуха – жена из своей комнаты прошла в ванную, включила воду. Сегодня суббота, у него выходной, но у жены, продавщицы, – трудовой день, хотя и укороченный. Лишь за ней закрылась дверь квартиры – бегом под душ. В кухне он будет совсем мало. Если бы не встреча с Ульяной, внимание было бы уделено похрустывающим на зубах тостам и горяченьким венским сосискам с кетчупом, но сейчас наспех съеден лишь кусок хлеба с салями. Выбравшись, тщательно подровняв бачки, мы шлифуем электробритвой обширную лысину: гладкая, она выглядит приличнее, нежели усеянная редкими волосками. Никуда не деться от тоски непрошенных представлений о себе прежнем: с выражением застывшего грустного вздоха выходим на залитую солнцем улицу, чётко помня густоволосого юношу, стройного, поджарого – такого и вообразить с брюшком?.. Навстречу идёт девушка – сравнить её с Ульяной, дать новый импульс воображению, и к чёрту самоедство!..

Десять минут езды автобусом до магазина Arminius, где такое многообразие сыров, надобен козий. Затем выберем вино из красных... вот это испанское. А с первой близкой подругой он пил «Волгас вино» по 1 руб. 30 коп. бутылка. Далёкий июнь, окончен девятый класс; родной край – район Латвии у границы с Белоруссией, места с нелатышским населением. Он родился и вырос в райцентре. Родители давали деньги только на мороженое и раз в неделю на кино, на бормотуху добыл, собирая пустые бутылки. Из магазина побежал по дремлющему в послеполуденном зное проулку в лес, к месту, где обещала поджидать подруга. И она поджидала, сидя на пне, подложив под себя прихваченное из дома одеяльце. Она носила американские джинсы, купленные с рук, и, встав, сняла их и бережно повесила на горизонтально вытянутую ветвь. Принялась резвиться, помчавшись от него меж сосен, кидаясь вправо, влево; он догонял, выбегали на просеку, открытую солнцу. Пойманная им сзади, прижатая, она остро взвизгнула: «О-оо, чувствую, хи-хи-хи!» Они глотнули вина из горлышка, поцеловались; он не имел опыта, а она имела, что и показала... Затем как ни в чём не бывало они загорали на прогалине, подруга сказала, что хочет, чтобы он стал моряком и привозил ей из заграничья модные вещи. Он согласно улыбался, мечтая вырваться за границу насовсем. «Их стандарт жизни – не то, что наше...» – говорил отец, обрывая фразу тоскливой усмешкой.

Отец воевал с середины сорок второго до взятия рейхстага и потом служил в Германии, он неизменно оживлялся, вспоминая, как со своей частью вошёл на её землю. В каждом крестьянском дворе – скот, птица; это в сокрушаемой, столько лет воюющей стране!.. При доме – представь – не земляной погреб, а бетонированный бункер, на полках – соки; бутылки, бутылки, банки... представь: сок смородины, яблочный, клубничный, тыквенный, морковный, томатный. Мы брали и пили до захлёба... Нашу баланду просто выливали.

Вспоминал отец обычно наедине с ним, когда уставал и был чем-либо раздосадован на

работе: он заведовал отделом писем в районной газете. «Двадцать лет живём после победы, и я не могу на подержанную машину, на старьё, накопить!» Отец регулярно спохватывался: «Ой, зря я откровенничаю! ой, проболтаешься! И меня подведёшь и себя погубишь». Однако жажда высказаться одолевала. Коммунист с давним стажем, он когда-то надеялся «на благосостояние для семьи». И его хотят убедить, он усмехался, что оно ему предоставлено! Две комнаты на четверых. Больше одного костюма в одно время не имел... Он слушал по транзисторному приёмнику зарубежные голоса и объявлял шёпотом: «У них то, что у нас невозможно. Немыслимый для нас уровень жизни. Открытое общество. Они без проблем переезжают из города в город, находят, где выгоднее приложить силы, богатеют. А попробуй мы перебраться в Ригу? Кто даст жильё, работу?!»

Мать Вячеслава работала кассиром в районной сберкассе, старшая сестра вышла замуж и жила в селе, подрастала младшая. Вячеслава отличали способности, его привлекла профессия отца. Он хорошо подготовился и поступил в Риге в университет на отделение журналистики. Как было бы недурно, получив диплом, оказаться за границей и устроиться на одну из тех радиостанций, которые слушает отец... конечно же, той стороне нужны специалисты из противоположного лагеря; может найтись место в антисоветском журнале, в газете, о которых, обвиняя их в лживости, упоминают преподаватели.

Карьера во Франкфурте-на-Майне, в Париже или Нью-Йорке виделась по-особенному манящей из студенческого общежития, из комнаты на четыре койки. Мысленно примеряясь к образу молодого диссидента, он старался не забывать об осторожности, но всё же (ах, это «но всё же»!..) с уст иной раз срывалось то, чему лучше бы не срываться. Жизнь пошла не так, решительно не так. На Запад он попал – но намного позднее, нежели собирался, и без надежды на карьеру. На эти «но», однако, есть свои «но», и в конце концов жизнь приятна. Плохо ли при такой безработице иметь работу? Мы служим в миграционном ведомстве, точнее, в одном из его филиалов, что занимается адаптацией переезжающих в Германию семей. Два сына, живущих отдельно, не нуждаются в материальной помощи, как прежде, хотя и просят её. Оба ездят на фольксвагенах, а он предпочитает обходиться велосипедом и общественным транспортом. Проводит в кафе свой часик. Честолюбивые замыслы?.. Его рассказы публикуются в эмигрантских журналах. Владимир (Вольфганг) Тик, писатель Зарубежья, признанный и в России, два раза похвалил его в русскоязычной газете Германии. А этого удостоился не каждый член Ассоциации русских литераторов, которой городские власти выделили этаж симпатичного здания на Шёнхаузер Аллее, в бывшем Восточном Берлине. Скоро там будет представлена Ульяна как новый автор, она прочтёт своё творение, предстоит защищать её от критиков.

* * *

Он поднялся из метро поблизости от замка королевы Софии Шарлотты. Район с немалой долей зажиточного люда. Русский ресторан Samowar – Ульяна называла его, объясняя, как пройти к её дому. Пока же лучше свернуть к замку, прогуляться по парку – нетерпение заставило приехать слишком рано. Солнце припекает и горячит. Широкая аллея с искристым фонтаном под голубым небом, цветы на клумбах, цветы в вазонах с землёй; публика ещё не скопилась: тихо, красиво, ласково. Весьма подходяще для прогулки перед часом любви... Над идиллическим прудом с утками, с парой лебедей – скульптуры нагих толстеньких мальчиков, один держит здоровенную рыбку: ну прямо намёк на ресторан Zander («Судак»), где вы с Ульяной отдали должное угрю в портвейне с пюре из картофеля и олив... Ульяна знакома тебе года три, но лишь в последнее время знакомство получило развитие.

Она руководит обществом «Беседа» в Русском доме, как обиходно именуют бывший Советский дом науки и культуры – один из былых центров дружбы СССР и ГДР. Общество «Беседа» устраивает встречи с людьми искусства, в том числе с писателями

– и не только с приезжающими из России, но иногда и с теми, кто осел в Зарубежье. Вячеслав Никитич Слотов покамест не оказался виновником подобного события, но как заинтересованный гость присутствовал на встречах непременно. Ульяна уделяла ему дежурную улыбку, проходя мимо с занятым видом, – организатор в хлопотах. Сразу же оценив её фигуру, походку, он скучнел оттого, что не подворачивалось повода попробовать за нею поухаживать.

Как не крепчать пессимизму, если за годы в Германии любить кого-то, кроме жены, удавалось много реже, чем надо бы? Немки пренебрегают вашими знаками внимания, не нравится ваш акцент. Есть, правда, готовые на сближение, но вы не в той нужде, чтобы обладать женщиной, закрыв глаза. Прибегнуть к платной услуге? Наверно, нашлась бы по карману прелестница из экс-СССР, но, будьте уверены: над нею опека, и стоит ли радость риска – попасть под контроль мафии? Остаётся, схватывая взглядом сексапильные фигурки, кланяться случаю за «так себе» – и маяться при виде Ульяны, которая лет на двадцать моложе и столь чувственно привлекательна. Попробуй подступишь к ней, будучи человеком непрославленным и, по здешним меркам, малоимущим...

Навряд ли она знает твоё имя, и как не обратиться в слух, когда однажды она останавливается: «Мне понравился ваш рассказ, Вячеслав...» – пауза, чуточка смущения. «Никитич, если угодно». Её улыбка – не дежурная, а живая, тёплая – стала лукавой. «Вячеслав, сможете подождать меня после мероприятия?» – она тут же ушла – человек на работе. В зале рассаживалась публика, вот-вот должны были появиться приехавшие из Москвы поэты.

Ульяна отозвалась о рассказе, который за месяц до того напечатал русский журнал в Германии: Рига семидесятых, юная пара, оба студенты, он тайно слушает радио «Свобода», достаёт произведения самиздата. Возмущение режимом, скрываемое на людях, находит место в любовных записках подруге, юношеские эмоции: «Я ненавижу советский фашизм! В Чехословакии танки давили демонстрантов...» У парня есть неудачливый соперник, он похищает у девушки письма: «Я отнесу их, куда надо...» Её любимого выкинут из университета, и что ещё ждёт его? ссылка, психушка?.. Она идёт на сделку...

Автор в беспокойстве предположений и надежд дожидается конца встречи с поэтами – долгой, неинтересной. Похлопаем заключительному выступлению. Ульяна никак не освободится, выходит и возвращается в зал, который пустеет. Подождём в коридоре. Вот и она, и мы тщетно силится не улыбаться. Говорит о рассказе расхожее – она под глубоким впечатлением – но кто говорит это! Формы что надо, чуть вздёрнутый носик.

- По-вашему, рассказ удался?

- Это однозначно! Хотелось бы почитать и другие ваши произведения... Вы не против, если мы организуем встречу с вами? Пройдут две запланированных, а затем...

Сдерживая захлестнувшее чувство, не отвечаем ни «да», ни «нет». Ульяна, пойдёмте в бар! Мне не терпится отметить оценку, которую вы дали моему рассказу... Она взглянула дружелюбно и сожалеюще. Сейчас – никак! дела. Но на той неделе будет выставка картин – вы ведь придёте? – почему не поглядеть вместе...

- И в бар.

- В бар! – ответила она с шутливым подъёмом: так, словно притопнула ножкой.

На выставке, стоя перед полотном рядом с ней, он в воображении поглаживал округлость её зада, обтянутого тонкой материей платья. Обсуждали картину. Высокий речной берег в полнолуние, берег, увенчанный таёжными великанами, река заворачивает, унося свои воды, и видна далеко-далеко... Ульяна произносит: какой простор! я ощущаю его в буквальном смысле; здесь, в Германии, этого нет, всегда где-нибудь крыши домов, кирха, замок. А тут с берега просто полетела бы в ту даль... Да, создаётся иллюзия полёта – говорим в тон ей, обнимая её сбоку чуткой рукой и любовно прижимая к себе: в воображении. Поэтичное парение – говорит она, и вы показываете себя: тонко передан эффект лунного освещения. Но уже было у Куинджи... Она взглянула внимательно; с серьёзным видом поболтали с ней и о Кустодиеве, заодно о Рерихе.

Кивнуть светски-насмешливо на пейзаж: «Иллюстрация к лермонтовским пальмам? С эротическим дополнением». Пески, пальмовая рощица, ручей. По колено в нём, несколько заслонённая стволом дерева, – обнажённая дева. «Нимфа из видика!» – получилось сказать свысока?.. Ульяна: она не против эротики, но не примитивно ли – взять и поместить женское тело, как заснятое. Он делает поворот, что присуще сложным интересным натурам: но посмотрите, как тело ярко подано! оно же в тени, однако бархатный полумрак словно обтекает его, притом резкость незаметна. Тень тенью, а... «Да-а...» – она изучает полотно.

У вас прорывается возбуждение: «А здесь эротика совершенно изысканна». На картине – утонувшая в меду пчела; позади сосуда, сквозь него, проглядывают очертания круглого плода вроде белой тыквы. Фон, выступающий ненавязчиво властно. Мёд прозрачен.

- Всмотрись – и пчела словно и в нём, и...
- На попе, – сказала она, усмехнувшись, глядя ему в глаза.

Он едва не хохотнул. Пробуя, пробуя ладонью её полушария (мысленно), ляпнул первое, что попросилось на язык:

- Вам как женщине... нравится Путин?

У неё выжидательное выражение. Надо объяснить, почему это попросилось на язык.

- Я читал, есть немало россиянок, для кого Путин – сексуальный кумир, их зовут путинками... Меня и дёрнуло на своего рода тест...

Она спокойно улыбнулась – так, точно это и был ясный ответ (которого, однако же, не было). Он думал, она останется несловоохотливой, но в баре, выбрав коктейль Cosmopolitan, Ульяна с весёлым любопытством глядела, что будет пить он. Когда заказал смесь белого рома с сахарным сиропом, с соками зелёного лимона и апельсиновым, задорно бросила: «Сколько дам вы этим угощали, признайтесь!» Он игриво помялся, сделал вид, что сейчас ответит, и, как и следовало, промолчал. Начал о том, о чём начинают, углубляя знакомство. Пара вопросов, отвлеклись-вернулись, беседа клеится. Она была москвичкой (так и думал). Окончила инъяз (как и его жена – намного раньше и в ином городе. Но о ней ни к чему). В Германию Ульяна приехала с мужем на постоянное местожительство. «Мы расстались, наш брак изжил себя», – её лицо отразило неприязнь к теме. Тут же глаза улыбнулись. Она хотела бы сказать о его рассказе. Конфликт, накал, всё, что творится в душе героини, – не оторвёшься! Наверно, можно было бы опустить натурализм, когда она и подлец в постели... но и тут до чего хорошо написано! Вы до тонкости знаете женщин. Ведь он её вынудил к постели, но независимо от этого ей по-женски сладко от мужчины, она стремится получить больше наслаждения...

Махом допить коктейль. Хорошо, что осталось на нормальный глоток. Как она смотрела в упор, говоря... Он шутливо приложил руку к сердцу, наклонил голову. Ульяна, однако, осталась серьёзной. «То, что вы написали, – сила! – и не без робости: – Должна признаться, я пишу... вернее, пытаюсь. Может быть, это поздновато...» (коклетничает). Он не возьмётся прочесть её опус?

Вон к чему шло. Таким образом с ним не раз завязывали дружбу в той иной, до развала, жизни. Но тогда его внимание кое-чего стоило: у него выходили книги, он был заведомо самой крупной в Латвии газеты – органа ЦК Компартии.

Расположение Ульяны проистекает не оттого, что она питает иллюзии насчёт его нынешней значимости. Она почувствовала его дарование, он её заинтересовал (что в том невероятного?), и ей, естественно, хотелось бы услышать похвалу её пробе пера. Договорились, что он зайдёт к ней на работу за рукописью (с нею она передала листок: номера домашнего телефона и мобильного). История любви была описана почти без стилистических огрехов – и без единого нового штришка. Молодая москвичка и немец; прилетевший в Москву, он выказал отменные манеры, предупредительность, а у себя дома в Германии обратился в скареду, замучил жену придирками: не надо мыть голову под душем! надо заткнуть умывальную раковину, наполнить её водой и там мыть голову.

Сколько раз было читано об этом!.. Что сказал бы Вольфганг Тик и о заезженном

немце, и о столь же изморённой авторами россиянке, которая горючими слезами плачет по покинутой родине... Звоним Ульяне: прочитал! (произнесено в порыве). О ностальгии столько написано, но вы сумели передать по-своему – трогательно-трогательно! пронзительно. У вас талант! «Вы мне льстите», – говорит она приглушённо и жалобно-доверчиво. «Не страдаю привычкой – так дешёво угождать. Вы нашли свежие детали...» Разговор в том же духе на добрые полчаса. Назавтра она позвонила, потом он ей. Они побывали на гала-концерте в Русском доме, затем в баре он пристукнул стаканом о её стакан:

- За вашу удавшуюся новеллу!

Она щекотнула его взглядом:

- Приглашение к брудершафту?

Свободная женщина не прочь завести интрижку. Наверняка у неё кто-то есть, но и он волнует её. Подобное видишь едва ли не в каждом фильме, оно нормально. «Ты догадлива...» – проговорил он с плотским восхищением, она не отвела глаз: будем проще, окау? Он охотно кивнул. Было очевидно – ей понятно (может, и слыхала от кого-нибудь), что он женат, но необходимо самому подать факт. «У меня и у жены – у каждого своя жизнь, здесь для этого есть возможности; толерантность – прекрасная позиция!..» Ульяна ответила полуулыбкой, потягивая коктейль.

Они перезванивались перед сном, ворковали, хихикали. Слотов пригласил её в ресторан, и там на его комплименты (стал уже повторяться) она сказала: «Я не девочка, я вижу... у тебя сильное чувство. Мне нравится». Блаженство! Взгляд, голос выразили страстное обожание: «Яночка... Ничего, что я так назвал?» – «Ну не Уля же», – сказала она, удостоверив, что он не оказался оригиналом. Попросила: расскажи о литературной ассоциации. Кого туда принимают? только профессионалов? Он внутренне рассмеялся. Тщеславие авторов-начинашек – уж чего привычнее! «Нужно иметь публикации, хотя бы одну. Но если думаешь, что членство что-то даст... Для издателей наша ассоциация – пустой звук». Я хочу быть своей среди литераторов, произнесла она с капризной ноткой, вот! «Сделаем, – заверил он, приветствуя слабость, которая крепче привяжет к нему эту женщину. – Для начала я тебя представлю собранию, они захотят, чтобы ты им почитала, и твою вещь распушат и охают. У нас это любят».

- Постоишь за меня! – сказала она игриво-требовательно, любуясь его готовностью.

Кельнер принёс смену блюд, выпили вина. Ульяна сообщила:

- Один мужик просит с тобой его познакомиться. Твой рассказ расхваливает до небес. Что за мужик? Из посольства. Работает при атташе культуры. Они проводят исследование, как эмигранты – бывшие работники культуры – осваиваются в чужой стране. Кто продолжает заниматься тем, что делал? кто ищет возможность... Почему к ней обратился? Он курирует общество «Беседа», спросил, не знаю ли я тебя. Я сказала: ну, конечно! В глазах Слотова вопрос о её отношениях с упомянутым субъектом. «Хорошо, я с ним познакомлюсь. Но не в ближайшее время. Сейчас я глух ко всему, кроме...» Она никак не показала, что поняла. Поболтали о литературе. На исходе ужина он выдохнул шёпотом, что поедет с ней на такси до её дома. Нет, отклонила она, ты поедешь к себе. Не надо наводить жену на мысли (усмешка с холодком). И вообще днём лучше... Его окунуло в восторг, не удержался: произойдёт? И услышал: да, всё будет. Будет, как ты захочешь... Она назвала время визита.

* * *

Оставалось семь минут, когда, покинув парк и купив букет фрезий – бело-лиловых, жёлтых, розовых, – он подошёл к дому, где она жила. Стоял, смотрел, внутренне подтянувшись, на её фамилию в списке жильцов – мужчина в годах, следящий за собой, с животиком, с обширной лысиной ото лба, с бачками. Одно время носил и усики, но понял, что с ними он фат фатом, – и сбрил.

Пора нажать на кнопку вызова. Голос Ульяны, от которого всё в нас затрепетало

(именно!), ступени, перила – какую она меня встретит?.. За открывшейся дверью – о-оо!.. в белых коротеньких штанцах-капри, в лимонном топе, волосы свежескрашены в рыжий цвет и завиты. Эта гладкая кожа, эта улыбочка: «Слава, ты лапушка! жёлтенькие фрезии и мой топ!» – «А розовые идут к твоим глазам» (карим). В комнате – угловой мягкий диван, мягкие кресла, что обыкновенно для русских квартир, дверь в смежную комнату (спальню), на столике перед диваном – фрукты, виноград. «Я козий сыр принёс. Как он тебе?» Весёлый возглас: «Вполне!» О любом другом она отозвалась бы точно так же; спросим-ка, где она впервые пробовала козий сыр. «На Крите». А на Корфу ты была? Да. На Корсике, на Кипре... Чувствуется, она может продолжить, но не довольно ли? Сами вы побывали, если не считать граничащих с Германией стран, лишь в Турции.

Опускаемся на диван. Ульяна, отлучившись на кухню, плавно входит с подносом: бутылка мартини Вiансо и мартини со льдом, с лимонным соком и с кружками лимона, уже налитый в стаканы, в каких его принято подавать: узкие, высокие, с толстым дном. Женщина в кресле напротив вас, со стаканом в холеной руке, завиток волос свесился на лоб, пристально-любопытные глаза.

- Почему твой сыр не ешь? Не голоден? Или... наоборот?.. – каким залилась смехом! он так и просит, чтобы его покрыло ржание, и надо считать, что это произошло.

Она властно выбросила руку, приказывая ему, вскочившему, сесть снова.

- Я тебя в дикого раскочегарю! – и выскользнула в спальню.

Появилась, вскидывая колени, словно маршируя: нагая, в босоножках на каблуке сантиметров двенадцать. Он чуть растерялся, отчего подосадовал на себя: как ты старомоден! и живя-то на Западе?.. Юность, райцентр, подруга, которая в лесу сняла джинсы и принялась озоровать... много несходства?.. Судьба перекинула в ту даль радуго... Мысль приходится на момент, когда ты нетерпеливо обнажаешься в спальне, чью треть занимает кровать. Ульяна протянула презерватив. Показав свой припасённый, галантно берём предложенный. Мужская сила налицо – и разве вы признались бы себе в опасении, которое, можно считать, испарилось? Вы уверенно и нежно прикасаетесь к женщине – и тут же испытываете сладостную власть её прикосновений: искусственной и рьяной в баловстве.

Он вправе быть самодовольным. Ульяна наградила его, лёгшего после свершения подле, усталым похлопыванием по брюшку. Поспешно вскакиваем, приносим мартини. Она, приподнявшись, упиравшись локтем в постель, выпила полстакана, он осушил почти весь.

- Хочешь повторить? – указала глазами на стакан и перевела хитрый взгляд на другое. Он всхотнул, прилёг к ней ласкаться. «Мне бы глотнуть чего-нибудь покрепче». – «В кухне в холодильнике». Не без стеснения, совершенно беспочвенного, прошёл нагишом на кухню, в холодильнике стояла бутылка виски Вurbon. Глоток и в ванную. Вымыл потное лицо, ополоснул шею, грудь. Выйдя, натолкнулся на голенькую Ульяну: и мне сюда, хи-хи-хи...

Сидел на кровати гордый, немного пьяный, счастливый. И робеющий – оттого что творилось восхитительное до невероятия... Прибежала Ульяна, и они возобновили своё.

Когда затем отдыхали, лёжа навзничь, она промолвила с очаровательной негой: «Чудесно было! Ты сильный мужик». Коснулась носиком его предплечья: «Встретишься с твоим почитателем?» Притворяемся, что вспоминаем: а, из посольства. Что он так пристал? Он не пристал – сказал один раз. Но я зависима от него по работе. «Будет сделано! – убого прикрываем беспечностью неудовольствие. – Что от меня требуется? Позвонить ему?» – «Вот ещё! – бросила она лениво-томно. – Сам позвонит. Я дам твой телефон?» – «Изволь...» – произнесено жарким тоном близости – будто вовсе не о том, о чём была речь. Не к чему выдавать, что тебя посасывает предчувствие. Одеваясь, поглядывать на Ульяну нежно и безмерно-довольно, не ускорять движений, ведь тебя ничто не озаботило. Прощаясь, не навязываемся с поцелуем, просто берём её руки, прижимаем к своим щекам и затем чмокаем в запястья.

Он направляется домой через солнечный Берлин, правда, некоторое время

приходится провести в метро, но вот снова не особенно людные улицы с часто попадающейся зеленью. Предчувствие подобно дрожжам, от которых, словно тесто, поднялось прошлое и поглотило мысли. Наисвежие впечатления мешаются с воспоминаниями о давно пережитых утехх: пахнущие духами фабрики «Дзинтарс» рижанки, а до них девчонки райцентра, грубовато-открытые, не знавшие, что надо брить подмышки, чего не ведал и он. Мечта подростка – появиться на танцплощадке в джинсах Super Rifle. Теснота дома, серый кисло-сладкий хлеб, варёная картошка с подливой из сметаны и поджаренной на масле муки, хлебный суп с сухофруктами, овсяный кисель. Мечта о магнитофоне. В школе запрет носить длинные волосы. Номер «Огонька» в руках у отца: «Брежнев запечатлён восемь раз! Сколько будет в следующем?» Одиннадцать. Отец иронизирует с неутраченной страстишкой (без посторонних и когда не слышит младшая дочь). Пришёл с работы, негодуя хмыкает: «Был форменный скандал». У них в редакции районной газеты, как и во всяком достойном учреждении, полагалось выпускать стенгазету. Цензорша, чьей обязанностью было читать перед выпуском районку, увидела стенгазету, когда та уже украшала коридор. Намётанный глаз обнаружил отсутствие обязательного для всей прессы лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Цензорша потребовала снять стенновку, и началось разбирательство, почему нет лозунга. Оказалось, о нём забыли. Можно было бы его вписать, но места хватало только на мелкие буквы – и сей выход признали недопустимым. Пришлось делать стенгазету заново. Дома отец комментировал случай: это дико архаичное «соединяйтесь!» С нами-то?.. Да у них безработные живут лучше наших работающих!

Позже, став студентом, будущий журналист перебирал в памяти различные «дикие» эпизоды жизни в советском раю: о них он расскажет на Западе. Он готовился уехать туда с багажом материала в голове, мысли о Западе сопровождались невольной воображаемой возбуждающей улыбкой... Он страшился подумать, а что если то будущее у него отнимут?.. Когда узнал, что уже отняли, страх выгнал на лоб капли пота. Страх за настоящее. Оно колебалось на ужасно шатких ногах, и как было воспротивиться верёвке? Крепко связанный, постепенно развязывался с затруднениями. Его приняли в партию, и, не задержавшись долго в молодёжной газете, он стал сотрудником «Советской Латвии», выиграв и в зарплате и в смысле престижа. Началась и литературная карьера: в журнале «Даугава» стали появляться его рассказы. Вышла первая книга, вторая... И почему было ему не сделаться главным редактором газеты и одним из видных русскоязычных писателей Латвии? Не к тому ли подвигалось?.. Он не ездил на побережье Франции, но на берегу Рижского залива, в местечке Вецаки, имел дачу – рядом с дачей Гирта Яковлева: актёра, известного на весь Союз.

Закрутилось другое кино. Независимая Латвия, гложущая бессонница... Не пристукнуло. Как-то пронесло – то щекотливое. Но прибирала к рукам нужда. Стало несомненным: отсутствие приемлемой роли – это не временно. Жена Марта – российская немка, – и мы отправились на её историческую родину. Тщеславию пришлось скукожиться, зато желудок вознаграждал себя за период воздержания. Даже при неимении работы, социальной помощи вполне хватало на колбасы, сыры, пиво, свежие фрукты. Сделавшись маленьким человеком Запада, вы отведали то, чего не пробовали, будучи непоследним лицом в советской республике, взять хотя бы утку в хрустящей корочке, с кокосовым молоком, зелёными бобами и сырыми шампиньонами в соусе – под смирновскую водку французского розлива. Вы обжились, стало кое-что перепадать и честолюбию, но одно ущемляло – дефицит любви. Вдруг, с её упоением, вам словно напомнили о плате.

* * *

Марта, пришедшая с работы, загружала стиральную машину.
- Разогрей себе паелью.

Он обул домашние тапочки.

- А куриные печёнки есть?

- Но ты же сам не поджаришь... Ладно, я поджарю.

Произнести обычное: «Нет-нет, обойдусь!» – зная: она, сказав, обязательно сделает. Жена чуралась вопроса: «Где ты был?» – но, безусловно, следовало иногда уведомлять её, например: «Открылся новый магазин русской книги. Юморист Фуршет, его фамилия вообще-то Доренец, позвал посмотреть...» Теперь же ты посетил на дому глубокого старика, автора мемуаров, поддержал его: пусть продолжает дело. Он кое-кого, хотя, увы, и с опозданием, выводит на чистую воду...

Надо позвонить Вольфгангу Тику. Лучше бы это сделать позднее, но мы в беспокойстве и оттого суетливы. Напоминаем Тику: я тебе об Ульяне говорил, да ты её знаешь. Да-да, новелла у неё. Как бы, понимаешь, помягче обсудить... Тик, отвечающий по мобильнику, краток: послушаем, обсудим... Я в библиотеке. Извини, потом договорим.

В библиотеке! Вот у кого дело: вывести на свет... и без опозданий. Удастся? Обуян замыслом трагедии момента. Фраза соотнеслась с тем, что липло и щекотало; ты чувствуешь себя обладателем товара. Благоразумие велит стряхнуть паутинку.

Так и стряхивал до понедельника, когда на работу позвонил человек, сказавший, что его зовут Николай Сергеевич и ему любезно предоставила номер телефона Ульяна.

Человек спросил:

- Вы с работы домой на машине?

- Нет.

- Так, может, я вас подвезу? По пути поговорим, если вас не затруднит...

Не очевидно ли, что Николай Сергеевич осведомлён об отсутствии у него машины и запланировал подвезти? Место работы Слотова – в бывшем Восточном Берлине, квартира – в бывшем Западном, путь не то чтобы дальний, но и не рукой подать.

Николай Сергеевич появился из стоявшего в месте парковки скромного audi quattro. Автомобиль серо-сиреневый, на человеке – бежевая рубашка с короткими рукавами.

Он молод, вряд ли старше тридцати. Утрированно дружелюбное: «Здравствуйте!» – но до него Слотов успел поймать характерно холодное выражение глаз.

В машине человек сообщает: России небезразличны судьбы эмигрантов, его задача – интересоваться творческой интеллигенцией.

- Но я эмигрировал из Латвии.

Сидящий за рулём парирует с сахарной почтительностью:

- Вы – русский литератор!

Машина выезжает на Пренцлауер Аллее, человек называет выходящие в Германии русские газеты, журналы. Говорит: в газетах юмор нередко публикуется. Писатели-юмористы зарабатывают? «Какой там заработок...» – досадливо отвечает Слотов.

Водитель приветливо-насмешлив: да, гонорары не ахти какие, он слышал. Затем глубокомысленно сообщает: в журналах бывают стоящие произведения. Например, ваши.

- Приятно слышать.

Человек взглянул сбоку. Я штудировал историю эмиграции. В холодную войну антисоветские издания неплохо финансировались. Писатель, критикующий СССР, имел стимул... Кивнуть? Обойдёмся без кивка.

- Запад, – сказал Николай Сергеевич, – давно не финансирует эмигрантские издания, а они расплодилось. Пишущих больше, чем было тогда.

- А если им опять и платить хорошо станут? – многозначительно вставил Слотов с припрятанным ехидством.

Водитель молчит. Audi в потоке машин движется по улице Клары Цеткин, слева остались Бранденбургские ворота.

- О сегодняшней России кто особенно резко пишет? Максим Надеин? – спросил человек, следя за дорогой.

- К Надеину слово «резко» не очень подходит. Скорее, слово «тоска». Майя Стрепетова воинственно настроена... Наверно, вам лучше знать.

Николай Сергеевич предложил остановиться у Дома культур мира. Буквально на пять минут, вы не против?... Извольте... Автомобиль замер впритирку к тротуару, за которым растут кусты, в просветах видна вода бассейна.

Человек слева от Слотова повернулся к нему в деловитой подобранности, точно собираясь схватить за руки:

- Я должен вам кое-что передать.

Прижимаемся лопатками к спинке сиденья. Никакой дрожи!.. мы этого ждали...

- Передать? Странно. От кого?

Молодое лицо профессионально непроницаемо, глаза смотрят настойчиво, будто на тяжело больного, который, может, слышит, а, может, и нет.

- Вы помните фамилию Клёнов?

Кажется, мы моргнули. Лучше отвернуться. Зелень, бассейн, за ним – не без вкуса возведённое из бетона округлое строение, Дом культур мира.

- Клёнов? Не могу вспомнить.

Не можете, говорит мужчина равнодушно, в нём уже ни следа дружелюбия. Меня попросили вам сказать... ваше дело в тот период вывезли из Риги, оно хранится в Москве. Вы хорошо помогали и могли бы помочь и теперь... Слотов не раскрыл рта, но человек, словно тот заговорил, бросил:

- Погодите! Завтра я вам позвоню, и тогда вы скажете. Скажете «нет» – к вам никаких претензий. Сотрудничество может быть только добровольным. Вам благодарны. Вся информация, имеющая к вам отношение, спасена от новой латвийской власти. Но в Латвии есть круги, которым нужно копанье в прошлом. Поспекулировать на разоблачении, подлить масла в огонь... За документацию по делу вроде вашего платят. А нестойкие люди могут оказаться повсюду. Не исключена утечка.

Слотов встретил изучающий взгляд, чувствуя, что не скрыть неодолимо тревожную хлипкость в себе. Ему говорят: информация о тех, кто помогает сегодня, находится в ином режиме хранения. Тут уж никакой утечки быть не может.

Простенько и ясно! Но он был готов к подобному. И всё равно как гложуще беспокойно... Человек включил зажигание. Пальцы сжимаются в кулак, с усилием распрямляем их на колене, ощущая в них дрожь, хотя с виду они не дрожат.

Помалкиваем. Обменялись с водителем ещё несколькими словами – о дороге к дому, где живём, – и расстались.

* * *

«Не могу вспомнить», – мысль о сказанном давеча. Он усмехается, что помнит мелочи, никоим образом не относящиеся к... (к чему?), и открывает банку пива на кухне.

Кабинет в редакции был не больше этой кухни, на столе лежала газета, так и видится заголовок «Реки Западной Европы умирают». Напечатано летом 1974, а в этих реках до сего дня водится рыба. В Рейне на удочку неплохо ловится усач, рыб длиной менее 38 см рыбаки выпускают. Частая добыча – линь, брать можно лишь линей не короче 26 см. Судак и карп, чтобы не быть брошенными назад в реку, должны достигать не менее 45 см, а щука – не менее пятидесяти. Корма хватает цаплям, выдрам. Не вывелись бобры. Германская газета рассказала, как бобр покинул месторасположение своей колонии и вышел на автобан. Водители стали тормозить, движение застопорилось. Прибыли полиция, пожарные, активисты Союза защиты животных. Один из активистов попытался набросить на бобра сетку, но она накрыла голову проезжавшего мотоциклиста: падение, к счастью, обошлось без травмы. Подруливший к бобру водитель сумел ухватить его и втащить в машину, сопровождаемая полицией, она двинулась в городок, где нарушителя должны были пересадить в специальный автофургон. Однако бобр вдруг принялся кусать водителя, и тот вытолкнул его из авто. В наступившей темноте беглец скрылся, чтобы через некоторое время оказаться в кафе и вызвать там переполох. В конце концов непоседу поймали и целого и невредимого возвратили на его местожительство.

«Западный мультфильм», – сказали бы в редакции газеты, напечатавшей корреспонденцию об умирании рек Запада. «Советская молодёжь» была органом ЦК Латвийского комсомола. Редакция занимала в Риге здание старой прочной постройки по улице Дзирнаву, 24. Студент Слотов, окончивший третий курс, проходил в «молодёжке» практику. В кабинете, маленьком, как кухня, помещался так называемый сектор науки. Отпив пива, поддевая вилкой пластинку копчёного мяса, Вячеслав Никитич размышляет о завсектором. Невысокий, худой в ту пору брюнет с гривой волос и роскошной бородой Роман Вальц – вот кого, кажется, захватили бы происшествия с бобром. Роман Маркович мог бы произнести: «Сколько хлопот из-за животного! И это – дикие нравы? мир произвола и насилия?!» Импульсивная натура, Вальц остановил бы себя с заметным трудом.

Практикант получил от него задание: написать о молодом историке, собиравшем документы о коммунистах-подпольщиках буржуазной Латвии. Вальц предупредил: «Он вам имена назовёт. Узнайте, что потом было с этими людьми. А то случалось: кто-то до войны в подполье, а немцы пришли – он к ним служить. Был скандал: восхвалили героя-коммуниста, а потом открылось...» – в глазах Романа Марковича играла искорка. Возвратившийся от историка Слотов доложил: люди, которые будут фигурировать в очерке, безупречны. Кто погиб на фронте, воюя против фашизма, кто умер позднее, трудясь на ответственных постах, есть и ныне живые – персональные пенсионеры. В бородатом Вальце проглядывало что-то загадочное, когда он спросил: «А о тех, кого посадили, учёный не говорил?» Слотов ответил «нет», как оно и было, и подавил нетерпеливое: а что? «Диалектика, Вячеслав, – сказал Вальц. – Кто-то немцам служил и спасся, потом даже в герои попал. А другие в подполье за коммунизм боролись, всю войну с фашизмом провоевали, и вдруг ночью их забирают как врагов народа». Торопливый охотный отклик: я слышал, читал о культе личности... репрессировали невиновных! но сегодня Сталина хвалят: достижения, заслуги...

Роман Маркович внимал, и было видно: слова просятся на язык. Но осмотрительность победила, он смолчал, тема закрылась. Слотов же почувствовал вкус к таким разговорам с людьми постарше и позначимее себя. Как-то зашёл в отдел комсомольской жизни, там были зав Александр Куличов, сотрудница Илона, внештатный корреспондент Бутейко, Павел Раль из отдела писем, ещё кто-то. Куличов рассказывал: ему позвонили из ЦК комсомола и выговорили за зубоскальство. Газета напечатала юмореску «Как подать женщине отбойный молоток». Вышучивались инструкции по технике безопасности, а затем объяснялось, что лучше всего указание: «Хватай эту байдю, Маня, и врубайся!» Куличову сказали: зубоскалите над тем, что у нас некоторые женщины ещё заняты физическим трудом? Он ответил: юморесками занимается не его отдел, а что до мнения, то он думает – это была шутка ради шутки. Тогда ему заявили: искусство ради искусства? вы не изучали принципы идейности?! Передавая беседу, Куличов обводил взглядом тех, кто был в кабинете. Павел Раль подтрунил:

- Тебе не посоветовали законспектировать работу Ленина «Партийная организация и партийная литература»? Каждое произведение должно служить идее, каждый литератор обязан стать винтиком партийного аппарата...

Слотов не упустил сей миг, ибо, обзаведясь приёмником ВЭФ, ловил радиоголоса и имел что сказать. Он произнёс:

- Ленин написал работу в 1905 году, когда партия боролась за сознание масс и у неё были сильные противники, надо было мобилизовать все усилия. Ленинские слова относились к определённой исторической ситуации, но их превратили в застывшие принципы на все времена. У нас давно не издают идейных противников, но, однако, авторы должны постоянно следить за указкой...

Вячеслав посмотрел на Раля, не глядевшего в его сторону, на Куличова, которому вдруг понадобилась газетная подшивка и он стал её перелистывать. Выступление осталось без комментариев. Слотов пожалел, что высунулся, но сожаление не оказалось настолько острым, дабы он всегда умел промолчать, когда можно было выказать себя критически мыслящей личностью.

Обладая отменной памятью и неплохо учась, он продолжал писать для газеты и после окончания практики. Гонорары добавлялись к стипендии, иногда прирабатывал к ней грузчиком в магазине, и будни жизнелюбивой натуры разнообразились пивом «Сенчу» с седобородым дедом на этикетке и «Рижским оригинальным», которое отличали 0,33-литровые бутылки, а также чересчур резковатая горчинка. Знал он и сияющие минуты. Раз в пару месяцев приводил девушку в ресторан «Астория», где к цыплятам табака заказывал джин, каковой импортировали из Венгерской Народной Республики, доказывая, что сей напиток умеют производить не только в капиталистической Англии или Голландии. Был посещён ресторан «Русе», где с наступлением ночи выходили танцевать перед публикой шесть полуобнажённых гёрлс. Подобное дозволялось далеко не везде и потому представало необычайно пикантным. Каково же оно на Западе!.. Подёрнутая дымкой даль дразнила ещё более, и тем явственнее становилась убогость окружающих реалий.

Он нёс корреспонденцию Вальцу и встретил его недалеко от редакции, тот шёл с чемоданом.

- Поздравьте меня, Слава: я наконец-то купил чемодан, чей вид не удручает! И знаете, почему он достался мне, а не кому-то по благу? У него ручка бракованная. Я взял – в мастерской починят. Но что это за хозяйство, когда потребитель вынужден покупать бракованную вещь, платя как за качественную?

Слотов подхватил:

- С каким инженером ни говорю, слышу о недоделках: поставщики поставляют брачок. Научные разработки годами ждут внедрения – не хватает того, другого, третьего... Да и как иначе может быть, если всем управляют из центра, а в его планы жизнь не втискивается?

- У вас получается писать так, что этого не видно, – сказал с добродушной подначкой Вальц.

Вячеслав и на другое лето проходил практику под его началом. До выпуска из университета оставался год, идеальное побуждало к переживаниям о его осуществимости. Получить должность корреспондента «Советской молодёжи» – для этого есть основания: у него уже достаточно публикаций. Далее – подкопить денег, купить туристическую путёвку в страну Запада и попросить там политическое убежище. Заминка! Он слышал, путёвки в страны капитализма предназначены начальству, деятелям культуры и искусства, словом, лицам с положением. По меньшей мере, необходимо членство в партии. Но людей, не принадлежащих к классу-гегемону или к труженикам села, принимали в партию не в первую очередь, мечта сталкивалась с неясностью, намекавшей на годы ожидания...

Мечталось об ином, нежели заветная путёвка, ходе. Жениться на еврейской девушке, которая не против выехать в Израиль. Было известно, первый этап пути – полёт до Вены, а там можно изменить маршрут. Надежды на успешную карьеру на Западе вызывали романтический настрой, и к образу той, кто обеспечит выезд, просился ореол любви. Слотов искал дружбы с девушкой, которая влекла бы его и сама по себе. Его знаки внимания приняли, студентка-медичка почти не опаздывала на свидания. И однажды после жаркого поцелуя он сделал ей признание: если бы она за него вышла и они выехали бы, он в Лондоне создал бы для неё жизнь, несравнимую с той, что возможна здесь. «В Лондоне», – было сказано для определённости и вообще как-то хорошо звучало.

Она посмотрела ему в лицо.

- Вон что... – проговорила чуть осекнувшимся голосом.

Слотов услышал: её отец скоро защитит докторскую, родители не собираются никуда уезжать, а она – покидать их. Он постарался снять натянутость, полушутливо-полусмущённо объяснив, что во власти чувства строит воздушные замки. О женитьбе более не заикался, стал приглядываться к другим еврейским девушкам, ловил разговоры об отъезжающих.

В студенческой среде упоминался выпускник отделения журналистики по имени Леонид. Он с отцом и матерью ждал разрешения на выезд, как и они, уволенный с

работы. Общение с ним сулило отозваться неприятностями, тем не менее Слотов решился на риск: познакомился со знакомыми Леонида, благодаря чему раз и другой оказался в компании с ним, принося шпроты, банку молотого кофе с цикорием. Атмосферу окрашивала сдержанность, однако, хотя это и не было прямо высказано, Слотов понял: молодой человек запланировал осесть в Европе и работать по специальности. Какие его встретят условия, где он устроится?.. Напрашиваться на письмо не приходилось: оно пройдёт через руки стражей госбезопасности и скомпрометирует получателя. Леонид, видимо, напишет тому, кто этого не боится, так как уже скомпрометирован, и от него Слотов узнает интересное. Если же судьба ему улыбнётся и он пересечёт границу, в Европе будет хоть один знакомый коллега. Подумав, как вбить вешку, за которую зацепилась бы память товарища, Вячеслав проговорил:

- В книгах мне попадалось – пьют перно. А я не знаю, что это такое. В словаре нет. Но кто-то скоро будет знать...

Леонид, подув в чашку с горячим кофе, слушал. Слотов сказал:

- Я читал, перно во Франции пьют. Но, думаю, в соседних странах тоже.

Он напомнит об этом разговоре перед отъездом Леонида. Будет прощальное застолье, так называемый отходняк, на который Вячеслав решил не идти, наслышанный, что всех, кто участвует в таких проводах, КГБ берёт на заметку. Практикант работал один в кабинете Вальца, который давал ему ключ. Поглядев на часы, набрал номер телефона: мне Леонида, пожалуйста... Назвав ему себя только по имени, пожелал всех благ на новом месте, а в заключение бодренько произнёс: «Будешь пить перно, за меня выпей рюмку!»

Спустя несколько дней, проходя мимо вахтёра общежития, Вячеслав был окликнут. Женщина зачитала записанное на клочке бумаги: звонили из отдела кадров университета. Слотов должен зайти туда завтра в два часа.

* * *

Вторая банка пива, поздний вечер. Окно кухни открыто, на подоконнике в ящиках с землёй растут цветы. Марта недавно их полила, и он обоняет аромат гортензий. Нервы не успокаиваются. «Влип!» – повторяется в уме то, что впервые подумалось почти тридцать лет назад. Он не находил себе места, слоняясь по общежитию. Вызов в отдел кадров... Но, может, это вовсе не из-за звонка Леониду? Выяснится – и камень с плеч. До чего же станет легко!..

Постучавшись, он вошёл в комнату, где увидел сотрудницу средних лет. Она сверилась с записью и сказала:

- Подождите.

Волнуясь, он спросил:

- А... по какому вопросу?

- Этого я не знаю, вам скажут, – ответила она отстранённо.

Дверь открылась, вошедший держал в руке чёрную папку искусственной кожи.

Поздоровавшись кивком с женщиной, повернулся к студенту:

- Слотов Вячеслав?

Тот уже встал со стула. Мужчина с ног до головы смерил его взглядом: – Нам надо побеседовать. – И, приоткрыв дверь, указал в коридор. Сотрудница отдела кадров вышла тоже, отперла соседнюю комнату и ретировалась.

Человек с папкой пропустил студента вперёд. У стены стояли шкафы, в каких хранят бумаги, на оставшемся малом пространстве помещались стулья и стол. Мужчина расположился за ним, пригласил Слотова сесть напротив, но не вплотную к столу – в метре от края. Вячеслава снедала такая тревога, что он ни о чём не мог думать; потом не удалось вспомнить, какого цвета галстук был на человеке. Тот извлёк из внутреннего кармана пиджака книжицу, раскрыв, показал и спрятал. Слотов не прочёл ничего.

- Вы из... – начал и смолк.

- Из Комитета Государственной Безопасности, – отдельно произнёс мужчина.

Слотов ощутил, что бессилён слово сказать. Чёрная папка лежала на столе. Потупив глаза, Вячеслав не мог заставить себя поднять их. Работник КГБ произнёс:

- Знаете, конечно, почему мы встретились?

Он мотнул головой.

- Не знаете за собой никакой вины? Честно? – насмешливо сказал гэбэшник.

Слотов сидел онемев. Человек из КГБ раскрыл папку и, наклонив её к себе так, чтобы студент не видел бумагу, поведал:

- Люди обеспокоены тем, как вы настроены. К нам поступают сигналы. Так, в редакции газеты вы высказались против принципа идейности и заявили, что советская литература создаётся по указке партии...

«Кто?» – встряхнуло его. Прорвались слова: было не так! Принялся уверять: он не делал и попытки возразить против идейности! Сказал только, что Ленин написал свою работу в определённый период и она отразила его особенности...

Человек с папкой произнёс:

- Да. И сказали вы это для того, чтобы заявить, что советская литература несвободна. О партийной указке говорили?

- Не помню, – ответил он виновато-жалобно. – Но что вам приврали, это точно! Всегда можно подать не в том свете – вам так и подали.

- Вы уверены? – едко сказал гэбэшник, держа перед собой папку. – Мы к этому ещё вернёмся... Вот другое о вас. Был разговор о выселении во время войны отдельных народов, о том, что решением партии они были возвращены. Вы заявили: то, что не дали вернуться крымским татарам и поволжским немцам, доказывает неискренность политики партии, с деспотизмом порвано не было.

Моментально вспомнилось: он на голоса заглянул в отдел культуры. Заведующий Мигулин пил чай и читал машинописный текст, Раль, Куличов и человек, незнакомый Слотову, – видимо, внештатник – слушали внештатника Бутейко. Тот провёл отпуск в Крыму, принёс путевые заметки. Ему захотелось сказать, чего он не написал, но что посетило его при осмотре домов-музеев Грина и Чехова:

- Музеи были открыты на русской земле, они – неотторжимая принадлежность России, и мне странно осознавать, что это стало Украиной...

- Крыму не хватает своей воды, – сказал Раль, – воду качают с Украины. Ну, Хрущёв и передал его ей.

Слова восприняли как шутку, поулыбались. Куличов заметил: Хрущёва есть за что высмеять, но нельзя забывать и его добрых дел. Он осудил сталинский террор, реабилитировал миллионы жертв, дал людям свободно вздохнуть. Выселенные народы вернулись на родину.

Слотов помнил передачу одного из зарубежных голосов: Хрущёв пролил свет на часть преступлений Сталина, поскольку выражал интересы партийной верхушки, она желала навсегда обезопасить себя от того, что совершал Сталин, расправлявшийся с деятелями любого ранга. Любитель поразмышлять, Слотов гордился тем, до чего дошёл своим умом: реабилитация жертв, прощение наказанных народов понадобились партийным верхам, чтобы прикрыть заботу о собственной неприкосновенности показным человеколюбием. Демонстрация честности должна была произвести и произвела впечатление и на страну, и на весь мир.

Он удержался от того, чтобы изложить всё это, но, однако ж, к словам Куличова о Хрущёве присовокупил:

- А искренности у него не было. Принцип коллективной вины остался, с последствиями деспотизма не покончили. Крымские татары и немцы Поволжья в родные края не возвратились.

Теперь ёжась под взглядом гэбэшника, Слотов сказал, что говорил не о партии, а конкретно о Хрущёве, которого, как известно, партия сняла с поста.

Работник КГБ смотрел с недобрым интересом.

- Но вам не нравится, что немцам и татарам не разрешено вернуться! Что вы об этом

вопросе знаете? От кого? Бросаетесь словом «деспотизм».

Слотов чувствовал, что самое лучшее – не скрывать страха, – и сидел обмякнув, потупившись.

- Привести ещё ваши антисоветские высказывания? – проговорил гэбэшник зловеще. – Мы провели работу и знаем о вас достаточно, – он поглядел в папку. – Рассказываете анекдот про БАМ...

Слотов не сразу вспомнил всех студентов, которые слышали от него не анекдот, а двусмысленную загадку: на «б» начинается, мягким знаком кончается, в мужиках нуждается. Подразумевалась Байкало-Амурская магистраль.

Он постарался гримасой горечи выразить раскаяние. Работник КГБ назвал фамилию Леонида.

- Что вас с ним связывает?

- Случайно познакомились, – пробормотал Слотов сокрушённо.

- Вы же понимаете, что означает его отъезд, – сказал мужчина с папкой. – Родина, за которую миллионы людей положили жизнь, вырастила его, дала ему высшее образование, а как он отплатил? Это вам и нравится!

Вячеслав ощутил на лице испарину.

- Нет... не надо так понимать... – он чувствовал всю неубедительность произносимого.

- Это же не преступление... – добавил в отчаянии о приятельстве с Леонидом.

- Родина, – отчеканил сотрудник КГБ, – тратит народные средства, чтобы иметь достойных, преданных советской власти специалистов! Мы направим отношение в партийные органы, там увидят, что ваш моральный облик несовместим с пребыванием в стенах советского вуза.

Всё время ждавший этого удара Слотов замер. Миг – и безудержно хлынут слёзы. В кого обращают его – человека, осознающего себя творческим интеллигентом и никем иным! У него никогда не будет диплома, его публикации больше не появятся в газетах. Оборвутся знакомства. Выпавшему из своей среды, ему оставляют бытие среди людей, на каких он наглядился, подрабатывая грузчиком... Он прижал руку к дрожащей нижней губе.

- Стыдно? – хлётко бросил гэбэшник.

Слотов в ознобе дикой тоски склонил голову:

- Не могу себе простить...

- Пусть вам будет стыднее! – произнёс гэбэшник так, будто годился студенту в отцы, тогда как был старше лет на десять. – А чтобы мы видели, что вам действительно стыдно, напишите честное подробное объяснение, – он приподнял в папке верхние бумаги, достал пачку чистых листов, протянул Слотову. – Ручка у вас есть?

Вячеслав, почувствовав себя чуть лучше, придвинул стул к столу и услышал, как надо начать:

- После беседы с оперработником – фамилия не нужна – я осознал свои ошибки и чистосердечно рассказываю обо всём, что позволял себе...

Человек поднялся, с удовлетворением глядя, как побежала строка. Встав перед окном и погрузив руки в карманы брюк, он время от времени оборачивался к пишущему. Тот в подробностях воссоздал две сцены, когда изрёк крамольные мысли, и поведал об угрызениях совести. Затем, доказывая открытость, признался, что, хотя всего и не помнит, допускал, вероятно, и другие высказывания, «которые можно понять как антисоветские». И опять написал о чувстве стыда и о раскаянии.

Работник КГБ встал у стола:

- Прочтите.

Вячеслав невольно вытер лоб тыльной стороной руки и стал читать неровным от волнения голосом. Выслушав, гэбэшник спросил отеческим тоном:

- Может быть, вы с чьих-то слов негативно высказывались?

Слотов, осунувшийся, скорбный, выдал из себя «нет».

- Припомните и укажите всех, кто допускал высказывания с душком, – велел оперработник. – Скажите о вашем отношении к выезжающим. И напишите, что обещаете быть преданным Советской Родине, её идеалам. Советской – с большой

буквы.

Вячеслав написал о сокурнике, который смеялся над песней «Партия – наш рулевой!» – говоря: «Знаю таких гнид – членов партии, – хо-хо!» Сообщил о соседе по комнате общежития: тот рассказал грязный анекдот про Ленина, Крупскую и Дзержинского. Посвятив несколько строк теме Родины, «которой по праву гордятся все советские люди», Слотов осудил себя за «недопонимание того факта, что покидающие страну заслуживают презрения». Заявив, что ныне они для него отщепенцы, заключил это утверждением в своём советском патриотизме.

Оперработник, читая, сказал «ага» – по поводу двух фамилий – и стал расспрашивать о студентах, достав блокнот, записывая. Когда вопросы исчерпались, Вячеслав приглушённо выговорил:

- Как теперь насчёт меня?.. Материал пойдёт в партийные инстанции?

Работник КГБ, казалось, обдумывал положение. Затем промолвил с видом человека, который хотел бы доброго исхода:

- Если за вами не откроется чего-то более серьёзного и сами себе не навредите, вся информация останется у нас. О нашей беседе никому говорить не надо, – закончил тоном дающего весьма полезный совет и закрыл папку. Какое-то время царил тишина. – Подумайте на досуге... может, умолчали о чём-то, – дружески сказал оперработник. – И, конечно, в ваших интересах – не таить, если при вас выскажутся, а подстраховаться. – Черкнув в блокноте, вырвал листок, протянул: – Звоните.

Слотов робко поинтересовался, кого спросить, и услышал:

- Бориса Андреевича.

* * *

Он вышел на улицу в сильном нежелании увидеть кого-нибудь знакомого. И очутился под дождём. Укрывшись в павильоне троллейбусной остановки, глядел, как бьются об асфальт крупные капли. В подкативший троллейбус не сел – хотелось уединения. И мороженого. Лишь дождь приутих, Слотов добежал до улицы Вальню, купил пломбир и, войдя в Центральный универмаг, стал есть. В возбуждённом сознании мелькали сцены, фразы, мысли... «Сладкий привкус благополучия» – заголовок репортажа о том, какое общедоступное лакомство мороженое, какие его сорта предлагаются рижанам. Автор Павел Раль пишет ёмко, непринуждённо, у него есть чему поучиться. Сейчас вдруг родилось «плавный в обращении» – определение, которое как нельзя более подходило представителю, неторопливому Ралю.

Портреты теснили один другой. Внештатник Бутейко – говорливый и при этом мрачноватый. Его все зовут Эдиком, в его материалах бывает много воды, из-за сокращений он обижается, неуклюже скрашивая это как бы шуткой. Однажды, расстроенный тем, что его корреспонденцию урезали до заметки, сказал:

- Методы Пиночета, ёлки-палки!

На что Раль отозвался:

- Смотри, Эдик, накличешь – свой Пиночет появится.

Интересно, а об этой фразе просигналили в КГБ?.. Потрясение от беседы с гэбэшником не отпускало – Слотов скитался по улицам допоздна, мысленно опять и опять видя людей редакции. Александр Куличов, коренастый, русоволосый, с грустным лицом, недоволен, что комсомольская жизнь в коллективах, которую он должен освещать, «потухает из-за формализма». Как-то, сидя в кабинете Романа Вальца, посетовал: на дизельном заводе прошло очень скучное комсомольское собрание – «всё только по шаблону, всё ради отчёта». Вальц знал тамошнего комсомольского секретаря и порывисто сказал, что он дурак, – сверкнув глазами, ожидая возражений. Но Куличов, напротив, согласился.

Сотрудница его отдела Илона казалась замкнутой; по-видимому, её донимало одно: они с мужем не имели своей квартиры, а снять жильё удалось пока лишь очень далеко и от редакции и от места работы мужа.

Завотделом культуры Алексей Мигулин, приветливый, с тихим приятным голосом, по виду был не способен его повысить. Мигулин не касался острых вопросов, а когда при нём их касались другие, не вставлял замечаний. Человек с внешностью истого интеллигента не давал повода сказать, что он не в ладу с действительностью. Вот кого следовало бы взять за образец – если б только представить раньше, что в КГБ могут дотошно собирать информацию о разговорах студента... Теперь неважно, кто сигнализировал. Главное – угроза сигналов и необходимость отмыться.

В объяснительной он не упомянул о Вальце и позднее подумывал, не дополнить ли её. Но то, что Роман Маркович, весьма авторитетный в его глазах журналист, доволен им, питает к нему симпатию, удерживало Слотова. Жизнь, однако, напомнила ему, от чего зависит его судьба. Он принёс Вальцу корреспонденцию, а тот слушал Павла Раля, который с группой народного контроля провёл рейд по магазинам, обнаруживая: вина продаются с надбавкой на госцены, разницу продавцы кладут в карман. Более всего их попало на вине «Фетяска», и Раль озаглавил репортаж «Фетяска» терпит фиаско».

- Пьющие мужики тебе поклонятся, – рассмеялся Вальц. – Уж они знают, что это такое, когда на бутылку восьми копеек не хватает! Но в другой ситуации проклянут – если подловишь ночных торговцев водкой.

Роман Маркович весело поглядел на Раля, на Слотова.

- Чем социализм отличается от капитализма? При капитализме всё продаётся, всё покупается. При социализме всё покупается, хотя не всё продаётся. Чего нельзя купить за деньги, можно купить за о-очень большие деньги!

Вячеслав сдержанно улыбнулся. Раль бросил на него взгляд, сказал, также улыбаясь: – Всё тот же Маркс: «Товар – деньги, деньги – товар», – и ушёл к себе. Вальц взялся читать материал Слотова.

Он мешкал несколько суток, не мог заснуть; никогда продавленная койка общежития так не раздражала его. Поднимаясь измученным, выжимал из себя дружелюбие к соседям по комнате. Кто бы знал, как ему не хотелось писать о Вальце! Начал докладную сообщением о студенте, блеснувшем анекдотом. На международной выставке промышленных изделий, на самом видном месте, появилась кучка г... Заподозрили советскую делегацию, вызвали её руководителя: «Кто-то из ваших сделал?» Тот поглядел на г... и отвечает: «Мы выставляем продукцию лишь со Знаком качества. Где он здесь? А на нет и суда нет!»

Вячеслав нахмурился, прежде чем добросовестно описать эпизод с Вальцем и Ралем. Чтобы позвонить, не пришлось доставать листок с номером: он засел в голове.

Мужской любезный голос ответил: Бориса Андреевича нет, позвоните, пожалуйста, через часик.

Во второй раз, как и в первый, в трубке прозвучало лаконичное «Да!» Потом её взял Борис Андреевич. Словом назвал свою фамилию.

- Что-то есть? – спросил оперработник тоном недосказанности, как спрашивают посвящённого.

- Кое-что. Вы же мне сказали, что если при мне будут говорить что-то такое... – Слотова словно тянуло оправдаться.

- Хорошо, давайте встретимся завтра... – гэбэшник с минуту раздумывал и продолжил, – в гостинице «Рига», в четыре. Скажете администраторше, что вас ждёт замдиректора, она покажет, куда пройти.

Когда Словов переступил порог кабинета, замдиректора встал из-за письменного стола, переглянулся с Борисом Андреевичем, сидевшим на диване, и вышел.

Сотрудник КГБ на сей раз имел при себе не папку, а вместительный, явно заграничный портфель: в уме студента он произвольно связался с кухней гостиницы.

Приглашённый присесть, Вячеслав расправил на столе сложенный пополам лист.

- Уже написали... – одобрил Борис Андреевич, садясь за стол и беря бумагу. Окончив чтение, взглянул цепко: – Вальц нехорошо посмеивается.

- У него привычка острить, – вступился Словов. – Он – завсектором науки, и ему приходится видеть, как научные разработки, которые могут давать огромный эффект, его не дают. Внедрению мешают помехи. Он досадует и находит отдушину...

Студента слушали, не останавливая, и он принялся хвалить Вальца за познания, за умение проникать в суть проблем.

- А какое отличное эссе у него – «Роскошь общения!» – Вячеслав лицом и голосом выразил важность того, что его восхитило.

Борис Андреевич отреагировал с усиленным вниманием:

- О чём написано?

- Раскрывается сущность характера, которому всё время нужна самопроверка, – начал Слотов о публикации, каковую вырезал и хранил, так она ему понравилась. – Человек в каком-нибудь явлении открывает что-то для себя, и его волнует – как это оценивают другие. Положительный отклик, хоть самый беглый, дорог ему. Человек ищет отклика, страдает, если вокруг нет понимающих. Внимание людей, в чём уме можно не сомневаться, для него роскошь...

Борис Андреевич усмехнулся:

- И как с этим у Вальца?

- У него есть друзья. В эссе он говорит о друге.

Сотрудника КГБ заинтересовало, кого Слотов знает, и он назвал художника Виктора Пчелина. Тот нередко заходил в редакцию к Роману Вальцу, иногда приносил пиво и угощал и друга, и практиканта. Вячеслав не умолчал о другом частом госте по имени Даниил, о котором слышал, что он физик. Несколько раз Слотов видел его и в университете.

- Знаем, кто это, – сказал Борис Андреевич, быстро писавший в блокноте.

Оторвавшись от него, обратился к студенту с видом доверия и просьбы: – Помогите нам! О чём с ними Вальц говорит, что они ему отвечают...

Слотов, полагая, что своими показаниями уже заслужил прощение, осмелел. Душа требовала обелиться перед Романом Марковичем.

- Вальц – не антисоветчик. Он не желает вреда стране.

- С вашей помощью и разберёмся, – подхватил со скрытой иронией сотрудник КГБ. – На него не вы нам глаза открыли, он не со вчерашнего дня поскальзывается. Но чтобы указать ему на ошибки, провести профилактику, мы ещё недостаточно знаем о нём. – Борис Андреевич добавил мягко: – Мы не просим наводить его на разговоры...

Заговорит сам – запомните. Не больше.

Вячеслав подумал о себе словами романа, которые ещё не раз повторятся: он столкнулся лицом к лицу с действительностью и почувствовал весь гнёт беззащитности и одиночества.

* * *

Начался осенний семестр, палая листва устилала аллеи рижских парков. Вячеслав реже бывал в редакции «Советской молодёжи». Борису Андреевичу звонил дважды в неделю, и тот решал, нужна ли встреча. Они встретились опять в гостинице «Рига» – Слотов передал отчёт. Он и Вальц направлялись пообедать в столовую (или эдницу) на улицу Кирова, и Роман Маркович не сдерживал эмоций. «От сектора науки требуют, – сказал, закипая, – больше писать о научной организации труда. Это какое-то бесстыдство убогости! Срам, как мы отстали от Запада в кибернетике! Там электроника чудеса творит, а что доступно нам на нашем рабочем месте? Не в одну папку все нужные вырезки набивать, а класть в несколько, по темам?»

Следующий отчёт Вячеслав принёс по адресу, который ему назвали в телефонном разговоре. Квартира в доме по улице Кришьяна Барона – дверь открыл мужчина со строгим лицом. В комнате навстречу гостю шагнул Борис Андреевич, вставший с кресла. Впервые протянул Слотову руку и наградил его крепким рукопожатием.

- Прошу!

Гость, заняв кресло перед журнальным столиком, окинул взглядом комнату.

Обстановка отражала средний уровень благосостояния: новый телевизор, ковёр, софа и типичная в таком сочетании стенка с непременными фужерами и книжной полкой.

- Хозяева разрешили нам в их отсутствие побеседовать, – пояснил Борис Андреевич, в то время как напарник, помоложе его и не такой плотный, развернул газету и погрузился в изучение телевизионной программы. Расположившись напротив гостя, Борис Андреевич произнёс: – Что там у нас? – с тем выражением, с каким потирают руки, и занялся докладной.

Слотов сообщал о мыслях Романа Вальца о государстве. Как нередко случалось, Вячеслав один работал в его кабинете, и тут, увлечённо разговаривая, вошли Роман Маркович и физик Даниил. Они упоминали академика Ландау. Тот, по словам Даниила, не считал, что в стране построен социализм.

Вальц высказался:

- У нас не что иное, как государственный капитализм! Государство – единственный монополист. Реализована заветная мечта монополиста – чтоб никаких конкурентов! Отчего и отсталость такая.

Даниил, сообщал Слотов, промолчал, а Вальц спросил его, Слотова, как идёт дело (он писал очерк). К прежнему не возвращались.

Борис Андреевич для порядка уточнил: записали всё так, как прозвучало, не корректировали? Вячеслав подтвердил, что нет. Оперработник, выдержав паузу, произнёс:

- К нам приходят, просят в помощники – мы отвечаем отказом. Работа у нас серьёзная, и нужно, чтобы человек был с чувством ответственности, с хорошей памятью, эрудированный, способный разбираться и правильно, точно излагать, – он взял со столика отчёт, подержал в руке как нечто весьма и весьма важное. – Я думаю, мы будем продолжать.

Слотов не выразил восторга. Сосала тоска. Но как бы он себя чувствовал, если бы ему пресекли карьеру журналиста?

- Я повторяю, что дело добровольное, – Борис Андреевич, приглашая в свидетели, взглянул на коллегу, севшего на стул поодаль.

- Понимаю, – обронил Слотов.

- Пишите! – услышал он. Перед ним положили лист бумаги и стали диктовать: – В Комитет Государственной Безопасности. Я, такой-то, время, место рождения, добровольно беру на себя обязательство содействовать органам госбезопасности в разоблачении антисоветской пропаганды, клеветы на существующий строй и всяких иных подрывных действий, берусь оказывать и другую помощь органам в их борьбе с врагами Советской власти. Советской – с большой буквы, – предупредил Борис Андреевич. – Написали? Дальше: «Обязуюсь моё сотрудничество с КГБ держать в строгом секрете. С сего дня мои сообщения буду подписывать...» – оперработник улыбнулся, – выберите себе какой-нибудь псевдоним.

В уме Слотова колыхнулось прочитанное и увиденное о подпольщиках, разведчиках, и привязчиво задержалось: «Сосна! Сосна! На связи Оляха!»

- Клёнов? – сказал он.

- Сойдёт, – кивнул Борис Андреевич. – Распишитесь своей нормальной подписью, поставьте число. И сообщения теперь всегда начинайте словами: «Как стало известно от источника...» или: «Источник сообщает...»

- От третьего лица, – отметил Слотов, – понятно.

* * *

В один из первых дней морозца и снегопада Борис Андреевич получил, на той же квартире, отчёт, написанный по форме. Накануне Слотов, после занятий в университете, зашёл в редакцию к Вальцу: он обещал дать новое задание. Заговорили о деле, и тут принесло Виктора Пчелина с сумкой, в которой что-то побрякивало.

- Как съездил? – воскликнул Вальц, когда отзвучали приветствия.

Пчелин, оказалось, вернулся из туристической поездки в Польшу. Доставая из сумки бутылки с пивом, поведаль:

- Условия отличаются не в нашу пользу. Изображать жизнь в формах самой жизни – там не закон для художников. Мне дали понять, не без чувства превосходства: для них нетерпимо то, что терпим мы.

Вальц вставил:

- Не знают ошейника с шипами.

- Тебе ответят, у них это немыслимо, народ не такой! – Пчелин гмыкнул.

- Не любят нас, – Вальц поставил на стол чайные чашки. – В Академию наук приезжал профессор-поляк, мы с ним разговорились тет-а-тет... Когда немцы Польшу захватывали и наши перешли её границу, у нас в плену оказалось много поляков. Хотя с Польшей мы вроде как не воевали... Профессор напомнил: весной сорокового в урочище Катынь под Смоленском наши расстреляли тысячи польских офицеров. А позднее свалили на немцев.

Пчелин проговорил сожалеюще:

- Попала Польша меж двух прессов. – И добавил: – Там при нас о войне не вспоминали. А кто-то из наших вспомнит – молчат. Хотя варшавяне коснулись войны: какая Варшава была разрушенная и какая теперь красивая. – Он налил пиво в чашки и, протянув одну Слотову, стал описывать Варшаву...

Вячеслав до того не слышал о Катыни, и, когда оперработник читал отчёт, подумывал: спросить? Они сидели в креслах друг против друга.

- Образчик грязной клеветы! – объявил Борис Андреевич, сделав вопросы излишними. – Но нужно, чтобы это было неоспоримо! – продолжил он сурово. – Вальц скажет, он этого не говорил, Пчелин, конечно, его не опровергнет, а вас в качестве свидетеля мы не можем засвечивать.

Слотов решил выявить реакцию на одно своё предположение.

- Извините, Борис Андреевич, – начал преувеличенно смущённо, – в кабинете... э-ээ... нет приборчика?

Сотрудник КГБ одарил студента снисходительной усмешкой.

- Хочется, чтобы всё, как в кино про шпионов? Но мы имеем дело не с агентами разведок, и, если в каждом кабинете технику устанавливать, фиксировать всё, что скажут... В какие это вылетало бы суммы? Нет необходимости. О настроениях мы и так узнаём, а когда нужно проверить... – он замолчал, раскрыл блокнот и, подумав, спросил: – У вас что-то будет опубликовано в ближайшее время?

Через два дня, ответил Слотов, должен выйти очерк о молодых рационализаторах завода ВЭФ.

- Тогда позвоните мне в первой половине дня, и мы встретимся, – оперработник черкнул в блокноте. – Вы с Вальцем ещё не обмывали ваши публикации? Надо обмыть.

Вячеслава пощипывало и любопытство и беспокойство. Чего от него потребуют?

Подпоить Вальца, подсыпать ему что-то в стакан?.. Стоило вообразить, и, как ни глубоко он уже увяз, становилось не по себе. Фактически то, что будет сделано, сделает государство, думал он, – таково оно! таковы условия в этом обществе!

Сколько людей включено в сеть, постоянно загруженную сигналами... На него самого капал не кто-то один. Словом, оставалось только мысленно развести руками.

Когда он вновь позвонил в знакомую квартиру, открывший ему Борис Андреевич сказал приглушённо: – Хозяева дома... – и, кивнув на притворённую дверь комнаты, провёл гостя в другую, с письменным столом и стеллажом с книгами. Глаз приметил трёхтомник Константина Симонова, собрание сочинений Ярослава Гашека.

Оперработник вынул из портфеля и положил на стол что-то вроде мыльницы серого цвета и моток тонких проводов. Слотов догадался.

- До рубашки, – гэбэшник дополнил слова жестом, и Вячеслав снял пальто, пиджак.

Борис Андреевич вооружился перочинным ножиком, велел Слотову вывернуть правый карман брюк, а также задний карман. В дне того и другого появились отверстия. Вячеслав подвергся ряду манипуляций. Портативный магнитофон был помещён в задний карман, в боковом оказался выключатель; соединительный провод скрывался под материей брюк. Борис Андреевич объяснил:

- Кнопка утоплена – включён, выступает – выключен.

Другой провод, прилегая к торсу, оканчивался крошечным звукоулавливающим устройством, прикреплённым к майке на груди специальной булавкой. Под рубашкой его не было видно.

- Работает пять часов, – пояснил сотрудник КГБ, когда Слотов облачился в пиджак. – Ну-ка, руку в карман – включили, выключили. Только будьте осторожны, не привлекайте к руке внимания. Сами решайте, когда включать: болтовня не по делу нам не нужна. – Борис Андреевич, сменив тон, добавил с ехидцей: – Но не надо и в доброту играть, обрывать, пропускать. Вам же хуже. Если запись не подтвердит вашу информацию, останутся сомнения. Наговоры у нас не приветствуют.

Перспектива попасть в клеветники вызвала у Слотова ассоциацию с поговоркой: «Нас ..., и мы же педерасты!» Оперработник дал ему напутствие, вручив двадцать рублей и взяв расписку:

- Купите бутылку коньяка, что-нибудь заесть – и посидите... Потом звонок мне – вернёте вещь.

Вячеслав посетил ликёро-водочный отдел универмага. Армянского коньяка, который хотелось попробовать, увы, не было, и он выбрал грузинский с маркировкой «коньяк выдержанный высшего качества», истратив двенадцать рублей с копейками. Купив в кондитерском отделе пару плиток шоколада, к концу рабочего дня появился в редакции.

* * *

Вальц дописывал статью. Сказав: – Привет, Слава, мне три минуты... – вновь склонился над рукописью, худощавый брюнет с курчавой шевелюрой и бородищей. Вячеслав, повесив пальто на вешалку, не садился. Когда Вальц, пробежав глазами лист, размашисто расписался и бросил авторучку на стол, Слотов извлёк из кармана пальто объёрнутую бумагой бутылку.

- Очерк, который сегодня вышел, очень важен для моей дипломной работы... – студент помялся, – её тему дали мне вы и столько со мной возились...

Вальц не был изумлён:

- О чём говорить, спрыснем! Отнесу только в машбюро... – он взял рукопись и, выходя, обернулся: – Давайте Куличова пригласим для компании?

Слотов ответил «конечно!» и, когда остался один в кабинете, притронулся к заднему карману брюк под полый пиджака, осторожно ощупал выключатель в другом кармане. Посмотрел на руки: дрожат? Вероятно, покраснело лицо, блестят глаза. Он не мог сидеть спокойно и, разломав плитки шоколада на кусочки, разложил их на бумаге, потом нашёл в ящике стола штопор, стал откупоривать бутылку, пробка крошилась. Вошедшие Вальц и Куличов поспешили к нему на помощь, пробка была удалена.

Роман Маркович поднял, за отсутствием рюмок, чашку с коньяком:

- Слава, вы у меня не первый практикант, и, сравнивая, я говорю, как оно есть. Вы пока – лучший! У вас вырабатывается свой стиль – с такой чертой, как гибкость. И главное: вы умеете взять материал. Ну – за то, чтобы вы стали профессионалом, каких поискать!

Трое выпили. Вячеслав сказал – благодаря Роману Марковичу он понял, какой роскошью может быть общение...

- Ну-ну, не будем, – остановил Вальц.

Приняли по второй порции, и Слотов рассказал безобидный анекдот о пьянице, которому пришлось пить рюмками чай, чтобы заполучить чашку водки. Настроение поднималось. Александр Куличов сообщил: сегодня Бутейко поделился анекдотом, привезённым из командировки.

- Он ездил в Куйбышев. Это бывшая Самара, в тридцатые годы её переименовали в честь деятеля Куйбышева, – пояснил Куличов.

Вячеслав откинулся на спинку стула, запустил руки в карманы и утопил кнопку

выключателя, меж тем как Александр начал:

- На похороны деятеля съехались делегации со всего Союза. Делегат с какой-то национальной окраины очень плохо говорил по-русски, коверкал слова. Хотел произнести: «Умер Куйбышев. Но ничего. Вырастет новое поколение». А получилось: «Умер ... большой. Но ничего. Вырастет новый по колено».

Вальц усмехнулся в бороду. Куличов сказал:

- Анекдот плоский, но для подростков в самый раз, – он положил в рот кусочек шоколада. – Правда, трудно представить, что молодёжь тридцатых сочиняла такое.

- А что мы о ней знаем? Что её вдохновляли лозунги? – насмешливо возразил Вальц.

- Теперь молодёжь, когда нельзя изъясняться на жаргоне, сыплет штампами, набирается их ещё в школе... – Куличов пустился в рассуждения об истоках формализма в общественной жизни. – Вся лучшую пору шаблон держит в тисках, а потом, как в спорте: возраст! уходи...

- А наоборот не бывает? Из рядов молодёжи – в спорт? – шутливо прервал Вальц, и оба заговорили о Владимире Стешенко, ответственном секретаре «Советской молодёжи», которого пригласили на должность собкора центральной газеты «Советский спорт».

Переключились на других коллег. Слотов скромно безмолвствовал, ждал. Беседа текла безалаберной струйкой, не задевая тлеющих углей, а коньяка в бутылке оставалось всего ничего. В этот час в магазинах уже не продавали спиртное, но в ста метрах от редакции располагалась кафе «Лира».

- Схожу в кафе за вином? – сказал Слотов просительно, из чего следовало: общество старших коллег для него радость, которую ему очень хочется продлить.

- Ещё б вы для нас бегали! Все вместе сходим, – заявил Вальц.

Они отправились в «Лиру», вернулись с напитком в кабинет, и Вячеслав, напряжённо думавший, как незаметно подsunуть нужную тему, заговорил об очерке, о сборе материала для него на заводе ВЭФ.

- Сказали мне, конечно, о знаменитом суде, который у них во дворце культуры проходил...

- Суд над пособниками фашистов, в шестьдесят пятом году, – подхватил Куличов и стал критиковать заводское комсомольское собрание по случаю десятилетия суда. Газета напечатала отчёт с собрания, выступления некоторых участников. Александр проговорил со вздохом: – Всё по шаблону. Зверства предателей, гнев и возмущение советских людей... Я искал очевидца, который что-то своё бы рассказал, и зарёкся. – Порозовевший от выпитого, он добавил, слегка морщась, словно преодолевая неохоту: – Один ветеран, он Латвию освобождал и в сорок четвёртом был там, где всё случилось, сказал мне... творили.

- Творили! – повторил многозначительно Вальц.

Слотов догадался, о чём это. О произошедшем ему говорил отец, передавая услышанное от других лиц, не зная полной правды. Была же она такова. Когда Латвия осталась в тылу рвущегося на восток Вермахта, в её лесах, особенно в краю Латгалия, укрылось немало солдат и офицеров Красной Армии, отрезанных от своих. Латгальцы, которые к ним тёплых чувств не питали, записывались в самоохрану и помогали полиции и немцам вылавливать окруженцев. Но их нередко привечали в деревнях, чьи жители носили русские фамилии. На исходе декабря сорок первого в Аудринях, одной из таких деревень недалеко от города Резекне, появился партизанский отряд, пришедший из лесов Псковщины. По-видимому, им командовали люди из НКВД. Узнав, что в соседней деревне сформирован взвод самоохраны, они ночью повели отряд туда. Бой длился до утра, село сгорело почти целиком, много жителей, включая женщин и детей, было убито. Партизаны возвратились в Аудрини, наспех отпраздновали победу, и, перед приходом полицейской части, след их простыл. Впрочем, у жителей спрятались несколько раненых, и они, когда полиция стала ходить по домам, открыли стрельбу и сумели уйти в лес.

Понятно, какой выход оставался раскалённо-закрутевшим страстям, – одобренный начальником сил безопасности оберштурмбаннфюрером Штраухом, который приказал

за укрывательство партизан сжечь село и тридцать жителей мужского пола принародно расстрелять на базарной площади города Резекне. Оттепельный сырой день 4 января 1942 стал чёрной датой.

В советской печати и на суде о делах партизанского отряда не упоминалось. По официальной версии, в селе Аудрини нашли приют пятеро окруженцев, среди которых были раненые. Неожиданно нагрянула полиция – группка вступила с нею в бой и, потеряв одного из своих, но убив четырёх полицейских, скрылась в лесу. Каратели принялись пытать крестьянку, прятавшую окруженцев, истязали и её малолетнего сына. У жертв допытывались: «Где находятся партизаны?» Деталь, приводимая в советских изданиях без пояснений, не выдаёт ли присутствие отряда в этой истории? Из публикации в публикацию переходило: «Мать и сын молчали». (А что они могли ответить?) «Разъярённые изуверы порешили, что всё село должно заплатить кровью». То есть приказ Штрауха о расстреле тридцати человек оказывался неудовлетворительной мерой? На суде говорилось, что латыши-полицейские расстреляли ещё сто семьдесят селян, в их числе женщин, детей. Издали ли оберштурмбаннфюрер новое распоряжение – об этом не прозвучало ни слова. Свидетели давали показания об издевательствах полиции над обречёнными: тех избивали, заставляли рыть себе могилы. Очевидцы были жителями того же села, и оставалось непонятным, каким образом они сами уцелели?

Куличов и Вальц обсуждали трагедию и сходились на том, что вопросы «повисают», что в деле – «дырки». Вячеслав, слушая, невольно представлял работающий портативный аппарат в заднем кармане брюк, движение ленты. Куличов сказал: ветеран, о котором он говорил, осенью сорок четвёртого был шофёром грузовика в полку, расквартированном поблизости от места событий. Латгалец, он пообщался с земляками...

- Доверил мне, конечно, не для печати и под большим секретом, что ему рассказали... – сообщил Александр с откровенностью подвыпившего человека. – С чего заварилось... В одну ночь партизаны запалили латышское село и по всем, кто выбежал, – огонь без разбора.

Вальц под хмельком непоседливо переключал на столе пробку, штопор. Кивнул:

- Один человек писал портрет старожил... тот это лично пережил...

Куличов проговорил с тягостным выражением:

- Командир самообороны партизанам не попался. Тогда они его семью заперли в доме и дом сожгли.

Слотов помнил: отец, рассказывая слышанное о набеге отряда, сомневался, при всём своём скептическом отношении к строю, что партизаны не щадили баб, детей.

Вячеслав решил должным образом отметить в протекающей беседе и, подогреваемый винными парами, сказал с чувством:

- Партизан – храбрый, мужественный человек! а кем надо быть, чтобы так убивать и жечь?

- Человек может быть храбрым, совестливым, способным к сочувствию, к состраданию, но если он находится среди людей, принявших власть НКВД, – исполнит всё, что потребуют! – высказался Вальц с хмельной беспечностью и как бы с несомненным знанием истины. Слотов опустил глаза, а Роман Маркович произнёс чуть громче, чем говорил обычно: – Слава, вы слабо представляете, что такое – эти органы.

- И что такое был Сталин, – добавил Куличов угнетённо. – За кражу колхозного зерна детей двенадцати лет к расстрелу приговаривали.

Выпивка сделала своё, и Слотов не удержался, чтобы не оживить эхо:

- Вы говорили, тысячи польских офицеров были расстреляны в Хатыни, – обратился он к Вальцу.

- В Катюши, – поправил тот.

- Сколько же людей должно было участвовать... – проговорил Слотов, как бы силясь вообразить ужасающую картину.

- Уместное замечание, Слава! – с мрачной иронией похвалил Роман Маркович. – Если вспомнить Толстого с его «Не могу молчать», Леонида Андреева с его «Рассказом о

семерых повешенных», – в те времена остро не хватало палачей! Привлекали преступников, уменьшая им срок каторги, но и те не все соглашались. Убийце обещали жизнь сохранить, если он других повесит, – отказался! Зато перед НКВД проблема не стояла. Хватало желающих.

- Но поляков могли и немцы расстрелять. Уж им не учиться кровушку лить, – рассудительно заметил Куличов.

- Это ты мне говоришь?! – Вальц нервно передёрнул плечами.

Коллега взглянул на него так, словно другой реакции не ждал, и продолжил:

- Могилы исследовали довольно открыто, общественность пригласили, Алексея Толстого. Даже церковь участвовала – патриарх был в комиссии. Почему они обязательно под неправдой подписались?

- Две идеологии оказались заодно. Трогательно! – едко усмехнулся Роман Маркович.

- Сталин должен быть разоблачён до конца! Тогда правда будет правдой, ложь ложью, и всем станет спокойнее, теплее, – убеждённо произнёс Куличов. – Или ты не надеешься?

- Нет, я надеюсь! – горячо сказал Вальц. – Но пока что в людях – почтение к Сталину...

- Потому что мы не научены не прощать жестокость. Человек вообще по своей природе жесток, он не может не разрушать, – Куличов вывел разговор на иной уровень. – Ни от какой обезьяны он не произошёл, он – что-то чужеродное на планете...

Заговорили о возможном происхождении человека от инопланетян, о том, не продукт ли он экспериментов?.. Перешли на произведения братьев Стругацких. Вино было допито, пора по домам. Трое покинули редакцию, обсуждая «Солярис» Станислава Лема и знаменитое одноимённое киноплощение, и на улице Горького попрощались. Слотов, выключив магнитофон, устремился к будке телефона-автомата.

* * *

С Борисом Андреевичем встретились не на квартире. В такой поздний час не стоит беспокоить хозяев, сказал он и велел ждать у кинотеатра «Палладиум». Подъехал на «волге» старой модели, Вячеслав сел в машину; миновали центр, ярко освещённый и отнюдь не безлюдный даже в зимнюю ночь, Борис Андреевич затормозил в глухом переулке недалеко от Бассейновой поликлиники. И тут Слотов перенёс процедуру, которая, представилось ему, весьма заняла бы стороннего наблюдателя. Пришлось сидя освободиться от пальто, от пиджака, и сидевший рядом оперработник помог подопечному расстаться с проводами, пропущенными под рубашкой и под материей брюк. Наконец технику положили в портфель. Слотов, приводя в порядок одежду, сообщил, что от двадцати рублей осталось кое-что.

- Вам пригодится, – заботливо сказал шеф. – Завтра напишите, как всегда, – напомнил он.

- Но ведь записалось на...

- На бумаге всё равно должно быть, – прервал оперработник, и Вячеслав понял, что будет проверено, насколько точно способен он передавать разговоры.

Борис Андреевич высадил его метрах в двухстах от общежития.

В последующие дни Слотов налегал на учёбу, готовясь к сессии, в редакцию не ходил. Тем временем там стряслось ЧП. Роман Вальц дежурил по номеру, как это делали сотрудники по очереди: то есть, оставаясь на работе до отправки номера в печать, следил, чтобы не проскочил ляп. Он же выбрал самое видное место. Первую полосу венчало сообщение о встрече Брежнева с руководителем братской Польши Герексом. И рядом оказалась реклама мужских ботинок. Из этого соседства читатели могли вывести: «Два башмака – пара!» Огрех якобы устранил замредактора, которого будто какое-то наитие заставило в эту позднюю пору вернуться в редакцию. Потом Слотову рассказывали, что ещё до его прихода Вальц нашёл рекламе другое место и доложил об уже устранённом ляпе. Однако очень скоро в редакцию от партийного руководства поступила бумага, где указывалось, что «по вине Вальца Р.М. едва не была допущена

непростительная небрежность идеологического характера». Вальца уволили. Ушёл, по собственному желанию, Куличов, которого потянуло поработать в районной газете на Крайнем Севере. Говорили, Куличова привлекла северная надбавка («подкопит на кооперативную квартиру»), полагали также, что он собирает материал на книгу о людях романтических профессий.

Слотов, теперь бравший задания у Алексея Мигулина, однажды столкнулся на улице с Вальцем. Вячеслав предусмотрительно подготовил ответы на случай, если ему в лицо выскажут подозрения, но глаза Романа Марковича не полыхнули тем чувством, мысль о котором съёживала душу. Слотов постарался вложить в своё «здравствуйте» искреннюю симпатию – ему пожали руку, и внутренняя дрожь пропала. Он спросил с видом сочувствия и волнения:

- Как ваши дела?

- В театре монтировщик сцены, – Вальц чуть улыбнулся, будто иронизируя над своим положением.

- А... в какую-нибудь многотиражку? – сказал Слотов удручённо, как говорят, когда ответ известен, но спросить всё равно нужно.

- Слава, с той формулировкой, с какой меня уволили... – продолжать было излишне.

Они отошли в сторону от потока прохожих, и Роман Маркович взглянул в глаза Слотову и стеснённо и испытующе: – Вы в последнее время не соприкасались с КГБ?

- Нет! – ответил Вячеслав категорично.

- Меня вызывают. Ставят в вину речи нехорошие...

Слотов, понизив голос, спросил с участливой тревогой: – А что вообще произошло? – Он смотрел с вниманием человека, желающего узнать правду из первых рук. Роман Маркович отвечал, что не одного, не двух покритиковал в печати, а люди злопамятны. У кого-то нашлись высокие покровители. «Видимо, этим объясняется...», «свинью мне подложили вполне организованно».

Он опять остро взглянул на Слотова:

- У КГБ имелся компромат. Копают...

- Думаете, вызовут? Мне им нечего сказать! – заверил Вячеслав.

Они тепло пожелали друг другу всего наилучшего и разошлись. Слотов, думая о Вальце, которого называл по имени-отчеству, как привык называть преподавателей, вспомнил, что полтора года назад спросил, сколько тому лет, и услышал: «Тридцать». Не так уж и много – представилось теперь. У Вальца была жена-врач, детей не имели. По-видимому, подадут заявление на выезд в Израиль, чего Роман Маркович, скорее всего, прежде не собирался делать, планируя продолжать карьеру в Союзе. Слотову не давало покоя: как можно, видя пороки системы, не желать уехать из страны?

* * *

Перед Новым годом ему вручили двадцать рублей на личные расходы, но он оказался обязан учреждению не только этой радостью. Когда запахло весной, студент познакомился с девушкой, чему предшествовала встреча с Борисом Андреевичем на всё той же квартире по улице Кришьяна Барона.

Марта Грасмюк, узнал Слотов, тоже учится в университете, на четвёртом курсе инъяза. Её родители, немцы Поволжья, были выселены в начале войны в Казахстан. При Хрущёве семья перебралась в Ригу. Отец Марты – автослесарь, мать – портниха, старший брат – пилот Аэрофлота, младший служит в армии. Есть родня, переехавшая в ФРГ.

- Вас волновала судьба немцев Поволжья, – напомнил, посмеиваясь, Борис Андреевич. Он сидел в кресле, вытянув ноги и положив одну на другую. – Вы слушали «Немецкую волну» и не только её. Наверно, и теперь грешите... Ладно-ладно!.. Вот и узнаете, не слушает ли девушка, семья. – Сытое, гладкое лицо выразило полноту злобы: – Родня пишет, какая хорошая там жизнь, – проговорил шеф деланно-насмешливо, в чём Слотов уловил отзвук ущербности. – В ответах намерение

переехать пока не просматривается, но не всё бывает в письмах.

Семья, продолжал шеф, дружит с другими немецкими семьями в Риге, наверняка восхваляет жизнь в ФРГ. Возможно, ведёт целенаправленную агитацию за переезд... Кроме того, есть сигналы о знакомствах с активистами, которые ратуют за восстановление Немреспублики на Волге. Эти немцы приезжают в Москву, обивают пороги приёмных, привлекают внимание иностранцев. Надо узнать, не втягивается ли в возню девушка или кто-то из семьи.

- Об остальном будем говорить после, – Борис Андреевич вынул из портфеля фотографию. – Снимок уличного фотографа.

«Ничего девочка!» – оценил Вячеслав. Она не без кокетства смотрела в объектив. Сразу вспомнилось – видел её в университете.

- Да, но с чего это она передо мной растает? Наверно, она при друге.

- Увести не сумеете? Не прибедняйтесь! – бросил шеф с холодно-поощрительной улыбкой.

Был готов план. В гости к родителям Марты едет из Казахстана тётя, путь лежит через столицу; послезавтра, известно из телеграммы тёти, она прибудет в Ригу московским скорым. Выяснено, что встретит её одна Марта: родители будут на работе, отпрашиваться – не в их правилах.

- Почему вам не ожидать того же поезда? Допустим, у вас в Москве есть друг-студент, он может передать вам с проводником какой-нибудь важный конспект... – развивал идею оперработник. – Заговорите с девушкой, потом сбегаете к какому-нибудь вагону, вернётесь и поможете донести багаж тёти до такси.

Слотов почувствовал вкус к заданию. Мечта властно кидала его в перипетии трепетного будущего. Он взбегал из подземного перехода на перрон в упоительно тревожащей горячке интриги. Одна, вторая, третья женская фигура... Вязаная шапочка, импортное замшевое пальто – фигуру заслонили, но через минуту он уже был рядом. Она!

- Московский прибывает? Нумерация с головы? – обратился он к ней торопливо-растерянно.

- Ну да, – обронила она, сосредоточенная на предстоящей встрече.

- Мне нужен восьмой вагон, но он, кажется, встанет не здесь, – поделился Слотов и сделал открытие: – Мы в одном заведении учимся?

Она внимательно поглядела на него.

- Да.

Он сказал, что замечал её в читальном зале библиотеки. «И я тебя тоже», – ответили глаза девушки.

- Проводник должен мне посылочку передать: конспект для дипломной работы, – сообщил он. – У меня друг в МГУ – выручает, темы дипломных у нас похожие.

Она вежливо произнесла: – О... – и Слотов с тем выражением, с каким обращаются к понравившейся девушке, спросил:

- А вам какой вагон?

- Четвёртый, – сказала она без желания отвязаться.

Показался электровоз, влекущий фирменные вагоны. Слотов, не дожидаясь остановки, побежал к хвосту поезда, потоптался среди встречающих и пошёл в обратном направлении, высматривая Марту. Девушка обнималась с грузной провинциального облика родственницей, та повернулась к вагону, и с помощью попутчиков и Марты на перрон был спущен багаж. В следующий миг Вячеслав взялся за ручку вместительного чемодана.

- Что вы, не надо... – сказала, как водится, девушка. Он весело парировал: – Руки у меня пустые! – и хлопнул по сумке, висевшей на плече. – Посылочка моя уже тут!

Тяжесть чемодана наводила на вопрос: что же такое, чего нет в Риге, привезено из Казахстана? Марта и тётя – весьма пожилая, судя по морщинам, но энергичная – делили остальной багаж, стараясь взять что потяжелее. Слотов подхватил свободной рукой большую битком набитую сумку и с нею и с чемоданом направился к переходу.

- Какой кароший малшик! – сказала ему вслед так, чтобы он услышал, родственница

Марты. Он ещё никогда не говорил с российскими немцами старшего поколения, и его удивил сильный акцент. Значит, они сохранили немецкий язык... От приезжей старухи словно бы повеяло какой-то близостью к Германии.

Встав в очередь к такси, он обернулся к подошедшей девушке:

- Я так рад, что конспект у меня! – и вдруг, как бывает, когда отменяют нерешительность, добавил: – Слава.

Она улыбнулась его неловко-шутливому поклонцу и сообщила своё имя. Тётя, которая, видимо, принимала его за кавалера Марты, глянула на них с хитроватым любопытством. Он, не слушая девушку: – Теперь уж мы сами... – дождался такси, загрузил багажник и, когда она садилась в машину, спросил:

- В читальном зале будешь?

- Может, после пяти, – бросила она вскользь.

Вечер за вечером проводил он в библиотеке, благо за делом: занимался дипломной работой, когда, наконец, вошла Марта. Она оглядывала зал в поисках свободного места (и только ли его?), вязаная кофта облегла её немаленькие груди. Красивые серьёзные глаза, встретив взгляд Слотова, потеплели. Он кивнул на незанятый стул подле себя. Она постояла, словно раздумывая, прежде чем подойти и сесть. Её притягательность стоила ему усилия, с каким он делал вид, будто сосредоточенно читает. В зале блюлась тишина, и оба молча глядели в раскрытые книги, пока, добросовестно выдержав четверть часа, Слотов не шепнул, что хочет кое-что сказать. Они вышли в коридор.

- На встречу с артистами идёшь? – спросил Вячеслав, имея в виду ожидаемый приезд в Ригу актёров советского кино, среди которых будут такие знаменитости, как Борис Андреев, Евгений Моргунов, Лидия Смирнова. Публика приглашалась в Спортивный манеж.

- В очереди за билетами умаешься, – сказала Марта тоном безнадёжности.

- Я постою! – он смотрел, как сама преданность.

Она отрицательно качнула головой. Он проговорил медленно, с огорчением и обидой:

- Сразу же на «нет» нарвался...

- Я буду занята, – сказала она мягко.

- Время ещё есть, неужели вечер не высвободишь?

Покколебавшись, она ответила, что постарается; в случае чего он продаст билет, осчастливив кого-нибудь.

Билеты, благодаря шефам, он заполучил без затруднений. Завидев Марту, подходившую к Спортивному манежу, бросился навстречу и был вознаграждён улыбкой, по которой почувствовал, как девушка тронута столь непосредственным проявлением эмоций. Выступления актёров доставляли ей несомненную радость, что она не раз показала, одаряя Слотова взглядом, когда оба вместе с публикой принимались аплодировать. В паузе вдруг сказала:

- Тётя Роза тебе привет передала. Говорит, какой ты тощий, а крепкий.

Он не преминул спросить, что было в чемодане, и узнал: копчёная свинина домашнего приготовления.

- Родители любят, – пояснила Марта, откровенно отстраняясь от жирного.

Жила она неблизко, по другую сторону Даугавы, часть пути они проделали на троллейбусе, делясь впечатлениями об актёрах. Слотов с взволнованной грустью, будто о главной досаде своей жизни, поведал, что ещё ни разу не видел «живьём» Высоцкого, нередкого гостя Риги. Марта в утешение призналась, что не более удачлива. Он сказал тоскуя: ему не дано было научиться «даже средне», «просто по-любительски» играть на гитаре – несмотря на все попытки! Он доверчиво открывал ей свои недостатки, не выставляя достоинств, и это возымело действие: в её взгляде мелькнуло умиленно-смешливое: «Ну не наивный?» Когда они вышли на остановке, Марта спросила, где он будет работать, защитив диплом.

- В газете «Советская молодёжь». Я там печатаюсь.

Она тотчас справилась о его фамилии, и он понял, что если раньше она, возможно, лишь заглядывала в газету, то теперь будет просматривать номера с определённым

интересом. Они шли в зябкой темноте по улице, где преобладали двухэтажные, не выше, дома, подошвы заскользили по льду, он взял её под руку. Видимо, сочтя момент назревшим, она с натянутостью в голосе уведомила:

- Мы – немцы, мои родители, родня...

Было понятно, миг для неё непрост: слово «немцы» не всем ласкало слух.

- Газету «Neues Leben» выписываешь? В Москве издаётся для русских немцев, – безобидно среагировал он, будто высказав то первое, что возникло в его уме газетчика.

Оживившись, Марта ответила уже другим тоном: она знает эту газету – («но мы никаких не выписываем», – мысленно закончил за неё Слотов. Впрочем, комсорг обязывает её подписываться на «Комсомольскую правду»).

- Некоторые думают, – вернулась она к главному, – что мы от военнопленных произошли...

- «Произошли» – отлично! – подтрунил он, и оба рассмеялись. Она сообщила: её предки переехали в Россию при Екатерине Второй.

- Что я – в истории ни в зуб ногой? – весело укорил Слотов. – Были немцы поволжские, были прибалтийские.

- Угу, – подтвердила она в подъёме настроения. Ей хотелось скорее развязать узел, и, после заминки, она спросила:

- Твой отец воевал?

- Воевал, но на германскую нацию зла не держит... – он едва не заключил: «Вот уж точно!»

Пользуясь познаниями в немецком, какие дала ему школа и затем несколько расширил университет, он попытался осыпать девушку комплиментами – она, смеясь, ужасалась его произношению и ошибкам. Можно было непринуждённо перейти на то, что интересовало Бориса Андреевича, но сроки покамест не поджимали, и Вячеслав учёл это. Он беззаботно болтал до минуты прощания у калитки, за которой вырисовывался дом комнаты в три; благодаря высокой островерхой крыше, какие обычны в Прибалтике, чердак образовывал ещё одну комнатку.

Марта стояла перед Слотовым, и его словно раздирала борьба между желанием поцеловать её и робостью. Чуть поощри она его взглядом, и он обнял бы её. Но девушка быстро сказала: «Пока!», вбежала в калитку и с крыльца помахала ему рукой.

* * *

Их встречи учащались. Он держался с нею не совсем, как со своими прежними подругами: старался не отходить от образа, в каком предстал перед ней с самого начала. Она видела его бесхитростным, малоискушённым, робующим. Сама Марта пыталась иногда спрятать застенчивость под налётом кокетства, что не обманывало Слотова. Он замечал, как она впечатлительна, как действуют на неё фильмы о любви. Он предвосхитил томительные переживания девушки, пригласив её на проникновенный мюзикл «Шербурские зонтики», который как раз очаровывал советскую публику. Майским вечером Марта была неотразима в облегающем талию платье тонкой шерсти: над ним, уж конечно, потрудились мама-портниха – подумал Слотов. Во время сеанса он наблюдал, до чего девушка заморожена драмой и мелодией, и чувствовал: она растроганно примеряет историю к себе и ему. Провожая её, он ощущал в ней знобкое ожидание. До этого вечера они успели несколько раз поцеловаться, и ныне не располагало ли всё к тому, чтобы он предложил ей выйти за него? Он был исполнен внутренней готовности, но ещё не знал мнения шефствующей над ним организации. Её любознательность он удовлетворял. Однажды Марта, прогуливаясь с ним по уютным мощёным улочкам Старой Риги, сказала: её всегда сюда тянет. А что было первое время, когда она переехала из Казахстана! Эти черепичные крыши, эти башни, вся обстановка так и внушали, что ты в сказке Гауфа или братьев Гримм.

- В Германии, наверно, такое на каждом шагу, да и поинтереснее, – ввернул Слотов. – Не хочется съездить?

- Хочется. У меня там родные.

- Ого! – выразил он приятное изумление. – Где живут?

- В Западной, в городке.

Он поразмыслял и заметил:

- Ты могла бы туда насовсем переехать...

- Зачем мне это? – сказала она спокойно, как о чём-то неновом и бесспорном. – Я преподавать хочу, я люблю школу, но мой диплом не признают. Кем я буду там – посудомойкой?

Он согласился: в самом деле, если такая охота учительницей быть... а родители не подумывают уехать? Родные, наверно, хорошо живут...

- Они очень довольны, но ведь это для других не гарантия, – Марта, видимо, повторила то, что не раз обсуждалось в семье. – Кому какая судьба. У нас тут свой дом, отец скоро машину купит. А там всё заново начинай? Другое дело – просто поехать посмотреть...

- А не хотела бы, чтобы на Волге республику восстановили? – задал он новый вопрос, словно подчиняясь профессиональному инстинкту газетчика.

- Из Риги на периферию ехать? – отозвалась она как на шутку, задевшую её.

Можно не переезжать, сказал он, но разве ей не было бы приятно, что есть немецкая республика? Это доказывало бы, что на немцах не лежит ответственность за совершённое фашистами. Он слышал от одного историка – сослался Вячеслав, просвещённый Борисом Андреевичем, – в 1964 году с немцев Поволжья сняли обвинение в том, что они прятали германских шпионов, поддерживали связь с Германией.

- Правда сняли? – с сомнением сказала Марта, по её лицу он увидел: об отмене обвинения она впервые слышит.

«Это не афишировалось, – предупредил его шеф. – И то, что обвинение признано необоснованным, само по себе не означает отмены мер, которые из него следовали. О них ничего не говорилось».

Слотов шутливо похвастался перед Мартой:

- Убедилась, что я, журналист, знаю о немцах больше, чем ты немочка?

Её подкупало добродушное отношение к её национальности.

- У тебя юмор, а у нас дома страх какой был, – сказала она с извиняющейся улыбкой. – Отцу знакомые передали: какие-то немцы собирают подписи под просьбой, чтобы немцев оправдали... нет, другое слово – реабилитировали. Республику чтобы восстановили... Отец сказал: ничего не подпишет! И вдруг эти люди к нам домой пришли – отец их выпроводил. И мать и он перепугались: наверно, наша фамилия у них записана, придётся объяснять, что мы ни при чём.

- Ещё в тюрьму посадят, – легкомысленно подпустил Слотов смешка.

- А другое нипочём? – заметила она резонно.

- Вдруг хорошо кончится – будет республика? – продолжал он балагурить.

- Пусть добиваются, кому надо! – вырвалось у неё, и Вячеслав переменял разговор.

Прочитавший его отчёт Борис Андреевич высказался деловито и сдержанно: «Это должно нам помочь», после чего попросил «высветить» через девушку её брата пилота.

- За границу он не летает, но вы понимаете, какие возможности у лётчика. Надо узнать, как его характеризует сестра. Может, что-то проскользнёт...

Оперработник дал ещё одну ориентировку. С 1975 года действовало постановление, запретившее прописывать немцев в Прибалтике. Оно было «закрытым»: то есть негласным. Борис Андреевич объяснил его: для немцев глубинки Прибалтики – это родственник им Запад. Рост их числа грозит усилить прозападные тенденции. И потому ныне семье немцев, проживающей где-нибудь в Казахстане или в Сибири, уже не удастся, продав дом и добавив накопленную сумму, купить домик в Латвии.

- Девушке это должно быть известно – наверно, казахстанская родня тоже хотела бы

сюда переехать. Выявите реакцию девушки на запрещение, – поручил шеф Слотову перед тем, как тот пригласил Марту в «Айну» на «Шербурские зонтики».

Мюзикл, однако, вызвал пленительную душевную дрожь, когда естественно звучит лишь ласковый шёпот. Попытки заговорить о родственниках, о запрете на прописку сулили удивление весьма нехорошего свойства, и Вячеслав позволил себе радость искреннего обожания. Марта не спешила домой, они свернули к Бастионной Горке у канала, на каждой скамейке под деревьями обнималась парочка, и в этой атмосфере неги в тёплую ночь он останавливался, прижимая девушку к себе, оба погружались в страстное оцепенение. Она отвечала на поцелуи, но отталкивала его руки, лишь только он осторожно начинал вольничать. Задержка с объяснением неминуемо заставила бы её задуматься: и, не исключено, над тем – так ли уж он нехитёр? Сказав себе, что иного не остаётся, Словот горячо прошептал: «Поженемся?» Ответ подтвердил его оценку положения. Сначала было удовлетворённо-взволнованное молчание, затем она прошептала то, что, очевидно, произносила в мыслях о подобном миге:

- А ты подумал? Мне надо хорошо подумать...

Он притворился, будто принял это за непрямой отказ.

- Не смею настаивать, – сказал тоном горькой шутливости.

Она ласково проговорила:

- Ты даже с моими родителями не знаком. И твои меня не видели...

- Ты им понравишься, – он обнял её, они медленно пошли по аллее.

Словот знал: матери и отцу, конечно же, придётся по душе воспитанная девушка из обеспеченной семьи, завтрашняя учительница. Отец сочтёт выигрышным и то, что в глазах Вячеслава было несравненным преимуществом Марты: наличие родных в ФРГ. Увы, рассчитывать, что ему позволят уехать с женой, не приходилось, но обрести, хотя бы в принципе, право на отъезд было всё равно заманчиво. Определённо, мечтательность присуща его натуре.

Вскоре Борис Андреевич услышал от него: можно ли, выведывая информацию у девушки, забывать, что у неё имеется свой взгляд на дружбу с парнем? Уж, наверно, она подумывает, с какой целью он ухаживает?.. Словот и шеф разговаривали не заперти, а на вольном воздухе Межапарка.

- Она что-то подозревает? – спросил оперработник.

- Уверен, что да, но другое... думает, я просто хочу её... поиметь, – объяснил Вячеслав с сумрачным видом.

- Она против? – сказал шеф так, что Словот представил его разглядывающим порнографический снимок.

- У неё, – начал Вячеслав не без вдохновения, – твёрдые понятия. Она верит, что если любовь настоящая, то должна быть семья.

- Пообещайте, – посоветовал шеф; оба направились в расположенный недалеко зоопарк. – Не завтра же её в загс вести. Вам надо диплом защитить, последние экзамены сдать. Будете встречаться, и она не вытерпит до подачи заявлений, – закончил Борис Андреевич с глумливой ноткой. От него пахло туалетной водой, светлый костюм ладно сидел на его мускулистой фигуре.

- Объяснюсь, договоримся заявления подать, а потом? Как я ей в лицо посмотрю? – высказал Словот расстроено и возмущённо.

Шеф впери в него насмешливо прощупывающий взгляд.

- Жениться на ней хочется?

- А что – возбраняется? – постарался невозмутимо произнести Вячеслав.

Борис Андреевич повернулся к вольеру с зебрами и, словно занятый их созерцанием, проговорил:

- Вы хотите решить личный вопрос, используя наше задание.

Словот возразил: разве исключено, что он и так познакомился бы с Мартой?

- Не исключено, – согласился шеф. – Но произошло-то иначе.

Он развернул замечание: неизвестно, как сложится семейная жизнь. Возникнут конфликты, пойдут дразги, решите развестись. И получится, что ко всему этому мы

имеем касательство. Скажете: «Впутали!», «если бы не они...» и т.д и т.п.

Оперработник прогуливающимся шагом, сплетая пальцы рук за спиной, шёл по дорожке зоопарка в сторону Киш-озера – Слотов, идя рядом, убеждал его, что они с Мартой созданы друг для друга. Борис Андреевич холодно произнёс:

- Сказка про Колобка вам нравится. Мысль укатить на Запад ещё не покинула?

Слотов изобразил оторопь:

- Неужели я не знаю, что без вас это невозможно?!

- Откуда же мне знать? – зло сыронизировал шеф.

Вячеслав, хмыкнув, улыбнулся, как улыбаются удачной остроте, и заговорил заискивающе-требовательно: может он надеяться на понимание? Если они с Мартой пойдут в загс – последуют меры? Какие?.. Шеф ответил с неудовольствием, что пока трудно сказать, – он поговорит с товарищами.

- В любом случае одно будет обязательно, – прибавил он с ядом в голосе. – Я дам вам то, что уже давал, и мы убедимся в точности ваших отчётов.

Слотов бровью не повёл. Само собой разумелось: у его пастырей не могут не обостриться подозрения, что он «правит» речи Марты. И потому крайне важно было позаботиться о том, как – незаметно для девушки – возратить её при надобности к значимым темам. Самое естественное – повести в кафе, вовлечь в болтовню и, перескакивая с одного на другое, задеть нужные вопросы. Не мешало бы её подпоить, но удастся ли? Судя по манерам, она выросла в почтении к моральным устоям. Хорошо бы занять ей голову неуёмной игрой мысли об их будущем, и тут весьма помог бы, опять же, фильм о любви. В паре кинотеатров шла польская картина «Анатомия любви» с Барбарой Брыльской. Прогуливаясь с шефом по зоопарку, Слотов сообщил свой план – оснастившись техникой, пойти с девушкой в кино, а затем, в разыгравшихся чувствах, посетить кафе...

Когда он увиделся с Мартой, она сказала: в кинотеатре «Тейка» начинается показ западногерманского фильма «И дождь смывает все следы». Вячеслав не сдержал восторга: «О-оо!» – добавив: туда, только туда!

- Считай это моей идеей!

* * *

Зайдя на квартиру, где Борис Андреевич снарядил его, как в прошлый раз, Слотов занял подле Марты место в переполненном кинозале. Влюблённые сопереживали германской девушке, которую очаровал молодой француз, позвал замуж, она ждала его в проливной дождь у автобана – но тщетно. В нервном потрясении, сильно простуженная, героиня оказалась в машине германского парня... Время пришло на помощь, и впереди опять замаячила свадьба...

Вышедших из кино Слотова и Марту обдало влажным ветром.

- Ну вот и мы под дождём промокнем! – сказал Вячеслав, увлекая подругу к остановке такси, что, к счастью, была совсем близко.

Перед сеансом он взял с Марты обещание «посидеть в уюте». Таксист привёз их к тихой кафейнице «Торнис» напротив старинной так называемой Пороховой башни. Слотов нервничал, не внесёт ли подруга коррективы в прежде высказанные взгляды, и, подведя её к столику, подставил ей стул излишне суетливо. От коньяка она наотрез отказалась и кое-как уступила настоянию выпить с кофе рижского бальзама. Вячеслав заказал также к пирожным крепкий ликёр «Мокко», она спросила озабоченно:

- И часто ты так угощаешься? Приучишь организм к алкоголю...

Он, в пощипывающем опасении за результаты беседы, сказал о фильме: сюжет отменно закручен!

- Я не догадывался, почему француз девушку подвёл.

Марта кивнула.

- И я нет. – Растроганно сказала: – А он не подвёл вовсе... Так бывает и в жизни. Её миловидное лицо исполнилось тревогой. «Представила, что вот так же меня бы

ждала, а я разбился», – отметил Слотов.

- Немец слишком сурово себя покарал, – сказал он. – Пивом его друзья накачали, а в таком состоянии машину вести... тут ещё и погода... И потом, он же не смылся, когда машина француза перевернулась, – пытался спасти. Никакой суд не был бы к нему строг.

Она возбуждённо возразила:

- Нет-нет, это не суд над собой! Мне кажется, у него к девушке было такое чувство, когда хочешь быть всем-всем для того, кого любишь... Это когда у двоих – всё одно! нет никакой тайны друг от друга. Быть с ней вместе по-другому он не мог. И поэтому решил умереть... – у неё дрогнули губы.

Слотов проглотил рюмку ликёра и удержался, чтобы не выпить вторую.

- Мог бы открыть ей тайну, и, если бы она решила порвать с ним, тогда бы и... – он не договорил.

Марта опустила глаза, промолвила, сделав усилие:

- Он её так любил, что для него было невозможно – взвалить на неё эту тяжесть.

Ему захотелось съязвить – еле окоротив себя, он сказал с достоинством снисходительного критика:

- Да, фильма бы не получилось. В нём оправдана трагичность.

Поборов беспокойство, он запустил руку в карман брюк, включил запись и заговорил деловито и мечтательно:

- Мне западная реальность в фильме интересна. Особняк, где девушка живёт, лужайка перед ним, вечеринка... Я воображаю себя там – правда, не связанным никакой тайной... и тебя.

- С чего это ты возмечтал? – не поддержала его Марта. – У девушки папа фабрику имеет. И другие все – небедные. Себя я там могу представить только с подносом.

- Неужели никак не выбиться? – будто невольно сорвалось у него.

- Я уже тебе говорила – педагогом мне там не стать. И чем мне здесь плохо, чтобы от любимого дела отказываться?

- А я не хотел бы учителем быть, – отвлёкся Слотов, – но что я тебя не угощаю... извини... – он налил ей рюмку бальзама.

- Нет, я с кофе, – она вылила бальзам в чашку горячего кофе.

- Я насчёт чего... – Слотов сосредоточенно наморщил лоб. – Если республику немцев восстановят, можно требовать компенсацию за дома, откуда их выселили, за хозяйство. У многих было по корове, свиней, конечно, держали...

- И что тебе эта республика далась! У нас дома никто не верит, что она опять будет, и не хотят говорить о ней! – отреагировала Марта с некоторой резкостью.

- Может, правильно делаете, – смущённо сказал Вячеслав и с грустью добавил: в редакции был разговор, что немцев больше не прописывают в Прибалтике.

Марта ответила: так и есть. Тётя Роза и дядя Оскар собирались купить домик в Тукумсе – через нотариуса им передали предупреждение.

- Проклинают запрет?

- Вот уж чего от них не услышишь. Жизнь их научила... – сказала девушка с состраданием.

Он подумал о двухкомнатной квартире родителей и любопытствовал: у тёти с дядей свой дом? Да. И садик, огород. Коптильня есть – по две свиньи в год откармливают.

- Я что-то припоминаю... – улыбнулся он. – Но тётя уехала, копчёного не осталось?

Марта виновато подтвердила. Он выразительно вздохнул и, наливая себе ликёра, спросил:

- Как ты думаешь, зачем этот запрет ввели?

Она посмотрела на него вопросительно-тревожно, подозревая, что он избегает касаться того, о чём сказал в прошлый раз, и нехотя ответила:

- Раньше в Прибалтике было много немецких баронов. Наверно, чтобы немцы о том не напоминали, если их здесь много будет, и запретили.

«Я тебя поздравляю!» – воскликнул мысленно Слотов и отметил её «их».

- Тебя тоже жизнь научила не возмущаться? – спросил он с видом невинного трёпа.

Она, однако, стала ещё печальнее.

- В моей жизни своего личного хватает! – проговорила вызывающе. В её глазах читалось: «Больше спрашивать не о чем?»

Он придал себе выражение кротости:

- Когда с родителями познакомишься?

Марта с внимательностью молчала, как бы приглашая его продолжить, он безмолвствовал, и она указала взглядом на графинчик ликёра:

- Пьёшь для смелости?

- Угу. Твоим родным, конечно, не понравится, что я не немец...

- Какая глупость! – она, ей казалось, поняла, почему он донимал её вопросами: ходил вокруг да около того, что его беспокоило в самом деле. Сказала с приятной живостью:

– У моего старшего брата жена – русская.

- Какое у него образование?

- При чём тут образование? – вознегодовала весело, и он понял произнесённое: «И чудачок же ты!» – Она добавила о брате, что он лётчик, летает на пассажирских самолётах.

Слотов, зная ответ, спросил простодушно:

- В доме с вами живёт?

- Нет, у него квартира в Имманте.

Последовал вопрос, строг ли папа... Они отхлёбывали кофе с бальзамом, обмениваясь улыбками, торя словами и намёками тропку в желанное будущее. Слотов на такси отвёз её домой, она обещала завтра сказать, когда родители ждут его в гости.

Днём он возвратил технику Борису Андреевичу, сев к нему в машину. Тот, против обыкновения, не пожал подшефному руку и внешне не выражал никаких чувств.

Вячеслав произнёс покорно и важно:

- Это будет вопиющая аморалка, если я теперь не женюсь.

- Я говорил с руководством. Посмотрим... – без дружелюбия ответил оперработник.

Они условились, что Слотов позвонит ему.

* * *

С Борисом Андреевичем в квартире поджидал коллега, но не тот, которого помнил Вячеслав. Нынешний держался как старший по положению. Он сидел перед журнальным столиком и не пошевелился при появлении Слотова. Тот смиренно замер под остановившимся взглядом.

- Сядьте! – неприязненно, почти гадливо приказал человек. – Вы преследуете личный интерес, сблизаясь с этой девушкой, и, если имел место сговор... – начал он угрожающе и гневно замолчал.

Вячеслав не изменил позы послушного ожидания.

- Сговор относительно её ответов на ваши вопросы, – закончил гэбэшник с нарочито хамски-уничижительным выражением.

- Сговора не было, – сказал Слотов угодливо, что не совсем шло к смыслу слов.

- Вы не в вакууме живёте, и в своё время истина выяснится, – вставил севший в стороне Борис Андреевич.

Слотов смотрел в глаза старшему и не повернул головы.

- У вас будут большие – боюсь, слишком большие для вас – неприятности, – проговорил суровый гэбэшник.

- Не из-за чего, – обронил Вячеслав, зная, что дело с записью безупречно. Он почувствовал удивление в затянувшейся паузе.

Старший оперработник переглянулся с коллегой и заговорил о том, что познакомиться с девушкой как с объектом наблюдения, а затем вступить с нею в брак – неэтично.

- А сделать предложение и увильнуть – этично? – парировал Слотов.

- Боитесь, другого не найдётся? – отпустил реплику Борис Андреевич.

- Ну, знаете ли... – выдохнул Слотов с неприкрытой злобой.

- Всё-всё! – старший взмахнул кистями рук и обратился к нему: – Вы понимаете, что вредите себе в наших глазах, но делать выводов не хотите?

Вячеслав сказал, что хочет жениться, и тогда ему предложили написать: «Мне были даны разъяснения, что мой брак с Грасмюк Мартой нежелателен по этическим соображениям, однако убедительные советы и предупреждение я оставил без внимания...»

Он поднял голову:

- Нет, я отнёсся внимательно и благодарен. Но... советы не изменили моё решение.

Гэбэшник раздражённо согласился:

- Напишите: «не изменили...» – Затем продиктовал: «Я заявляю, что я и только я целиком и полностью отвечаю за последствия моего своевольного шага».

Ему велели подписаться псевдонимом и сухо попрощались. Он не замечал, куда идёт, объятый каким-то эмоциональным изнеможением, всё ещё чувствуя себя под перекрёстными взглядами. Потом сладко и полно ощутил облегчение. Он был доволен собой. Расчёт, что – если выдержать нажим – ему уступят, не подвёл. Его припугнули, ибо опасаются: однажды ему понадобится воздействовать на жену, и он преподнесёт ей – она кое-где на заметке и он имеет связи с всесильным учреждением... оно будет фигурировать в семейной сваре. «Как со мной поступят, окажись я таким кретином? – подумал Слотов. – Освидетельствуют как психбольного». Подумалось ещё: ему не сказали, чтобы он позвонил. Будут ждать – сделает это сам из подхалимажа. А он не делает.

Весна переходила в лето с его тугими обжигающими порывами ветерка. Визит к родителям Марты. Она выбежала к нему в переднике: – Привет! Я сейчас! – и исчезла. Папа, дюжий дядя в свежeweыглаженной рубашке, радушно улыбаясь, пояснил: занята на кухне. Круглолицая мама с карминными бусами на белой шее сказала с симпатией:

- Мы о вас давно слышим, а вы только теперь зашли.

Его усадили за стол в гостиной, и Марта, порозовевшая не только от жара плиты, подала пирожки: с мясом, с луком и яйцами и с иной начинкой. Он, подув на пирожок и надкусывая его, смотрел на девушку блаженно-влажными глазами, чего не упустили родители. Мама потребовала:

- Вам надо больше есть! Мужчине нельзя быть таким худым!

У Марты был готов и торт, Вячеслав переел и хотел бы подняться со стула, только чтобы развалиться на диване. Папа взял аккордеон, предупредив: – Я для себя... – Слотов слушал с четверть часа игру, потом девушка увела его в свою комнатку, и он сидел там с нею, наслаждаясь, что не требуется хитрить и подсовывать ей вопросы. Через несколько дней он появился здесь, когда родители были на работе, и одержал верх над врождённой застенчивостью Марты, подкреплённой воспитанием.

На исходе июня он украсил пиджак «поплавком», полученным вместе с дипломом.

Свадьба, путешествие с женой в Ленинград и – работа. Он правил заметку внештатника, поднял трубку зазвонившего телефона и услышал голос Бориса Андреевича. Тому хотелось увидеться. Новое поручение, возрождение дружбы, благодаря которой он обошёл других желающих вступить в партию и завладел красной книжицей, что помогло ему перейти в главный печатный орган республики.

Предположения шефов относительно семейных раздоров не то чтобы не оправдались вовсе. Время принесло неурядицы. Поначалу Вячеслав и Марта жили в её родительском доме. Она окончила университет, им дали комнату в коммуналке на Петерсалас, родился первенец. И Слотову пришла пора убедиться: бывшая любовная неутомимость жены не возвращается. Он тогда ещё работал в «Советской молодёжи».

Пришедшая на практику студентка попросила его быть её руководителем, сообщила:

- Я была на первом курсе, а вы на четвёртом. Мы с вами танцевали на вечере...

- Возможно, – приветливо сказал Слотов, как исто галантный мужчина, чья память не сохранила факта.

На самом деле он отлично помнил эту девушку с длинными красивыми ногами: она появлялась в университете в миниюбке, которые тогда уже отошли в прошлое. На третий день практики он и она, говоря о работе, стали примолкать, встретясь

взглядами и подчиняясь волнению. Совладать с ним становилось всё труднее, и вскоре Вячеслав уведомил жену, что уезжает в недалёкую командировку, вернётся ночью. Проводя с практиканткой вечер на пляже, он, когда стемнело, сказал, словно только сейчас открыв:

- А водичка приятная! Как будто молочную ванну принимаешь...

После этого оба искупались нагишом, и их тела не хотели разлучаться.

Студентка жила с родителями; днём в их отсутствие Слотов проводил с ней около часа в недёшево обставленной квартире, выходившей окнами на Площадь Латышских Стрелков. Марта замечала неладное, у неё скребли кошки на сердце, а однажды она увидела из троллейбуса мужа и эффектную девушку, идущих вдвоём. Дома Вячеславу пришлось выдержать допросик, с чем он справился уверенно, как мужчина, который считает себя достойным подозрений. Я с девицей? Моя практикантка. Правда, смазливенькая? (простецки самодовольная ухмылка). А ты хотела б, чтобы я возился с дурнушкой? Если без шуток, она толковая, дело по ней. Мы шли в райком комсомола, ей нужно было узнать об одном мероприятии, а у меня имелся вопрос к первому секретарю.

- Вы с ней были такие увлечённые... – проговорила Марта подавленно.

- Ну да, если муж идёт по улице с девушкой, то, конечно же, оба увлечены, – сказал он с добродушной иронией, – и идут они, само собой разумеется... да!.. Пойми, – продолжил умоляюще, – мне никто, кроме тебя, не нужен, никто-никто! – он ласково обнял жену, она легонько отстранила его.

- Ты с ней...

- Да нет же! – он так выразительно тряхнул головой и взмахнул руками, словно не было большей нелепости, чем сомнения в его прямоте.

Позднее, когда у него завязывались новые интрижки и жена поддавалась подозрениям, он держался столь же непоколебимо. Марта с её мирным характером, болезненно переживавшая даже небольшие размолвки, до скандала не доводила. Она перестала высказывать подозрения, мучаясь ими наедине с собой. Муж был с нею сама обходительность, и с годами её внимание к кое-каким подробностям его жизни ослабло (если оно иной раз заявляло о себе, она, инстинктивно защищаясь, погашала его).

Семейная жизнь диктовала свой ритм. Родился второй сын, семья переехала в отдельную квартиру в районе новостроек Югла. Гордостью Марты стала обстановка для кухни, изготовленная в ГДР и потому купленная по блату. Копили деньги на покупку дачи: гонорар за первую книгу Слотова отложили целиком.

Книга состояла из рассказов и повести. Герой рассказа паренёк, окончивший вуз, едет по направлению в деревню преподавать в школе черчение и рисование. Но он мечтает стать художником и не мыслит жизни без родной Риги. Ему удаётся через посредство родственников и знакомых добиться «открепления» – как радостно задышалось! он вернётся в любимый город. Девушка-библиотекарь, равнодушная к учителю, помогает ему паковать вещи, раскрывает альбом с репродукциями и не может от них оторваться... Он рассказывает ей о Ван Гоге. Она уговаривает учителя перед отъездом встретиться с местной молодёжью. Он изумлён: как много желающих послушать его пришло в библиотеку. Его засыпают вопросами, вокруг него теснятся, разглядывая репродукции, общение переполняют теплота, добрые эмоции. Паренёк ощущает свою нужность здесь и – остаётся в деревне.

Завершающая сборник повесть была посвящена трудной судьбе актёра драмтеатра.

Молодой способный, но с неуживчивым характером и большим самомнением актёр пьянствовал, аморально вёл себя с женщинами; дошло до того, что коллектив расстался с ним. Он опустился, живя случайными заработками, на болотах в лесу собирая клюкву на продажу. Однажды он оказался вблизи места, где начался лесной пожар, по душевному порыву бросился тушить. Подоспела помощь, с пожаром совладали, но бывший актёр умирал от травм и ожогов... В больнице его поставили на ноги, коллеги, прочитавшие о нём в газете, позвали его назад в театр, окружили заботой, помогли вновь найти себя...

Вячеслав Слотов набил руку на подобных творениях, умея делать так, чтобы их

замечали наверху и его имя набирало вес. Горбачёвский апрель вселил надежду, что на руководящих постах понадобятся более молодые люди, он будет назначен ответственным секретарём газеты, а затем и возглавит её. В Вецаки на даче у моря писатель обдумывал роман. Сын русского эмигранта, выросший в буржуазной Латвии, в 1940 году, когда её объявили советской, бежит в Швецию, бросив молодую жену и ребёнка. Крепкий трудолюбивый человек борется за благополучие, переезжает из города в город, из страны в страну, и, наконец, жизнь вдали от земли, где он рос, где осталась его семья и где свершаются великие преобразования, становится для него невыносимой. Он обращается в советское посольство, ему разрешают вернуться. Жена побыла в браке с другим мужчиной, развелась, она прекрасная работница, её уважают, но женщина несчастна. Её объяснения с отыскавшимся супругом тяжелы, поначалу она гонит его. Юноша-сын говорит отцу в лицо: «Как бы ты ни объяснял, почему кинул нас, моего прощения не дождёшься!» Но всё же отношения налаживаются, возрождается семья, появляется поздний ребёнок. Жизнь при всём при том не безоблачна (в романе будет раскритикована эпоха застоя). Герой продолжает трудиться и в свои шестьдесят шесть. Его раздумья, беседы с другими персонажами, жизненная позиция выявляют глубокую, радостную веру в перестройку. Вячеслав Никитич разделял её, пусть отчасти, пусть по-своему. И его шефы на первых порах не впадали в пессимизм. С Борисом Андреевичем в последние годы Слотов виделся лишь изредка: тот весьма поднялся в должности, в звании вырос до подполковника. С Вячеславом Никитичем на связи был другой сотрудник. Настало время зыбкости и тревог, когда он позванивал подопечному гораздо реже, чем тот ему. В шефствующем учреждении трескались потолки. Слотов прекратил набирать заветный номер. Страх разоблачения пробирал холодом до костей. А страх нужды?.. Собственно, она уже приняла семью в объятия. Настроение поменялось, Марте стало не до призвания педагога. Родители, она с мужем и сыновьями выехали в Германию. Марта стеснялась признаться, как изменила её будни стиральная машина с программным управлением. Муж отдал должное электрогрилю. И нашёл прелесть в ягодных хмельных напитках Johannisbeere, Waldbeere... Но всё равно снилась сочная ягода.

* * *

Ягода, какую он соблазнился, оказалась из тех, что идут на приворотное зелье. Вячеслав Никитич заметил: трезвый анализ положения ему не даётся и, покидая кухню, не прихватил, вопреки желанию, новую банку пива. В спальне чуть колыхнулась оконная занавеска. Разгар берлинского лета, погожая ночь. Томясь по телу Ульяны и словно видя её пьянящий взгляд, он думал: не будь они года три пусть шапочно, но знакомы, перед ним вдруг замаячила бы другая. Или к нему подошли бы как-то иначе?.. Служба, усиливая активность, проводит смотр, и, во всяком случае, не пожалуешься, что к его характеристике отнеслись без должного внимания... Вячеслав Никитич сел на кровать, напротив у стены стоял стеллаж с небольшой библиотекой. Слотов, получая каталоги книготорговых фирм, следил за тем, что выпускают русские издатели, кое-что заказывал. Светлый корешок, тёмные буквы: «Великие пророчества о РОССИИ». К читателю обращено: «Вы чувствуете, что живёте в роковое время? Тогда эта книга – для Вас!» Она увидела свет в 2000 году, в пророчестве Вещего Авеля, каковое услышал Павел Первый, есть слова о великой, мировой войне: накануне победы рухнет трон и настанет время безбожия, ограбления святынь, казни египетской. Но не истребитсЯ народ промеж огня и пламени, принесёт ему спасение избранник Божий, его учует самое сердце русское. «Имя его тоекратно суждено в истории российской. Пути бы иные сызнова были на русское горе...» Два этих предложения особо запомнились Слотову. Второе наспех, без связи, приляпано к первому ради прозрачного: «Пути». «И чуть слышно, будто боясь, что тайну подслушают стены дворца, Авель нарёк самое имя», – написано в удивительном

томике.

Рядом с ним иллюстрированная большого формата книга «Восточные легионы и казачьи части в вермахте». Любимая цветная иллюстрация Вячеслава Никитича: подбоченившийся удалой, с папиросой во рту казак в фиолетовых галифе при красных лампадах, на заломленной папахе и на рукаве – «мёртвая голова». В другой книге кое-что рассказывается о советской агентуре прошлого. Например: 22 ноября 1937 комиссар Папэн Робэр произвёл обыск в доме N 65 по улице Потэн в Париже, где проживали бывший белый офицер Сергей Эфрон и его жена Марина Цветаева, великая русская поэтесса. «Документы, изъятые при обыске, неоспоримо свидетельствовали, что хозяин квартиры сотрудничал со спецслужбами СССР», – Словотвор мысленно повторил это с чувством, напоминая удовлетворение. Работали на ведомство и Вертинский, и так же любимая эмигрантами певица Плевицкая. О её муже Скоблине, белом генерал-майоре, который в 1920-м командовал Корниловской дивизией, осталась запись в документах ОГПУ: «стал одним из лучших источников». Генерала не понуждали предавать товарищей по борьбе, он и сколько ему подобных не побывали в шкуре студента Словотова, когда перед ним поставили выбор: дорожка вниз или...

Вячеслав Никитич знал, что как человек, взявшийся перебирать вещи, будет всю ночь хвататься за одно, другое, третье. Он было прилёг, но встал с кровати, включил компьютер. Без намерения найти что-то определённое вышел интуитивно на сайт, который иногда развлекал картинками нынешней России. Открылось фото: два депутата на заседании Думы. Один наклонил голову к другому, и тот, с выражением трогательной заботы, касается пальцами волос коллеги. «Изобъём паразитов!» – родилось у Словотова. Подпись, которая придавала бы снимку гениально двойной смысл, никогда не появится... Им не по силам! Вячеслав Никитич помнил, что всегда оказывался талантливее тех, кого ему приходилось освещать.

Его повлекло на сайт карикатур. На лестничной площадке киллер с пистолетом перед дверью и около – уборщица со шваброй и ведром, произносящая: «В голову не стрелять. Много хлопот с уборкой». Убийства по заказу – фон обыденки, освоенный прогрессом: наряду с правилами демократии. И таким доказательством гуманизма, как отсутствие смертной казни – пропадающей на фоне того же цвета.

Вячеслав Никитич кликнул плакат, который увидел весной в праздник российской демократии – выборы президента. На заборе у известного слова замазана первая буква и красной краской перед двумя оставшимися нанесено «голос», что в совокупности даёт призыв: «голосуй». Выше наклеен портрет Путина.

Сатира сатирой, а власть на второй срок обеспечена, и, естественно, поднимается значение ведомства. Достижения не столь давнего прошлого зовут возродить те формы и размах деятельности за границей. Словотвор подумал о счёте убийств в Зарубежье – как будет он расти, списываемый на активность криминальных элементов. Не моё дело, сказал себе Вячеслав Никитич и заметил двусмысленность фразы, что вызвало мысль, всегда доставлявшую удовольствие. Его одарённость была оценена по достоинству (и кто виноват, что только ведомством?) Он передавал, умея добывать их, знания, и разве дело не отвечало великому «Знание – сила»? Однажды он умно среагировал на обстоятельства и обрёл две жизни: вторую талантливо наполнил таким содержанием, что досье не затерялось (дабы обнаружиться некстати) в горах папок, а было вывезено в Москву.

В самом начале, когда ведомство не послало ему зловещую повестку, а с ним встретился Борис Андреевич Скребцов (фамилия в своё время стала известна Словотвору), он, студент, проявил себя как истый дипломат. В дипломатии нет понятия предательство. Столкнувшись с неодолимым противником, он выиграл договор о дружбе и взаимопомощи.

Вячеслав Никитич зашёл на порносайт. Какая девочка, поза! Он улыбнулся: среди почитателей странички много ли тех, кто не осудил бы его?.. Ах, эта лёгонькая складочка, какую выпуклость ягодицы оканчивается внизу!.. Да, поступи он по-расхожему «достойно» – содрогнешься, представляя житейскую и духовную скудость, в

которой прошли бы годы. Где и кем был бы он нынче? И кто признал бы его жертву?.. Картинка за картинкой. Ножки, согнутые в коленях, – поглядываем на пирсинг, на украшенное им местечко: потерпела милашка... Ныне интерес ведомства подарил Ульяну. Может, затем только, чтобы согласился? Волнующие нюансы в памяти. «Нет, она не притворялась, и с чего бы ей отвергать продолжение?» – сказал себе с твёрдостью Вячеслав Никитич. Иной вопрос, если он откажется работать. Утратив расположение Ульяны, будет ли он наказан как-нибудь ещё? Не вернётся же дело и впрямь в Ригу. Хотя, если подумать о собратях, не спешащих с согласием, – мера весьма эффективно послужила бы им назиданием. Публикация в Риге, тут же раскрутка в интернете. И – освещение в русской печати Германии... Жена узнает пикантную предысторию их встречи. Под должным впечатлением окажутся сыновья. Как оживится весь круг знакомых.

Сидя перед экраном, Вячеслав Никитич глядел на манившую его пальцем нагую девушку с невыносимой мрачностью. Не смертельно, сказал он себе, выныривая из волны нервирующих представлений о вероятном. Он даст объяснения, с которыми нельзя будет не считаться, покаянно заявит о разрыве с ненавистным прошлым. Тучи пыли и улягутся. То, что поначалу не полезет близким в горло, будет прожёвано, переварится. Но ради чего переживёт он встряску? Что выиграет – помимо мирно-однообразного скольжения в старость? Не придётся поставлять знания заказчику. Но так ли уж это обременительно? Кто и на чём его зацепит? Не дадут же ему поручений вроде тех, что столь печально аукнулись Эфрону и Скоблину...

За оконной занавеской проступил белесый тон. Вячеслав Никитич написал нестеснённо страстное электронное письмо Ульяне и лёг в постель, смакуя отправленное.

* * *

Он понимал – человек не позвонит спозаранок на дом. А хотелось бы! Обрадовать Николая Сергеевича: и тем скорее можно будет надеяться на бодрящий отклик Ульяны... За завтраком похвалил Марту, купившую в русском магазине рижские сырки с изюмом. Ему снилась Рига – соврал, вызвав у жены сентиментальный настрой.

- Что-то хорошее? – спросила она тепло и задумчиво, он многозначительно кивнул и взглянул на часы.

На работу спешил так, словно тем сокращал время до ожидаемого звонка. В коридоре у двери кабинета уже прохаживался посетитель. Переселенец из Казахстана хотел бы в часы досуга петь в хоре. Слотов дал сведения о музыкальном объединении российских немцев, позвонил руководителю, который передал земляку приглашение, и тот ушёл весьма довольный. Следующей была женщина, робко попросившая сохранить в секрете от сына то, с чем она обратится. Они приехали с Урала. Мальчик физически быстро развился, любит спорт. Ему семнадцать, и в школе у него напряжённые отношения с молодой учительницей. Она жалуется: он беспокойно ведёт себя на уроках, не прочь унижить товарищей, на её замечания реагирует резкостью, в реакции чувствуется угроза.

- Возможно, он к ней неравнодушен, как нередко бывает? – предположил Вячеслав Никитич.

Мать осторожно согласилась. В вашем случае, сообщил Слотов, нужна помощь социального педагога. Он будет посещать парня на дому, пробудит в нём доверие, поможет разобраться в себе. Мать смутил вопрос об оплате. Вячеслав Никитич её успокоил: работу педагога оплачивает государство, но надо подать аргументированное заявление. Он принял за него, но женщину тревожило: сын поймёт, что она обращалась за помощью... Нет, объяснил Слотов, специалисты устраняют конфликты, а не наоборот. Парню будет сказано, что о проблеме с ним написали родители учеников, фамилии в таких случаях не разглашаются.

Заявление было почти готово, когда ожил телефон. Рука быстро поднялась, но

застыла в воздухе, словно Слотов вдруг забыл, какая вещь ему понадобилась. Он кашлянул, как бы прочищая горло, взял трубку, назвал себя и услышал имя и отчество, заполучившие власть над его чувствами.

- Да-да, Николай Сергеевич! У меня нет возражений, – без запинки сказал Вячеслав Никитич.

Побежали секунды. Последовало произнесённое тоном обстоятельности:

- Вы приняли решение?

Слотов повторил «да» и приветливо спросил, не могли бы они сегодня поговорить.

Николай Сергеевич пообещал дать ответ после обеда и дал: по окончании рабочего дня он будет ждать на прежнем месте.

На сей раз он не вышел из машины, которую Вячеслав Никитич сразу узнал на стоянке. Дверца приоткрылась. Слотов не исключал, что с его знакомым окажется ещё кто-то, но увидел его одного: молодого неброской внешности мужчину с вежливым выражением.

- Присаживайтесь, – пригласил он, протянул руку, и двое тепло обменялись рукопожатием. Николай Сергеевич, поворачивая ключ зажигания, спросил: – Как работа?

- Двигается. Переселенцы обращаются к нам с самыми разными нуждами. Объясняем, какую помощь можно просить у государства, у благотворительных фондов.

Человек за рулём удовлетворённо кивнул, как будто занятие Слотова было весьма близко его сердцу. Машина катила по улице Густава-Адольфа. Они остановятся там же, где в прошлый раз, уведомил Николай Сергеевич. Водитель, чьё внимание сконцентрировано на дороге, он сказал неуверенно:

- Мы говорили о Надеине и Стрепетовой...

Память тебя не подводит, мысленно отметил Слотов. Подбросим-ка для проверки.

- Вас интересовал Максим Надеин.

- Но вы назвали Стрепетову: она враждебно относится к России, – прозвучало замечание.

Почему бы тебя не поправить? Не к России, а к режиму – произносим мы, ожидая, что водитель бросит взгляд на нас, но он этого не делает. Спросим-ка мы тебя о фамилии. Бортников. Спустя минуты человек восстанавливает ход беседы о Стрепетовой: какое её произведение почитать бы? Называем журнал, номер. О чём написано? Рассказ о мальчике в Москве наших дней. Сломленная нуждой мать-одиночка выгнала его из дома, он с такими же беспризорниками просит в метро милостыню, сердобольная женщина дала ему огурец, мальчик держит его, а рядом трое голодных. Сцену видят учительница и её подруга-журналистка. Диалог о режиме. Огромные деньги от сбыта нефти, газа, прочего сырья присваиваются Путиным и кликой, идут на усиление ФСБ – а отверженных всё больше и больше.

- Она бывает в России? – спросил человек за рулём.

Киваем. В Москве у Стрепетовой родные, друзья. Немцы не собираются переводить? Пока она жалуется, что нет. Не хочет понять германских издателей. О положении в России достаточно известно из телепередач. Немец не станет покупать книгу ради возгласов возмущения в адрес Путина. Не тронет немцев и плач Надеина по вырубленным лесам, по канувшему в Лету обилию фауны в российских заповедниках. Остановка перед светофором. Николай Сергеевич полон любезности:

- То, что вы говорите, очень интересно!

«Они только осваивают участок», – заключаем мы в ласкающем осознании нашего значения. Машина устремляется вперёд, продолжаем: у Надеина выразительный язык, его дарование несомненно, но он не более, чем хороший хлебопёк. А нужно, чтобы в тесте было что-то запечено... Мы почувствовали – Бортников наострил уши, ждёт.

Произносим с невинным видом, вдруг озаботясь:

- Жара. Дождей нет и нет.

- Суховато, – согласился водитель, бережно выговорил: – запечено...

Мы удостоились подстёгивающего взгляда.

- Вольфганг Тик что-то готовит.

- Написавший о легендарной паре? – обронил Николай Сергеевич, показывая знакомство с творчеством Тика.

Книга «Расписной лёд», посвящённая Олегу Протопопову и Людмиле Белоусовой, многократным чемпионам мира по фигурному катанию, сделала ленинградского радиожурналиста довольно известным писателем. Увидев свет в 1991, когда СССР доживал последние месяцы, она была переведена на несколько языков. Людей влекли характеры спортсменов, волновало то, что, оказывается, таилось в их душах, когда они выходили на лёд, на котором являли такую свободу. Прославляя страну, великая пара страдала от бессилия перед наглой властью чиновников, пока в конце концов не попросила убежища в Швейцарии.

После обмена фразами об успехе книги Бортников сообщил: он знает и другие произведения Тика. Жёсткая критика советского строя, стрельба по трупам. Теперь занялся актуальным?

- Он пишет о Путине.

- Что-нибудь новое, – без эмоций сказал водитель, – или перепевы слухов?

- Он выведет на свет решающее обстоятельство в жизни Путина. Всё встанет на свои места, проступит во всей ясности портрет, рядом с которым будет видна фальшь того образа, какой нам навязывают. Так он мне говорил.

Вопрос: что за обстоятельство? Он пока не сказал – ответил Словот. Почему завёл речь? выпивали? Нет, шли вдвоём после заседания нашей ассоциации. «Я могу объяснить, почему его потянуло», – произнесено с мыслью о далёком, отчего царапнуло по нутру. Незабываемое эссе Романа Вальца «Роскошь общения». Ты излагаешь то, что отзывалось в сознании множество раз. Когда-то тебе внимал Борис Андреевич, ныне слушает Николай Сергеевич, ведущий audi quattro по улицам Берлина. Об эссе, о Вальце не упомянуто. «Есть такой, – толкуешь ты, – тип характера, которому всё время нужна самопроверка. Человек в каком-нибудь явлении открывает что-то, и его волнует – как это оценивают другие. Положительный отклик, хоть самый беглый, дорог ему. Человек ищет отклика, страдает, если вокруг нет понимающих. Внимание людей, в чьём уме можно не сомневаться, для него роскошь».

Лицо Бортникова чуть тронула улыбка и исчезла. Он как бы взвешивает твоё определение на весах. Вы с Тиком друзья? Ну, я бы не стал утверждать, отвечаешь ты, он больше меня известен, имеет влияние, какого у меня нет. Не скажу, что подобное исключает дружбу, однако... Беседа о Тике. Николай Сергеевич сбросил скорость: светофор.

- Важно – разговорить его. – В глазах Бортникова – сама искренность уважения и надежды.

Добавь, думаешь ты: ваш опыт, не мне вас учить... Впереди справа – светло-серый массивный рейхстаг, проигравший от реставрации, новый купол мало его украсил. Зелёный свет, водитель нажал на акселератор, рейхстаг позади. Миновали перекрёсток, дальше – Джон Фостер Даллес Аллее, справа за сквером с бассейном – Дом культур мира, похожий на летающую тарелку под дугообразным укрытием. У тротуара припаркованы машины. Николай Сергеевич нашёл место для audi и, доставая с заднего сиденья кейс, предложил:

- Посидим на скамейке...

Словот вышел первым и заметил, как его спутник мельком взглянул на стоящий в нескольких метрах жилой автобусик. Прошли мимо него по тротуару, свернули на дорожку меж кустами, которая выводит к бассейну. Словоту хочется оглянуться: чувствуем спиной автобусик с неплотно сдвинутыми занавесками на окнах. Николай Сергеевич указывает кивком на скамью старого потемневшего дерева – мужчина без примет одного роста с тобой, в песочного цвета рубашке с рукавами по локоть.

Деловая встреча в приятный летний вечер, когда солнце ещё не закатилось. Два человека сидят на скамейке у бассейна, один извлёк из кейса листы бумаги, кейс с листом на нём лёг на колени Вячеслава Никитича:

- Напишите, пожалуйста...

Слегка повернуть голову вправо к дороге, к припаркованным машинам. До автобусика –

метров сорок. «Фиксируют встречу», – усмехаешься ты про себя. Между тем тебе диктуют:

- В Федеральную Службу Безопасности. Я, такой-то, чувствую себя русским человеком, которому близки и дороги государственные интересы России. Поскольку она является правопреемником СССР, чьим органам госбезопасности я добровольно помогал, изъявляю желание продолжить сотрудничество с ФСБ...

Вячеслав Никитич промолвил медово-любезно:

- Слово «продолжить» не совсем точно. Я с ФСБ ещё не сотрудничал.

- У нас к стилю не придираются, – сказал ему в тон, с миндальной улыбкой, спутник. – Будет понято так, как надо.

И попросил добавить: «Обязуюсь держать в секрете...» Давно не доводилось по-русски расписываться? После фамилии, за косой чёрточкой, – прежний псевдоним, пожалуйста. Под сообщениями, вы знаете, должен быть только он.

- Их от руки писать? – сказал недовольно Слотов, привыкший к компьютеру, и был успокоен: можно передавать на дискетах. Но ни в коем случае не посылать электронной почтой. Она, как и телефон, – только для информации расхожего характера, когда суть неизвестна непосвящённым.

Бортников убрал бумагу в кейс. То, ради чего коллеги, невидимые в автобусике, записывали беседу и снимали её участников скрытой камерой, завершилось. Вам домой? – спросили тебя. Да. В машине, изводимый колебаниями, ты вцепляешься в «а что такого?» – и произносишь:

- Я понимаю, об этом не спрашивают, но... извините, а Ульяна – помощник?

- Вы имеете в виду... – говорит водитель равнодушно, как о чём-то второстепенном. – Нет. Я для неё – официальный работник, занятый сугубо культурой. – Человек не моргнул глазом.

* * *

Минули сутки стоического терпения. Слотов удерживал себя от звонка Ульяне и переживал: ответит ли она и как на его моляще нескромное послание? Вечером дома он прочитал с экрана написанное в подразнивающей манере: «Она говорила себе, какой он нахал, и удивлялась силе своего желания увидеть его». Смайлик и, вместо подписи, – «Отрывок из романа». Растроганность. «Дитя», – вы ласкаете слово с чувством, что одобрение дано и кое-что будет с гарантией принадлежать и вам. Пусть она скорее скажет... Встретиться нормально (её выражение) получится только в субботу. Ныне истекает среда. Почему бы завтра не приступить к заданию, дабы оперативно заявить о себе первым отчётом?..

Звоним Тику. Вечерами, сказал тот, он в последнее время в библиотеке. Не так давно Тик отвечал оттуда по мобильнику. Ими запрещено пользоваться в библиотеках, но эта, которую посещал и Вячеслав Никитич, имеет выход на просторную террасу. На другой день после работы Слотов доехал на метро до Ноллендорфплатц и направился к тупиковой тихой Майенштрассе, где в сельского вида, по понятиям немцев, доме жил и работал с 1940 по 1990, до кончины, театральный критик Фридрих Люфт, прозванный Голосом Критики. Позднее в здании по соседству устроили библиотеку.

Старые деревья у ограды и по бокам от дорожки к крыльцу. В читальном зале нужного лица не оказалось, и Вячеслав Никитич прошёл на террасу, окаймлённую кустами. У дальней стороны сидел в кресле Вольфганг Тик, вытянув ноги, обутые в сандалии, и читал рукопись. На нём была футболка, светлые с мало различимой сединой волосы собраны в пучок на затылке. Слотов приблизился, читавший приподнял голову: длинный нос, на впалых щеках – по вертикальной морщине; он смотрел поверх очков без досады, какую опасался встретить приятель.

- У тебя, я понимаю, ко мне разговор? – после приветствия промолвил Тик.

- Тут есть книги эмигрантов, какие-то Бог весть как попали сюда из-за океана. Мне надо подзаняться, – Вячеслав Никитич на миг повернул голову к залу, после чего

обезоруживающе непринуждённо польстил: – Ну, а с тобой поговорить всегда полезно. Вольфганг уставился в рукопись. «Скрываешь удовольствие», – подумал приятель. Сказав «с твоего позволения», он сходил за стоявшим неподалёку плетёным креслом и сел подле Тика.

- Читай-читай – не буду мешать! – Слотов упреждающе поднял руку, когда тот собрался заговорить, и принялся перелистывать записную книжку.

Тик, однако, осведомился, чем вызван интерес к эмигрантским изданиям. Приятель мысленно хмыкнул: почему бы и в его голове не созреть замыслу, достойному внимания?

- Я взялся за роман, – начал он. – Герой принадлежит к нашему с тобой поколению, но родился на Западе. Отец – русский, выросший в буржуазной Латвии. Когда в сороковом в неё вошла РККА, он бежал в Швецию. Дельный, способный мужик, он поездил по свету, не желая ввязываться в гремевшую тогда войну. Она окончилась, он встретил русскую, которая во время войны оказалась в Германии и сумела остаться на Западе. Их сын младенцем слышит русскую колыбельную. Всё его детство окрашивают разговоры родителей о России. Они мечтали, что она станет такой, в какую можно будет вернуться, – произнёс Вячеслав Никитич не без пафоса.

На лице Тика отразилась ирония, но с замечанием он не поспешил, и приятель продолжил. Его герой, став образованным человеком, углублённо размышляет о судьбе исторической родины, ему интересны воззрения, раздумья других эмигрантов, и он следит за русской прессой и литературой Зарубежья, находит издания разных времён, выходявшие в разных частях света.

- Я попытаюсь по-своему рассказать, как вырабатывается оптимистический взгляд на будущее России, – пояснил Слотов собрату по перу, давая, таким образом, понять: у тебя – твоё творение, у меня – моё. Он действовал, как некогда действовали осаждавшие крепость, воздвигая напротив крепостной стены собственное сооружение. В него полетел первый камень из пращи.

Тик проговорил дружелюбно, почти спрятав снисходительность:

- Ближе к истине – взгляды людей, которые живут в России, а не оторваны от неё...

- Извини меня за банальность – большое видится на расстоянии, – возразил Вячеслав Никитич. – Россияне слишком зависимы от злобы дня, и если кто не махнул рукой на то, что будет завтра, впадают в иную крайность: тешат себя сном о чудесном возрождении. Чудо не явится, но надежды на оздоровление обоснованы. Зная Россию, россияне недостаточно знают другие страны, чья история сопоставима с русской. В Аргентине красные появились задолго до нашего Октября, залили страну кровью, почти развалили, царила грабильность, людей убивали, если в их одежде не было чего-либо красного... – Слотов замолчал, словно спохватившись, что сие слушателю известно.

Тик сказал: здесь есть книга очерков, изданная в Буэнос-Айресе.

- Я как раз хотел посмотреть. О сюжете заболтался... – виновато сказал Вячеслав Никитич. Его вид меж тем показывал, что он не спешит лишать коллегу своего общества.

Тик раздумывал, как ещё отозваться о замысле Слотова, не слишком его обидев. Тот вывел приятеля из затруднения, спросив, а какие ему помогают источники? Эту библиотеку, напомнил Тик, облюбовали германские леваки, в частности, анархо-синдикалисты. Была пора, когда они отправлялись в Россию и, случалось, привозили литературу, каковая не воспроизведена в интернете.

- Я здесь нашёл книжечку, кое-что в ней ксерокопировал... – доверительно поведал писатель. – Статья озаглавлена «Абортированный Распутин».

Лицо Слотова выразило: «О-о?!»

- Сходство – невероятный скачок ввысь. Ну, а причастие объясняет несходство в остальном... – пристально смотревшие глаза Тика на миг повеселели.

- Разница, что ни говори, – заметил тоном согласия Вячеслав Никитич. У него было выражение человека, который понимает больше, чем слышит.

Твой герой, сказал Вольфганг, в своих исканиях отвлекается от сегодняшнего момента.

А если проследить путь того, кто у руля ныне? Кое-что оказывается под знаком вопроса.

- Ты уже говорил, – обронил Слотов без любопытства.

Повисла пауза. Дело, поглотившее Тика, упрямо заявляло о себе. Он, словно принуждённо, произнёс:

- Мы с ним появились на свет осенью пятьдесят второго, с разрывом в пять дней.

Родители назвали меня Вольфгангом, так сказать, для себя – записали Владимиром.

Тёзка, – сделал ударение Тик, – родился ленинградцем, я им стал шести лет. Родители захлопотались с переездом, устройством, и в школу я пошёл почти в восемь: как и он.

В шестидесятом году.

- В ту же школу?

- Нет. Мы жили в разных районах.

Слотов знал по прежним рассказам Тика: его отец был физиком, весьма ценным специалистом. Во время войны его как немца депортировали, он оказался в некой шарашке в Челябинске, где отличился. За него ходатайствовали видные учёные. В пятидесятые он стал настолько нужен, что его, несмотря на национальность, перевели в Ленинград. Это было редкое исключение.

Сейчас Слотов услышал подробности о семье. Ей выделили квартиру в новом доме.

Тесную хрущёвку, но отдельную: две комнаты на троих. Тёзка, его отец и мать жили в коммуналке, в одной комнате. Мать Вольфганга стала сотрудником научного журнала.

- Не сочти, что я дешёво злословлю, – промолвил Тик озабоченно, со строгим выражением глаз. – Я называю факт, принципиально важный для дальнейшего... Кто была его мать? Санитарка, позже – уборщица.

Вячеслав Никитич вспомнил, что в своё время отметил это в биографии малоизвестного ещё человека. Приятель повторил, что не насмехается, и произнёс медленно, взвешивая каждое слово:

- Отец – охранник на заводе, потом слесарь, мать не стала никем, кроме как уборщицей. Представь уровень интересов, разговоров в этой семье. Немудрено, что мой тёзка учился не блестяще.

Слотов глядел поощряюще внимательно. Тик приподнял рукопись, под которой на его коленях лежала папка, и раскрыл её, говоря: у него имеются вырезки из газет начала 2000 года; выборы ещё не состоялись, журналисты пока не почувствовали рамки, за которые не стоит выходить. «Посмотри», – протянул вырезку из газеты «Шанс» за 2 февраля. Петербургские журналисты Роман Попов и Станислав Пылёв рассказали, что их герой окончил школу номер 281, куда пришёл после восьмилетки, с тройками по физике, химии, алгебре, геометрии. А какую оценку он получил за сочинение? Что ему поставили на экзаменах по истории, русскому языку? Учителя не могли вспомнить, а на просьбу показать книгу выдачи аттестатов последовал отказ. Директор школы сказала, что была рекомендация этого не делать. Вопрос «от кого?» оставила без ответа.

- Согласись, – проговорил Вольфганг, – что если бы в аттестате у моего тёзки по названным предметам стояли пятёрки, книгу бы показали.

Вячеслав Никитич выразил улыбкой, что вполне разделяет это мнение. Тик, всем видом подчёркивая, что подступает к важному пункту, произнёс:

- И я и он получили аттестаты летом семидесятого. К тому времени у меня с год как была брошюра об условиях поступления в вузы страны. Я выбрал ещё прежде журналистику, но иной раз западали мысли и о другом поприще. Короче, я пережевал всё, что касалось и философского факультета, и юрфака. На философский, как и на факультет журналистики, принимались предпочтительно лица со стажем работы два года.

- Да, о журналистике – точно! – подтвердил Слотов. – Я всё сдал на «отлично», а стажников и тех, кто после армии, приняли с четвёрками.

- Ну, а на юрфак принимали только имеющих стаж не менее двух лет или отслуживших в армии, – сказал Тик. Поступив на факультет журналистики ЛГУ, он, бывало, общался и со студентами юрфака. Указанное в брошюре подтверждалось: они пришли на юридический не со школьной скамьи. – Так как же так мой тёзка шагнул туда прямо из

школы? Почему у него приняли заявление, документы?

Слотов, перед которым приоткрыли щёлку, кое-что, казалось ему, разглядел. Он притворился, будто размышляет, затем осторожно заметил:

- Были исключения. У нас в Риге, например...

Собеседник словно услышал то, что и хотел услышать.

- Были везде. Блат, взятка... Но откуда у этой семьи сумма на взятку? Копили?! С какой стати эти папа и мама воспылали идеей, что сын-троечник должен поступать именно на юрфак, да ещё на отделение международного права? Сколько деток из непростых семей метило туда! Конкурс там устрашал. В семидесятом было сорок человек на место. Убедись, – коллега показал ещё одну вырезку: публикацию Андрея Спирина в «Новой газете», в номере за 17-20 февраля 2000 года.

- У нас было восемь, – вставил Слотов, дабы не сидеть молчком.

- У нас – десять, – сообщил Тик и вновь обратился к исходному: – Допустим, мы забыли о необходимом двухлетнем стаже. Но тогда опять же вопрос. Он написал сочинение, сдал устные экзамены по русскому, истории, немецкому на «отлично». А до того в школе? Там, как видно, на оценки поспешили – а с чего в университете расщедрились?

- Подтянулся за пять-шесть недель! – насмешливо восхитился Вячеслав Никитич.

- Будь уверен, многие скажут: а почему нет? При таком конкурсе на такое престижное отделение все места заранее распределены меж блатниками. Ему просто не поставили бы одни «отлично». Только и дел: разок черкнуть не «отлично», а «хорошо». Слотов хотел заметить, что жил не на Марсе, но приятель опередил его:

- Я не тебе, – он указывал глазами на рукопись, которую придерживал рукой на коленях. – Я задаю вопрос тем, кто не думает над очевидным. – Так вот, – продолжил Тик с ноткой нетерпения, – каким же образом он прошёл на юрфак?

Вячеслав Никитич уже догадался, однако изрёк иное предположение:

- Родство...

«Ответом была улыбка превосходства», – сказал он мысленно. А Тик не улыбался.

- Влиятельные люди из соображений престижа не допустят, чтобы родственница выносила горшки и мыла полы. Её сделали бы, по крайней мере, сестрой-хозяйкой, и она выдавала бы бельё.

- Ты всё учёл! – как бы приятно изумился Слотов.

Приятель, сосредоточенный на самом важном, сказал:

- Покровителя интересовал только мой тёзка.

- Вот ты о чём... – пробормотал Вячеслав Никитич, словно в растерянности от того, что проник в тайну нехорошего свойства.

Память из своих запасов подбросила о подобном. На крупном рижском предприятии комитет профсоюза возглавил необыкновенно молодой человек. Слотову поведали по секрету: паренёк, работавший инструментальщиком, попался на глаза большому начальнику и возбудил в этом мужчине участие. Чуткие ладони приняли птичку, посадили высоко на ветвь... Помнились примеры и из жизни творческой среды. Не только юные поэтессы удостаивались расположения влиятельных лиц. Автора книжицы стихов, не успела она выйти, приняли в Союз писателей, куда не так просто было попасть и соискателям с двумя книгами. Поэт был сотрудником многотиражки, а тут его назначили ответственным секретарём литературного журнала. Распоряжение исходило от персоны из ЦК, и те, кто знал об этом, лишь многозначительным взглядом выражали отношение к причине.

Вольфганг Тик несколько отстранённо, как человек, который следит за порядком своих мыслей, промолвил:

- Но как произошла встреча? С подачи. С чьей? Он ходил в школу высшего спортивного мастерства на Каменном острове...

Слотову подумалось о весе знания...

В эту ночь он поставил будильник на полчетвёртого. Поднявшись, сел за компьютер; когда отчёт был готов, послал депешку по электронному адресу, полученному у Бортникова: «Заказанное вами имеется. Куда и когда доставить?» Прихватил дискету на службу, полагая, что Николай Сергеевич не замедлит со звонком, и не ошибся. Передача товара состоялась у места парковки машин, когда завершился рабочий день. Бортников попросил прощения, что на сей раз другие дела не позволяют ему отвезти Слотова домой. Тот направил стопы к автобусной остановке.

Вячеслав Никитич пребывал под впечатлением вчерашнего разговора с Тиком. «Серьёзно, однако», – отдавал он приятелю должное (без большой охоты) и был не в силах расстаться с мыслями о нём. Тот, если сравнить их пути в литературе, поначалу довольно-таки отставал. Во времена Брежнева его рассказы от случая к случаю печатали только журнал «Аврора» и разве что ленинградская вечорка. Тик упирал на причину – национальность! Вячеслав Никитич однажды спросил: почему ты в то время не уехал? немцев выпускали. «Не так просто! Надо было добиваться, выдержать давление», – ответил Вольфганг. И родители круто возражали против его мысли об отъезде. Довольные тем, как сложилась их жизнь в Ленинграде, они вдарялись в панику, представляя, какие неприятности навлечёт на них сын. Без их согласия его не выпустили бы, поскольку по закону родители в старости имели право требовать помощи от детей.

Вольфганг Тик переехал в Германию уже после развала империи, будучи автором почти бестселлера «Расписной лёд». Второй книгой, выпущенной российским издательством, стал сборник повестей и рассказов о людской доле в конце двадцатых, в тридцатые годы. Как и положено, писатель-немец поведал о страданиях немцев. Но, плюс немаловажный, не только им посвятил он свои произведения. Лучшим Слотов считал рассказ «Глаза паяца» (обыгрывалась строка Игоря Северянина «гримаса боли в глазах паяца...»). В цирке одного из приволжских городов был клоун: и без грима – типичный Иванушка Дурачок. Белесые кудри, нос картошкой, веснушки. В 1933-м, когда Поволжью так доставалось от голода, вызванного коллективизацией, клоун появился перед публикой – обвешанный муляжами сырных голов, окороков, колбас, с большущим караваем в руках. Зрители застыли. А человек со своими припасами снеди лениво разгуливал по арене. Иногда он останавливался, почёсывал ногой ногу. Наконец кто-то крикнул: «А чо молчишь-то?» Клоун повернулся к публике, поднял над головой каравай: «А чо мне не молчать? Я сытый! А вот вы чего молчите?!» Арестовали его не сразу. Забрали на допрос за полчаса до начала представления, поутру отпустили. В другой раз он не вернулся. Расстреляли его в сибирском лагере в тридцать восьмом году, отбывшего на лесоповале пять лет.

Тик продолжал писать о спортсменах и протекционизме, рассказывал о влечении советской золотой молодёжи к «звездам». Сын Сталина Василий, его фавориты и фаворитки. Истории времён Хрущёва. Боксёра девятнадцати лет, чемпиона Олимпийских игр, «подставили», и он за чужую вину заплатил лучшими годами, проведя их в зоне (намёк на судьбу некогда знаменитого футболиста Эдуарда Стрельцова).

Обвинение деспотизму выносила драма Тика «Московское время в Багио». Пьеса отображала остроту и густую политическую окраску событий, вошедших в историю как матч между Виктором Корчным и Анатолием Карповым за титул чемпиона мира по шахматам. 1979 год, Карпов прилетел на Филиппины в город Багио с невиданно многочисленной командой помощников, куда были включены лучшие шахматисты СССР. Карпов – ставленник партийной верхушки, член ЦК ВЛКСМ, а Корчной – отщепенец, обосновавшийся в Швейцарии. Москва не стеснялась в средствах ради того, чтобы титул достался Карпову... Пьесу перевели на немецкий для театра, который с дней своего основания в ГДР носил имя Горького. Gorki-Theater – это и ныне звучит внушительно. По мнению критиков, спектакль не умалил его славу.

Таким образом, Тик, живя в Германии, доставал плод за плодом с дерева успеха.

Повезло в первый же год и устроиться по специальности. Он работал на радио Берлина в русской редакции программы, которая представляла многообразие культур. А как обстояло с семейным благополучием? Слотов знал, что Вольфганг переехал с женой и дочерью. Дочь сумела подтвердить диплом врача и была принята на работу в больницу. О жене Тик благодушно упомянул раза два. Вячеслав Никитич не сомневался – приятель не чуждается интрижек. Но истинно дорого для него только то, что можно воплотить в творения, которые покоряли бы публику. Мысли о Тике неотрывны от образа: в кресле – облачённый в футболку человек с располагающим к доверию лицом идеалиста. Он преподал концепцию, которую невозможно поколебать, – если отказаться от помощи лжи, искажений. «Каким образом он прошёл на юрфак?» – вопрос-копё. И слова Тика о спортивной школе: «Подобные заведения ещё в древней Элладе влекли страждущих. Где так полно открывался глазу цвет юности и кому-то суждено было стать утончённо любимым?» Его героя, сказал Вольфганг, в спортшколе приобщили к любви, а затем дали отзыв о нём заинтересованному мужчине, обладавшему властью...

Так и было, понимал Вячеслав Никитич, внутренне сопротивляясь. Никак не хотелось признаться себе в зависти к Тику. Я не вглядывался в эту биографию, мысленно говорил Слотов, иначе, конечно же, поставил бы рядом: отец, мать, посредственные оценки и – приём на элитарное отделение. Тут уж я как-нибудь увидел бы то, что уяснил Тик, чьё обострённое внимание к герою имело свои истоки: тёзка, ровесник, оба выросли в Ленинграде, в одно лето поступили в ЛГУ.

За разговором Слотов спросил приятеля: в университете тот, конечно, встречал тёзку? «По делу – не доводилось. А мимоходом наверняка видел не раз, но не запомнил», – сказал Вольфганг с видом просящего прощения.

Кто-то другой непременно наврал бы про личное знакомство, выдумал бы подробности. Но Тик хочет быть чист, дабы ничем не подпортить игру. «Игру – не подходит! – оборвал себя Вячеслав Никитич в чувстве, что он не мелочен и справедлив. – Тик просто делает дело». Можно бы добавить: основательно, на совесть. А играть... хм, на то нужен дар особенный. «Работы хватает?» – сочувственно спросил ты вчера. «Основное позади», – выразил облегчение Вольфганг. Твой вопрос: кто был покровитель? «Вот это и осталось внести, имеются несколько кандидатур. Я жду...» – писатель умолк. «Информации из Петербурга», – не стоила тяжких усилий догадка. Держим её при себе, переключаем любопытство на иное: род, жанр вещи? «Беллетризованная зарисовка». – «Звучит довольно скромно», – сказал ты и изумлённо и с хитрецей: ай, мол, прибеждаемся!.. Как назвал? «Избранник лукавой улыбки, – ответил приятель и, словно неудовлетворённый, добавил: – пока так». Улыбка в названии, сколько раз было! – мысленно посмаковать насмешку и, с внушительной уверенностью: «Лукавой – это глубоко!» В душе Тика запела струна. Конкретное имя хорошо для книги, будто подумал он вслух, а для пьесы... «Ты и пьесу хочешь написать?» Он работал параллельно и уже написал, её переводят на немецкий – услышал Слотов. «То-то ты кудахчешь, как курица, снёсшая яйцо!» – мысль помогла ощутить превосходство над удачливым писателем и драматургом, который не подозревает об играющей им неотразимо умной воле.

Из-за позднего часа беседу о пьесе отложили до другой встречи. Размышляя о себе и Тике, Слотов ставил рядом: Вольфганг-студент и КГБ. Что-то было? Не похоже. Память осталась бы клеймёной, а при клеймёной памяти так не разговоришься. Напротив, в то прежнее время Тик держал язык на привязи: немец доказывал свой советский патриотизм. Он и мысленно не дерзал, и его не цепляли. Твоя жизнь оказалась богаче его жизни, говорил себе Слотов, – Тик умещается в круге твоего «я», и остаётся зазор...

Отчёт должен если и не вызвать фурор, произвести впечатление... займутся дискетой до понедельника? Придя домой, Вячеслав Никитич предупредил Марту: завтра ему снова в библиотеку – и уже не думал ни о ком, кроме как об ожидающей его Ульяне. Настроение слегка отравляло то, что она, по-видимому, ублажается чувством превосходства над ним, какое ему самому доставлял Тик. Потянуло ей доказать: он

отличается от всех прочих и она для него – страничка читаемая.

* * *

И в эту субботу погода не хмурилась, белые облака ненадолго прикрывали солнце. Вячеславу Никитичу хотелось пить, но он решил, что из прихоти откажется от соблазнительного ледяного мартини. Ульяна в длинном халате цвета незрелого яблока, талия перехвачена пояском, выразила радость при виде букета, пошла поставить его в воду. Гость сказал вслед:

- Ты только из ванны?

- Понезжилась! – ответила она шутливо-жеманным тоном. – Разоспалась, повалялась – и в ванну.

Он не подхватил игриво-возбуждающую манеру прелюдии. Когда Ульяна, как в прошлый раз, появилась в комнате с подносом, сидевший на диване Слотов пронизал её ироническим взглядом, который должен был вызвать вопрос: «Что ты на меня так смотришь?» Она, казалось, увидела иное.

- Подкрепись сначала, – сказала с капризным упрёком, кивнула на закуски на столике и устроилась в кресле напротив гостя, положив ногу на ногу.

Пола халата обрисовала бедро. Вячеслав Никитич остро ощутил всю прелесть этой женщины. Босая стопочка с покрытыми розовым лаком ногтями, обнажённая шея, лицо исполнено какой-то особенной чувственной откровенности. Память оголяла познанное тело: позы одна, другая... Ему едва удавалось (если удавалось) прятать в себе отчаянное: «Бесовски хороша!»

Он стиснул зубы, принялся откупоривать принесённую с собой бутылку Chianti Rubinello. Ульяна качнула головой, чтобы он не наливал ей:

- Я – мартини.

Слотов взял из вазы банан, стал очищать. «Пора бы меня спросить – встретился я с тем человеком из посольства?» Он выпил вина, она сделала глоток мартини и спросила:

- Когда представишь меня литераторам?

Он сказал о назначенном дне. Размножил её текст? Конечно, как обещал; и дал по экземпляру Фуршету и Стрепетовой. Оба охают? Надеюсь, нет. Ты руководишь обществом «Беседа», это для них кое-что значит. Ну и Фуршет стелется перед красивыми женщинами. Разве только будет в раздражении, что ты уже под опекой. Строй ему глазки... Перебьётся! – отрезала она. Затем мило призналась в слабости:

- Хочется послушаться добрых слов о рассказе...

Голос, выражение, какие вызывают у мужчин рьяный порыв предложить защиту. Вячеслав Никитич, однако, проявил глухоту.

- Как творчество затягивает! – подпустил подковырку. – Мнения знать, вообще знать... надо так надо...

Ульяна держала стакан у губ, глядя на свою ступню и чуть шевеля её пальцами.

- Тебе же не всё равно, что говорят о твоих произведениях... – она явно намекала на то, как расхваливала его рассказ о студенте, самоотверженной девушке и сопернике-негодяе.

- Я о другом, – с настойчивостью произнёс Вячеслав Никитич.

Она расслабленно потягивала мартини, и Слотов, сладенько хихикнув, промолвил:

- У женщин бывают неженские тайны...

Ульяна помолчала и с видом доверия и испуга, словно решившись открыть неприличное, сказала:

- Я волнуюсь. Обольют помоями – с противным осадком в отпуск ехать...

- Ты в отпуск? – вырвалось у Слотова бестолково-тоскливо.

Он был сосредоточен на ведении своей атаки, предусмотрел возможные ответы Ульяны, но только не известие о её скором отъезде. Она выказала изумление и даже некоторую обиду: отчего для него невероятно, что она уходит в отпуск?.. Он потупился

и спросил: когда? Через неделю. И куда же? В Россию, навещу родных... Ты, сказала она, свой отгулял уже? «Не весь», – Вячеслав Никитич использовал в марте половину положенного шестинедельного отпуска, остальное отложил на октябрь, планируя с женой отправиться в Тунис. Но толковать об этом было неуместно. Он серчал на себя из-за своих намёков на секретную работу Ульяны. «Прекрасно поняла, что я знаю», – мысль сменилась мыслью о её покорном терпении. То, что он несколько недель не будет видеть её, обернулось приливом восхищения ею: сколько в ней такта, обаяния! Он растроганно начал: брось волноваться, если кто-то что-то брякнет – наплевать! Подлинный авторитет только у Вольфганга Тика, а слово Тика – я чувствую! – будет благожелательно. Моё выступление и его, а я остановлюсь на том, о чём уже говорил тебе: тональность, детали... новелла удалась! Он участливо уверял Ульяну: всем придётся осознать, что к ней следует относиться как к молодому засиявшему дарованию.

Она шало и небрежно кинула руку к бутылке, налила гостю, едва не расплёскивая, стакан вина. Слотов повёл себя в том же духе: с заливчатским видом, польщённо улыбаясь, опорожнил полстакана. Ульяна посмотрела ему в глаза с некой красноречивой прямоотой, затем слегка опустила голову. Встав с кресла, повернулась к приоткрытой двери спальни. Он заставил себя не вскочить, а потерпеть с полминуты и тихо подняться с дивана. Она с ленцой прошла в спальню, не оборачивается, слева от неё кровать, покрытая простынёй.

Вячеслав Никитич, вдохновенно представляя себя юношей, для которого всё внове, снял с женщины халат. Бюстгальтер отсутствовал, на ней лишь string – кружевные, чёрные. Он, позади неё, принялся освобождаться от одежды. Ульяна непринуждённо потянулась, прогибая спину, плавно раскинув руки, левую завела назад и положила ладонь на ягодицу. Слотов проклял себя за то, что ещё не совсем разделся. Наконец-то нагой, повлёк с неё трусики – она снова натянула их, улеглась на кровать и стала болтать ногами в воздухе. Это была ребячливая девчонка в потрясно обольстительной наивной забаве. До чего же долго не встречал он женщину, в какой открывалась бы такая первозданная непосредственность! Стоя коленями на постели, он сдёргивал с Ульяны тугие string – они ползли к её коленкам...

- И вот и-и... – обрывая фразу смешком, она восклицала: – Нет! – и вновь оказывалась в трусишках.

В эти минуты было ли что-то, чего бы он не взял на себя – захоти только Ульяна? Вся она – безоглядная радость проделки! Номер исполнен в четвёртый, в пятый раз.

- И вот и-и... – залилась смехом и вдруг выдала: – Да-а! – грудным страстно-сдавленным голосом. Отрывистое «Да-а!» – как будто разжалась пружина.

Влажный полуоткрытый рот, в распахнутых глазах – неистовство бесенят. Слотова объяло самоощущение детскости: лишь ребёнок, в ком инстинкт разжёт мучение узнать, мог быть в таком дразнящем восторге от женщины.

Острое единоборство и безупречная слаженность, лодка, подгоняемая ударами весла, стремится по порожистой речке... Любовный хмель в его полуденный миг.

Игра сладко выпила телесные силы – заиграли образы. Уйдя от Ульяны в окрыляющем чувстве – она вправду довольна им! – Вячеслав Никитич радовал себя мыслями о своём даре испытывать утончённые переживания. Он улавливает в поведении женщины в постели то разнообразное и изысканно прелестное, что не способен воспринять мужчина толпы.

Гордость ублажалась и размышлением, как он показал этой неглупой (и даже очень!) бабе: его ей не провести. Она отказалась от попытки хлопнуть перед ним глазками: «Ну, тебе звонил этот, из посольства?» Сдалась! Молчанием по сему пункту обнаружила, что знает о контакте. Впрочем – пришло соображение – спроси я её прямо, почему она не заикнётся о человеке, вполне могла бы ответить: а он мне сказал, что вы встретились (сказал как куратор общества «Беседа»).

Бортников дал о себе знать телефонным звонком в понедельник. Вячеслав Никитич, пообедав, возвращался в свой кабинет, когда просигналил мобильник. «В семь вечера на Потсдамер Платц...» – далее прозвучало название кафе: Variano.

Он сел за выставленный на тротуар столик, заказал бокал пива и успел сделать большой, такой желанный в душный вечер глоток, как в дюжине метров прокатил по дороге серо-сиреневый audi quattro и остановился невдалеке. Из него вылез Бортников, обернулся и, найдя взглядом Слотова, исчез в машине. Тот рассчитался за пиво, поспешно допил его. Спустя пять минут, сидя в авто, после обоюдных «Здравствуйте!» услышал:

- Вашей информации придано немаловажное значение.

Вячеслав Никитич смолчал, стараясь не выдать удовлетворение. Его спутник сказал доверительно и так, точно просил согласия:

- Мы немного проедем и там обсудим задачу...

Он вырулил на Бен-Гурион-штрассе, затем audi обогнул статую Ники, воздвигнутую во славу побед Пруссии над Австрией и Францией в девятнадцатом веке. Вячеслав Никитич, чувствуя себя человеком, в котором весьма нуждаются, испытывая подъём тонуса, спросил:

- Что вы думаете о догадках Тика... – и добавил найденное слово, произнеся его со вкусом: – о раскопках?..

Машина приближалась к мосту Лютера через Шпрее. Николай Сергеевич ответил односложно:

- Вред для России.

- Но как опровергнуть Тика? – привязался Словов. – Чем объяснить чудесное поступление на юрфак?

Бортников, ведя авто, сказал с лёгкой досадой на то, что его отвлекают:

- Я не жил тогда, и нужно специально заниматься... это не наша с вами задача. Нам бы с нашей справиться.

Оставив позади мост, проехали под эстакадой железной дороги, водитель свернул вправо на Люнебургер штрассе. Audi встал у кирпичной стены эстакады, слева над оградой возвышалось фабричное или складское строение. Место довольно глухое. Бортников, как уже было, достал с заднего сиденья кейс и начал с задушевностью, будто о визите к больному, который дорог обоим:

- Пожалуйста, пожалуйста ему, что у вас неважно с творческим настроением и вам необходимы его моральная поддержка, советы... Пусть потом на себя он сам переключится...

- Постараюсь исполнить, – с иронией ответил Вячеслав Никитич, добавив мысленно: «Поучи ещё меня нос вытирать!»

Спутник показал, что тон Слотова его не обидел.

- Я перечитываю ваши произведения и убеждаюсь: вы – литератор большого таланта! – прочувствованно произнёс молодой человек, и Вячеслав Никитич взял вид кроткого достоинства, притворившись, будто принял похвалу за чистую монету.

Бортников продолжил:

- У вас не может быть творческих неудач, но я... – он выразил неловкость голосом и робкой улыбкой, – ради дела прошу вас наговорить на себя...

- Опасаетесь – мне самолюбие помешает? – бросил Вячеслав Никитич и как бы не удержал хохотка.

Оба рассмеялись, словно преисполненные тепла друг к другу. Николай Сергеевич поднял крышку кейса, извлёк из него небольшой пластиковый пакет, из которого, в свою очередь, вынул продолговатую коробочку из пластмассы и металла – MP3 player по виду.

- Похолодания не обещают – значит, вы будете без пиджака. Кладёте в карман брюк... Словов взял прибор и, вспоминая, проговорил с выражением приятного раздумья: никаких проводов, карманы дырявить не надо... Хотелось поболтать о первом деле

(объяснимая возрастом сентиментальность?) Поведал о средстве, каковым его когда-то снарядил Борис Андреевич. Возня с проводами... «Но это было для того времени высокое достижение, – поддержал спутник беседу и показал профессиональную эрудицию, – резьбовое крепление разъёмов, провода подсоединялись надёжно!» Слов, точно приветствуя услышанное, кивнул и добавил: ленты хватало на пять часов... Бортников поправил: в том-то и новшество было, что запись шла уже не на ленту, а на специальную очень тонкую проволоку. «Вы изучали историю предмета, а мне никто не объяснял», – в искренности вздохнул Вячеслав Никитич. Он питал обоснованное любопытство к технике подобного рода и, благодаря литературе, отчасти удовлетворял его. Держа прибор в руке, спросил: «Здесь запись на микрочип?» Собеседник не возразил.

- Перед встречей включите – и говорите хоть до утра.

Слов, в такт обоюдно свойскому настрою, позволил себе сказать с несерьёзным видом: он слышал, средства нынче таковы, что служба может выйти на мобильник, который имеет при себе объект, и разговоры будут передаваться... Николай Сергеевич растянул губы в улыбке, но она не тронула глаз.

- Фантастичность техники порой заменяет жизнь фантастикой, – произнёс он.

У Слотова невольно вырвалось:

- Это... ваше изречение?

- У кого-то прочитал. Я думал, вы знаете.

Вячеславу Никитичу пришлось как бы не услышать. Представления о молодом человеке несколько изменились в пользу последнего. Тот вновь открыл кейс, из которого на сей раз были извлечены лист бумаги и синий незаклеенный конверт, откуда Бортников вынул, а затем вложил обратно две купюры достоинством в десять и в двадцать евро. Слов, освежая традицию, что прервалась полтора десятка лет назад, написал расписку. Николай Сергеевич приступил к инструктажу:

- Пригласите его в бар или в кафе... Нужно, чтобы он как можно больше сказал: к кому обращался в связи с этой самой своей работой, кому её показывал, кому о ней говорил. Где планирует опубликовать? Проявлен ли интерес германских издателей? Кто в немецком театре задействован?

Слушая, Вячеслав Никитич приберегал задумку: как встретиться с Тиком, не наводя его на подозрения. Бортников любезно подвёз домой. Уединившись в спальне, Слов сел в кресло и взял телефонную трубку. Разговор с Вольфгангом начал с извинений. В голосе было замешательство: «У меня нечто такого характера... очень личное...» Тик спросил, может ли он чем-то помочь. «Можешь!» – с надеждой выдохнул Вячеслав Никитич.

Они договорились увидеться завтра вечером в Английском саду у озера, неподалёку от Академии искусств.

* * *

Ему захотелось свернуть с дорожки и подойти к озеру по подстриженной траве; несколько уток, подплыв, взошли на берег: не угостишь? С ветви голубой ели, росшей на островке, наблюдала ворона. У другого берега пышно зеленел камыш, на пологом склоне полулежала, куря сигарету, женщина в брюках, подальше молодая мама склонилась над детской коляской. Пора было обернуться. Долговязая фигура Вольфганга показалась на дорожке позади прогуливающейся пожилой пары. Встретив Тика взглядом, выразившим симпатию и просьбу, Слов сказал грубо-искренне:

- Забрало меня не на шутку! Я... с Ульяной...

Приятель дружелюбно молчал, будто говоря: «Бывает». Чуть сутуловатый, он был выше Слотова.

- Каюсь, но как бы я мог ей не сказать: у тебя искра Божья! дебют что надо... – возбуждённо оправдывался Вячеслав Никитич.

- Итак, мы во власти... – благодушно промолвил Тик. – Думаешь, для меня это оставалось тайной, когда ты мне дал её текст и потом звонил?

Слотов поглядел себе под ноги, вскинул голову и измотанно попросил:

- Пойдём обостримся...

Оба бывали в кафе Академии искусств и теперь направились туда. Вячеслав Никитич довершил признание: он не заблуждается насчёт творческого дара Ульяны. Но что до того, коли... – и смолк, словно предлагая приятелю ухмыльнуться. Тот ограничился оттенком усмешки:

- Когда заправляешь обществом «Беседа» и писатели – свои люди, – естественно, проймёт искушение и самой побаловаться.

Они тропкой вышли из Английского сада: перед ними за деревьями поднималось острым углом одно из строений комплекса, в котором располагалась Академия искусств. Вокруг было тихо: лужайка вблизи, дома среди зелени. Приятели, переминая косточки знакомым графоманам, обогнули здание и уселись за столом на воздухе у входа в кафе, где широкий выбор заокеанских вин намекал на дух снобизма. Слотов спросил, что Вольфгангу больше по вкусу: продукт Калифорнии, Аргентины или Австралии? Услышал: решай сам.

Ассоциация русских литераторов вновь стала темой разговора, но Вячеслав Никитич внёс в него доброжелательность, щедро раздавал похвалы, называя одного, другого, третьего автора... После того как кельнер принёс бутылку красного австралийского и было сделано по паре глотков, Слотов в настроении чуткой мягкости произнёс имя Ульяны.

- Она прямо как ребёнок, который о чём-то возмечтал, и если не получит... трагедия для него! – отчаянно-горестно глядя на Тика, он долил вина ему и себе. – Понимаешь, я её уверил: у неё отлично получилось и об этом не один я заявлю на обсуждении...

- У тебя с ней уже?.. – Вольфганг оказался не лишён известного любопытства.

«Да», – взглядом ответил Вячеслав Никитич и произнёс страдальчески: она ждёт радости, и если не... Замерев на вдохе, прочёл в глазах Тика, заинтригованно блеснувших: «То не даст больше?»

Выпили, и Вольфганг, словно глубоко задумываясь, сказал: похоже на кабернэ...

Слотов как человек, движимый одной заботой, гнул своё, не отвлекаясь: ты знаешь, что на неё набросятся... Она будет травмирована, я безнадежно проиграю в её мнении. Тик съел ломтик баранины, поджаренной на гриле.

- Написала-то она серятину.

В лице, голосе приятеля отобразился нахлёт переживания: ты же не в печати выступишь, это реально не скажется на твоём авторитете, останется лишь впечатление твоей рыцарской галантности!.. Вольфганг взглянул из-под набрякших век. У него, пробормотал, есть какое-то самоуважение, в конце концов. «Тогда мне хоть из Берлина беги... на обсуждение, уж конечно, не пойду...» – беспомощно-тоскливо вымолвил Слотов. Тик принял вид усталости и иронического смирения. Ну-с, что требуется от него?

Коллега, казалось, сейчас протянет к нему руки:

- Сказать лишь, что у вещи – свои достоинства, дарование налицо! поздравить с успехом...

- Хватит! Я не собираюсь представлять трепачом, – обидчиво заметил Вольфганг.

Приятель, словно в радости единодушия, воскликнул: никаких пустых похвал! скажи только то, что я привёл для примера, и больше ничего не нужно, твоё слово достаточно много значит... до чего же я тебе обязан! – Слотов, как бы снимая патетику и в облегчении шутя, выразительно перевёл дух. – Спасибо тебе! – поднял рюмку и побудил к тому Тика.

Затем настал черёд подготовленного манёвра. Вячеслав Никитич извинился: ему надо отлучиться. Он не желал, чтобы его излияния об Ульяне были увековечены, и лишь сейчас, посетив туалет, включил запись. Вернувшись за столик, воодушевленно изображал признательность Тику за помощь, будто уже ставшую фактом.

В небе ещё разливается свет, но воздух над лужайкой, которая видна с площадки перед кафе, уже по-вечернему голубоват. За столиком двое, мужчина, чьи длинные волосы собраны на затылке в пучок, скучновато внимает собеседнику. Тот в пылу благодарности словно бы ищет, чем обласкать слух приятеля.

- Может, не тот момент и ты не так поймёшь, но... твоя работа меня поразила!

У Вольфганга Тика на миг приподнялась бровь, мелькнуло выражение дружелюбного скепсиса: ты мне льстишь, дабы я сделал для тебя то, чего, собственно, не обещал. Но, желая меня умаслить, ты, вместе с тем, сознаёшь, что моя работа – действительно явление. Истина требовала поделиться обеспокоенностью:

- Сумел ли я добиться, чтобы это не была публицистика, где соль и перец – имя Путина... кое-что я постарался воссоздать художественно.

Вячеслав Никитич, точно проникнувшись важностью услышанного, сказал почтительно и робко:

- Ты шёл к пониманию характера...

Слотов будто провёл пальцем по запотевшему стеклу, и слова Тика о Путине каплями побежали по дорожке: на заре юности он не показал себя сорванцом, хулиганом, хотя щеголяет в интервью признанием, будто бы был настоящей шпаной. Шпана, не имевшая приводов в милицию? в школе не оставившая о себе дурной памяти?.. Это был до безликости ординарный характер, что очень не подходит лицу на его нынешнем месте. Шпана в ранней юности – выделяющий штрих, черта романтической пикантности.

Вольфганг процитировал Есенина: «я разбойник и хам и по крови степной конокрад».

Слотов одобрительно рассмеялся и, со своей стороны, вспомнил из того же стихотворения: «Мне бы в ночь в голубой степи где-нибудь с кистенём стоять». Тик вернулся к Путину: кто с детства не знает значений «мочить», «капать», «стучать»? Но выражаться таким манером – это ещё не быть шпаной. Путину, однако же, охотно верят: признаётся-то в не совсем хорошем... откровенность тоже ему на пользу, создаётся что-то вроде обаяния агрессивной прямоты с примесью уголовщины, массе такое импонирует.

- О да! – воскликнул Слотов. Всё его существо, казалось, выражало удовольствие от того, что он слушает Тика.

Тот, входя во вкус, погружался в досконально обжитое. Отрок Путин, серость из серых, по чьему-то примеру пошёл в Спортивную школу молодёжи, как она звалась до шестьдесят четвёртого года, когда её переименовали в Школу высшего спортивного мастерства. Вова жил от неё неподалёку. Если что-то стало его выделять, то не шпанство, а занятия самбо, потом – дзюдо. Но как с умственным ростом? неужели никто не влиял, не согревал вниманием? Некто имелся, но о нём следовало навсегда забыть. Пустота, однако, не красила бы биографию президента, и люди, оформлявшие его жизненный путь, вклеили хрестоматийное и бесподобно умиляющее. Классная руководительница, дабы вырвать ученика Вову из объятий улицы, посещает его на дому. Как трогательна дружба между нею и супругами: заводским охранником и уборщицей! Летом учительница, отправляясь на юг отдыхать, берёт со своими детьми и Вову... какая ...ня! – эмоционально присовокупил Вольфганг. Он назвал политолога-немца, эксперта Германского общества внешней политики. Эксперт уцепился за байку об учительнице и вставил в свой труд, будто та давала Воле бесплатные уроки. С какой это стати она его так отличила? Сколько у неё было подобных учеников! Избирательный интерес, коли принять его за правду, наводил бы на мысли... Ты можешь себе представить – после паузы обратился Тик к Слотову, – чтобы советская классная руководительница, семейная, загруженная работой в школе по макушку, имела желание и время для бесплатных занятий с отдельным учеником? И как это было бы воспринято?

- Но она – живой свидетель и участник, автор мемуаров, – с горловым смешком сказал

Вячеслав Никитич.

Улыбка коллеги. Дама-пенсионерка, при выпавшем ей счастье, вспомнит, если скажут: Вова однажды поделился с ней, что ему во сне голос поведал о великом предназначении... Слотову тотчас припомнилось пророчество Вещего Авея. Тик спросил: тебе не попадался в немецких журналах снимок Путина и учительницы? Увы, нет. «Под деревом на скамье сидят рядышком старенькая наставница и как бы исполненный задушевного благолепия Путин», – пояснил Вольфганг, добавив, до чего любят российские политумельцы подкидывать Западу свои поделки. Упомянутый немец-эксперт, дабы удобоваримо преподнести приём своего героя на юрфак, подхватил товарец: в школе Вова дружил с учеником, которого звали Александр Николаев и чей отец работал в КГБ. Какой из этого сделан вывод!.. ты не читал труд политолога? – уточнил Тик. Коллега не читал, и Вольфганг передал вывод, каковой запомнился наизусть: «так что Путин получил контакт с КГБ».

- Чудненько! – Вячеслав Никитич хихикнул, искренне вторя насмешке приятеля над глупостью фразы.

Тот посмотрел выразительно: что за контакт мог возникнуть у сотрудника КГБ с подростком?.. Можно бы предположить, но не будем увлекаться... – Тик нахмурился и проговорил: благодетель его тёзки был руководителем и из крупных. У него оказалось достаточно власти, чтобы вознести любимого до синекуры: местечка чиновника КГБ в братской ГДР. Если же говорить об отце его школьного друга, допуская, что тут не миф, то каковы у человека мотивы – заниматься Вовиной судьбой? Их не видно!

Словом, не забывая о работающем приборе, был само внимание к словам Вольфганга: эксперт пишет, будто летом семидесятого, то есть окончив школу, Путин пришёл в КГБ и осведомился, как он может стать агентом. Но ведь он уже в контакте с КГБ! И не знает?.. «Не-а!» – подыгрывая, бросил Словом. Мы-то с тобой, сказал Тик, представляем, что Комитет не испытывал недостатка в желающих попасть туда на работу. Досточтимая структура власти, блага и выгоды... ты знаешь, как туда принимали? «Слышал кое-что», – обронил приятель как бы в готовности вобрать любопытное. Вольфганг пояснил: он интересовался вопросом, в перестройку беседовал с бывшими сотрудниками ведомства. Оно само предпочитало делать предложение, предварительно изучив кандидатуру. Непременное условие – высшее образование. На службу мог быть приглашён и выпускник финансово-экономического института, и парень с дипломом инженера-пищевика. Но вчерашний школьник, который ещё никуда не поступил, нигде не работает, не попал бы и в стукачи, ежели слова политолога «стать агентом» прочесть: «стать стукачом».

Вячеслав Никитич, отмечая, что приятель верно информирован, помнил далёкое: «К нам приходят, просят в помощники – мы отвечаем отказом». Посмеиваясь, Словом отпил из рюмки.

- И что ответили в КГБ?

- Если верить эксперту Германского общества внешней политики, то Путину настоятельно рекомендовали – настоятельно, а не как-нибудь! – сначала закончить юридический факультет. Тут же распознали человека с будущим! Большому кораблю... хм.

У Тика вызывала восторг следующая фраза эксперта: «Путин привёл в движение все рычаги, чтобы поступить на элитный юридический факультет Ленинградского университета». Поистине сногшибательно. Не один даже рычаг, а – «все рычаги»! Сколько же их было к услугам паренька с его происхождением, который школу окончил далеко не медалистом? Конечно же, он попросил похлопотать отца своего школьного друга, и отец, подобно учительнице с её бесплатными уроками, поспешил Вова на помощь. Так, а другие рычаги?.. Вольфганг удовлетворённо наблюдал за Словом, чьё отношение к эксперту выразил предел чистосердечности: «В сих случаях говорят – это даже не анти-юмор». – «Сарказм навыворот!» – впечатал Тик. Политолог, заметил он, забыл сказать, что Путин поступил на отделение международного права юрфака: элитней некуда. Видимо, сделать это ему особенно настоятельно рекомендовали в КГБ...

Несколько минут устройство в кармане Слотова фиксировало сдерживаемый сливающийся хохоток двоих писателей. Тик не хотел расставаться с изысканиями германского учёного.

- На втором курсе студент Путин познакомился с преподавателем Собчаком. Собчак знал, чья рука имеет касательство к тому, что мы называем «рычагами»... Наш политолог об этом без понятия и пишет о смерти Собчака, настигшей его в новую изменчивую эпоху: «Умер от инфаркта. И унёс – как некоторые утверждают – «тайну» Путина навсегда с собой в могилу». Ох, не нравится аналитику слово «тайна» – даёт его в кавычках.

Вольфганг остановился на не совсем верном «от инфаркта». В своё время газеты в России и за рубежом привели подробности, какие политолог предпочёл опустить. Анатолий Собчак приехал в Светлогорск Калининградской области, и 18 февраля 2000 года служащие гостиницы «Русь» обнаружили его в номере мёртвым.

Предположительной причиной смерти стал или острый инфаркт или отёк лёгкого. Само собой разумеется, точно установить причину должно было вскрытие. «Но здесь и начинаются загадки», – писала выходившая в Германии газета «Восточный экспресс» (N 5, 2000). Вдова категорически запретила вскрытие. «Почему?» – задавался вопросом автор публикации. Ведь по свидетельствам тех, кто тесно общался с Собчаком в последние месяцы, бывший питерский мэр на самочувствие не жаловался, излучал энергию. 26 марта ожидалось избрание Путина президентом, и Собчак рассчитывал возглавить его администрацию или занять пост генерального прокурора. Ранее проиграв на выборах в Госдуму, он отнюдь не потерял куража и стремился к роли в большой политике. Ему было многое, если не всё, известно о делах Путина в питерский период (газета не касалась осведомлённости бывшего преподавателя о жизни его студента в Ленинграде семидесятых). Таким образом, представление о секретах, какими владел Собчак, оставалось односторонним. Автор статьи Андреас Кройцберг, и не он один, не упустили, однако, главного: информация, которой располагал экс-мэр, позволяла бы ему оказывать серьёзнейшее давление на Путина. Устойчивое увлечение Собчака интригами и политическими разоблачениями было известно. Как, между прочим, и то, что спецслужбы умеют «искусственно стимулировать» инфаркт.

Вольфганг Тик сказал обо всём этом лаконично (Слотов читал о смерти Собчака), и оба занялись поступком вдовы.

- Ей-то не понять, кто убрал супруга? Его не воротишь, а чего добьёшься? – рассуждал Тик. – Сделать заявление? А кто бы дал что-то доказать? И уплыло бы из рук нажитое мужем: ясно же, как оно наживалось... Сама в нищете, дочь нищая... Потому женщина последовала совету: власти было удобнее, чтобы запрет на вскрытие исходил от вдовы.

- Разум выиграл вчистую! – произнёс от души Слотов. – Но начни кому-то объяснять – тебе тут же: предательство обелять?! и пошло-поехало, честные то же мне...

* * *

Розовый отблеск на облаках угас, сумрак неспешно облекал деревья, подкрадывался к столику у входа в кафе. Два человека слегка навеселе толковали о молодой женщине, которая, благодаря разумной маме, прославилась в качестве светской львицы на российский манер. Улыбчивый мужчина с лысиной ото лба, с бачками, ввернул в размышления приятеля о женской сексапильности:

- Вот у кого её в избытке! Хотя – кому что, про тех же гомиков сказать...

Вольфганг неосознанно послушался шпоры:

- Я знал парней, один попросту отталкивающей внешности, но их любили партнёры высокого ранга и какие заботливые! Мой тёзка не был красавчиком с лучистыми глазами – а вызвал любовь, пережившую годы.

Вячеслав Никитич глубокомысленно повторил:

- Годы... – и ненавязчиво адресовал Тику вопрос: – Представляю, чем может возбудить некрасивая женщина... но и тут было что-то...

- Разумеется, было! И эти чёрточки я даю.

«Чёрточки...» – весело думал Слотов, слушая, как может мужчину соответствующей ориентации взбудоражить по-особенному щеголеватая походка, поигрывание ягодицами. А рот – подвижный, сочный, сохранивший как бы детскую припухлость и память соски... видел же школьный портрет? Ну конечно (эти выпяченные губы...)! Кивок Вольфганга. «Один понимающий мужчина, – пауза, и он продолжил: – обзавёлся копией портрета». Вячеслав Никитич шутливо заметил:

- Впечатлительные у тебя консультанты.

В глазах Тика скользнула досада:

- Намекнёшь – а сам я не?... Нет! – он мотнул головой. – Чем обязан доверию? У меня нет ни малейшего предубеждения, это чувствуют. Такие люди очень восприимчивы – отдают должное... Я не боюсь представить себя мужиком, кому нужно не то, что мне. Слотов изобразил человека, который не без зависти обнаружил плюс, приносящий выгоды коллеге. Глаза у Вольфганга были на месте, и он сохранил словоохотливость:

- Не собираюсь злословить о любви, какой предавался мой тёзка. Хотелось, нравилось – его дело. Но я за то, чтобы по жизни продвигались благодаря мозгам и труду, а не... – фраза оборвалась.

- Ты воссоздаёшь эпизоды?

- Не без того... – с лукавой ноткой ответил Тик и сменил тон: – Страсть была нешуточная! Охладей друг – и это сказалось бы на успеваемости студента. Но заботливость не ослабевала, а кто её проявляет – не могло быть тайной за семью печатями... Однажды студент Путин подъехал к университету на новеньком «запорожце». И как объяснил сей нонсенс? Бесхитростно. Папа выиграл машину в лотерею.

Слотов не забыл мечту отца о хотя бы подержанном «запорожце» и выдохнул через нос воздух медленно и печально. В мысли об этажах власти, на каких будут знакомиться с записью, Вячеслав Никитич опасался, учитывая щекотливость темы, оскорбить главную фигуру. За невозможностью молчать он прибегнул к помощи Бернарда Шоу, сказав о бессмертии его «Пигмалиона» и запоздало спохватившись, что сравнение с дочкой мусорщика Элизой Дулитл кого-то не порадует. Зато Вольфганг поймал на лету удачу:

- Вова – моя Прекрасная Леди! Чарующе!

Он тотчас напомнил разговор у миссис Хигинс, слова Элизы Дулитл «пришили старуху» и прибавил к ним классическое: «в сортире мочить». Слотов между тем молча наслаждался ещё одним фактом своего превосходства: «Ты положил столько старания, гордишься достигнутым, а на воплощение Прекрасной Леди вышел-то я!»

- Пигмалион моего тёзки воспитывал его не в одном сугубо узком плане, но и внушил запросы: отделение международного права, восхождение в КГБ. Новая Элиза Дулитл явила способности к манерам, правда, её иной раз прорывает, но ведь и с той случалось подобное – высшее общество перенимало её словечки. Чего же удивляться на российскую публику? Просто она больше умиляется, – писатель умолк, представляя умилённые лица.

Вячеслав Никитич проговорил, как бы собираясь поразмышлять:

- Чувства масс... Элиза Дулитл...

- Дочка мусорщика – леди! – включился Тик. – Наш Пигмалион выполнил свою роль с наименьшим успехом. Это было и творческое единение, полнота близости, женщина предельно долго не входила в жизнь возлюбленного. Он женился только в тридцать один год. Ты же помнишь, тогда редко бывало, чтобы мужик впервые надевал кольцо в таком возрасте.

Слотов сообщил, что стал женатым двадцати двух лет. Вольфганг сказал: его тёзку принудили к женитьбе порядки. За границу, где было так выгодно работать, неженатых не пускали. Беседа повелась об изломе судьбы, подсёкшем гэбэшника с концом ГДР. Пигмалион уже был не при власти.

- Но интимная тайна оказала действие, когда мой герой вернулся в Ленинград, – произнёс Вольфганг Тик. – Набравший очки демократ Собчак понял, какой надёжный помощник выйдет из человека, знающего, что о нём кое-что знают. Был май девяностого. Едва став председателем Ленсовета, Собчак назначил Путина своим советником по международным связям, но тот вёл и другие дела: самое доверенное лицо, человек по особым поручениям. Босс и подручный стоили друг друга. Но меня занимают не махинации, не все эти способы, какими урывались жирные куши. – Тик сказал с ударением: – Мне важна определяющая черта портрета.

Вячеслав Никитич взглядом указал ему на рюмку и взял свою. Приятель говорил о тёзке: он всегда помнил, что против него могут использовать информацию о его интимном, и был обострённо предупредителен к тем, кто имел доступ к этой информации. Молчаливо выраженное признание того, в каких ты тисках, нравилось хозяевам. От моего героя исходило обаяние специалиста по услугам любого рода, заменявшее ему обаяние Прекрасной Леди. Выгодное качество, которое учили в Белокаменной, помогло продвижению наверх... Вольфганг обратился к лету 1999. Путин – секретарь Совета безопасности и директор ФСБ. К нему пристально приглядывается семья недужного господина, которому, судя по всему, уже не удержать долго скипетр.

- Встречи с членами семьи на природе, партии в гольф, всё по-домашнему: грибы, жаренные в сметане, пирог с земляникой... – произносил немного нараспев, смакуя, Тик, поощряемый тем вкусным выражением, с каким Слотов кивал ему. – Его прощупали, – сказал Тик о тёзке, мрачно добавив: – и он это принял – устроить взрывы домов.

- Извини, – Вячеслав Никитич проронил участливо, – не упрекнули бы в повторе... Вольфганг ответил: то, что давно не секрет, не прояснено до конца. К взрывам прибегли, чтобы развязать войну против Чечни и привести намеченного наследника к власти, всё так, но эта очевидность неполна. Акты явились, прежде всего, средством страховки. Слыхано ли, чтобы люди дела, передавая такой капитал, как верховная власть, не заимели твёрдых гарантий?... Тик напомнил известную истину: новому хозяину выгодно не утаивать, а, наоборот, выставлять напоказ сомнительные действия предшественника. Народ окажется отвлечён прошлым, узнавая, какие авгиевы конюшни достались наследнику. Тем легче будет внушить, что при нём положение поправляется. Целесообразность укажет ему на неудобство – охранять от любознательных имущество прежнего лидера и его семейства. Отчего и тут не извлечь пользу?... Он вроде и ни при чём, инициатива проявлена не им, а закон есть закон: обвинения, дознание... Так неужели ничего этого не взяли в голову, готовясь отдать ему власть? О, детская наивность, позволившая поверить обещанию! Договор на чувстве благодарности. В самом деле, какие, к ...ям, подозрения между честными людьми!

Писатель проговорил, сменив слог:

- Трогали его гибкую гладкую выю: почему тебе не склонить её? Он склонил и взял на выю три ночи братских крестов.

Слотов, слушая, не шелохнулся, мысленно ощупывал в кармане плоскую коробочку. Девятого августа, сказал Тик, сделали премьером, а девятого сентября произошло на улице Гурьянова, тринадцатого – на Каширском шоссе, а шестнадцатого рвануло в Волгодонске. Позже по случайности не удался взрыв в Рязани... Семейству хватило необходимого: доказательств, кто организатор трёх актов, на ком прямая ответственность. Под этот заклад и передали ему пост. Крещённому кровью клятвы не нарушить. Первым применением власти стал указ о неприкосновенности ушедшего главы. Прошли годы, преемник сидит крепко – но не было попытки указ подкорректировать, подзабыть. Предшественник и все члены семьи неприкосновенны. Заклад!

Слотову думалось о проведённой Тиком черте: взрывы – указ. Её не перечеркнуть. Можно твердить: наследник оказался верен слову и сохранил верность (освоившись с огромной властью...) Скрепя сердце, зажмурившись – допустим. Но допустить, что

заранее, не позаботясь о закладе, верности доверились и кто? Смех!

Я написал, говорил коллега, о социальной знаковости взрывов. В самом выборе жертв выражена сущность новоэлитарного государства. Дома выбраны что ни на есть обыкновенные, с простым людом. Учтено: при подозрении, что сама власть и взрывает, люди небедные отметят – кого обрекли пострадать. Бедноту! То есть имущим интимно дали понять: власть эта их и при ней они в безопасности. «В яблочко!» – подумал Слотов и успокоил себя: пиши он о взрывах, высветил бы то же самое не хуже.

Главное о рукописи, по-видимому, было рассказано, и Вячеслав Никитич спросил: «Кому предложишь?» В ответ прозвучало название самого популярного в Зарубежье литературного журнала. Слотов, как и коллега, знал его главного редактора. «Ты уже говорил с ним?» – «Передал суть», – скупой ответил Вольфганг. «Но острого много! Напечатает?» – «Другие – нет, а он напечатает», – произнёс Тик уверенно. «Когда это будет?» – «Я пока не поставил точку». Вячеслав Никитич промолвил, добродушно шутя:

- Имя Пигмалиона... источник подводит?

- Молчит что-то, – вырвалось у приятеля.

Каковы, спросил Слотов, отзывы на рукопись? «Ты что же, думаешь – я её рассылал?» – Тик полон недоумения. «Мне казалось, – виновато начал коллега, – ты общаешься с кем-то, кто на тех же позициях...» Он хотел бы, объяснил Вольфганг, чтобы те, кто не на них, оказывались на этих позициях – прочитав опубликованную вещь. А совать рукопись – ради советов, похвал? Хм. «Я читал бы без отрыва!» – заверил Вячеслав Никитич. «Ну, теперь ты уже всё знаешь», – сказал приятель так, будто развёл руками. Слотов задал ему естественные для писателя вопросы и услышал: вещь будет предложена германскому издательству, как только выйдет в журнале. О пьесе. Когда публика её увидит, ответить непросто: обстоятельства...

Вячеслав Никитич изобразил колебания, после чего доверился другу: я сам пьеску кропаю... но с театральной кухней, к стыду своему, мало знаком.

Откровения, на какие расщедрился Тик, порождали инерцию, и он добросердечно пообещал:

- Режиссёру будет любопытно ещё с одним русским поговорить о герое... Я тебя представлю. Это Детлеф Хютер.

- Так он из геев, я слышал! – восторженно воскликнул Слотов, подумав: уж не ему ли пришёлся по вкусу снимок пухлогубого школьника?

Вольфганг, казалось, выражал улыбкой, несколько таинственной: не будем забегать вперёд... Выпили по последней рюмке, Вячеслав Никитич проводил приятеля до метро. Сам он жил в двадцати минутах ходьбы.

* * *

Днём отдав Бортникову прибор, он вновь получил его накануне собрания литераторов. К украшенному лепкой дому на Шёнхаузер Аллее подходил беспокойным. Вдруг, вопреки предпринятым усилиям, Ульяну обидят? Несколько членов ассоциации, придя раньше него, беседовали в зале. Слотов особенно дружески поприветствовал Фуршета, человека тучного, но подвижного, – надо похвалить его недавно напечатанный в газете юмористический рассказ... Фуршет рад потрепаться о своём творчестве. Терпение. Любезно здороваемся с проходящей мимо Майей Стрепетовой: сидящая подтянутая дама ответила – и вновь губы плотно сжаты. Народу прибавляется. Можно присесть, держа в поле зрения вход.

Ульяна! И не одна. С нею статная брюнетка: худое лицо, высокие скулы, задумчивые, без искорки любопытства, глаза. Ей лет двадцать пять. Одета в красно-зелёный блузон с ажурными вставками, с оборками, с защипами на рукавах; светлая узкая юбка, сбоку разрез до середины бедра. «Сразит!» – догадка слилась с отчаянным голосом чувств, в то время как Вячеслав Никитич устремился к дамам. Ульяна уведомила: её спутнице Виолетте интересно побыть на обсуждении новеллы... Вошёл Тик и, обменявшись

приветствием с Ульяной, посмотрел на незнакомку. Та, словно изучая его лицо, представилась чуть запоздало. Автор новеллы обратилась к нему:

- Прототип моей героини...

- Ах, вот как! – и Вольфганг, будто теперь призванный это сделать, окинул Виолетту тёплым взглядом.

Слов, поскольку он вводил Ульяну в круг собравшихся, пригласил её расположиться за столом и остался подле. Она успела шепнуть Тику: можно её спутнице сесть рядом с ним? «Будем надеяться!» – с ироничной важностью произнёс Вольфганг. Он и Виолетта заняли места в первом ряду.

- Я впервые читаю публично что-то своё... – начала Ульяна и запнулась, разыграв, не очень натурально, взволнованность.

После расхожей просьбы не быть строгими приступила к чтению, а у Слотова мелькнуло соображение, не раз уже его посещавшее. Вполне вероятно, новелла не написана его партнёршей, а была кому-то заказана шефами. В таком случае, нападки не должны бы уколоть самолюбие Ульяны, но, при всём том, ей нужно, чтобы литераторы признали её своей.

Первой высказалась Майя Стрепетова:

- Героиня буквально одержима памятью об отечестве, будто туда съездить немислимо, не буду говорить о возвращении... И второе. Она всей душой то у озера Селигер, то в часовне – а нищих на каждом углу не помнит? порядки в отечестве её не беспокоят?

Слову, сидевшему за столом около Ульяны, не удавалось перехватить взгляд выступающей, в груди билось: «Как я просил тебя – отнесись помягче!..» Едва она смолкла, он возвал: не видеть в упор состояние героини?! она в конфликте с мужем-немцем, и этим оправдано, что окружающее кажется ей чуждым. Зато прежнее, родные места предстают в понятном ореоле, память отбирает лишь задушевное, преобразует... в такой ситуации – и помыслы о политике?!

Ульяна, поблагодарив кивком, обратилась к залу:

- Я написала о личных отношениях. Героиня искала счастья женщины, она любит родину, любила мужа. Счастье не состоялось, и в постигшем её разочаровании будет она думать о том, о чём тут сказали?.. Это было бы притянато за уши.

Стрепетова собиралась вновь атаковать, но её опередил Максим Надеин – по обыкновению, торжественный и скорбный, будто сейчас сообщит людям о понесённой ими утрате. Он попросил не обижаться на замечание.

- Мне очень жаль, но немец – ходячая картинка. Приелся.

- Кочующий немец! – с ёрнической миной вставил Фуршет. – Но что делать, если они такие? – он обласкал улыбкой Ульяну. – Нарисован острым пером, с подколкой.

- Так уж и с подколкой? – зацепила Майя, и завязался обмен репликами, в каком принял живое участие и Вячеслав Никитич.

Вольфганг Тик, пройдя к столу, взял слово.

- Мы обсуждаем произведение дебютанта, – произнёс словно в удивлении, что забыто о том, о чём ему приходится сказать. – Недостатками грешат и большие мастера, а тут – первая вещь... Хорош портрет героини, – он глянул на Виолетту, чей взгляд впивался в него, – этот образ делает вещь литературой! Видна интересная эмоциональная натура, созданная для исканий, для развития... – Тик поворачивается к Ульяне, после чего высказывает собранию: – У автора несомненный талант!

Тишина. Один, второй голос: я того же мнения. Затем выступает Вячеслав Никитич. В кармане включённое устройство – речь останется в анналах засекреченной истории. Пусть кто-нибудь поучится подавать кукурузную кашу как тонкое блюдо – и с какой подливкой! Взгляд на Ульяну. Удовлетворена! Воображается – неподвластно-прихотливо! – то, что мы заслужили...

Другой автор читает своё творение, вы с Ульяной теперь сидите рядом с Тиком и Виолеттой. Тебе шепнули «пасиб, Славочка» – и ты заходишься воодушевлением... Чувствуешь, Ульяне хочется приподняться со стула и усесться к тебе на колени (ну разве ж оно не так?..), снова и снова пусть проделает это... Автор за столом

отбивается от нападков. Конечно, ему досталось от Стрепетовой. А от Фуршета – так даже больше.

Кажется, завершилось. Теперь, по традиции, выпивончик. Из ресторана доставили заказанную по телефону пиццу, а питьём литераторы запаслись и сами. В смежной с залом комнате быстренько накрыли столы. Четверо расположились вместе, и Ульяна проливает свет на историю Виолетты: с год назад переехала в Берлин из Хайдельберга. В Москве у нас оказались общие знакомые, попросили меня: можно, в случае чего, она к тебе обратится? Встретились, и она мне о себе рассказала... Я спросила потом: ничего, если я попробую новеллу написать?..

Виолетта смущена; признание Тику:

- Она так хорошо написала!

Вольфганг прост и мило-любезен:

- Видимо, вы – превосходная рассказчица.

- Прямо уж! В новелле гораздо ярче.

Сама она не пишет? Стихи! – брошено небрежно. Пикантно-комичная мольба о пощаде на лице: дерзнула на драму в стихах... знаю цену таким упражнениям, моя специальность – редактор, я окончила московский универ печати. «Бывший полиграфический институт, – пристёгивает Вольфганг, – давным-давно как-то я был у здания на Садовом кольце, при царе дом принадлежал Морозову». Тогда там пел Шаляпин, охотно добавляет Виолетта, в том самом корпусе я и училась. «Вы москвичка?» – «До семнадцати, до поступления, жила в Вязьме...» На последнем курсе поехала, как всегда, на Первое Мая в Вязьму к родителям. Возвращаюсь – билеты, что обычно, были только купейные. В купе застала пассажира из-за границы, по виду очень общительный – она, вспоминая, улыбнулась – свойский такой! Объяснялся с помощью немецко-русского разговорника. У меня в школе и в вузе был немецкий язык: короче, друг друга поняли. Он – наладчик печатных машин, фирма послала его в Москву на предприятие. Спрашивал меня, как добраться до гостиницы «Ленинград». В Москве пошли с ним в метро, мне нужно было до Войковской, но я поехала с ним до Комсомольской, проводила к гостинице...

Вячеслав Никитич мысленно воскликнул: «Какая похвальная доброта к иностранцу!»

Виолетта произнесла отчуждённо:

- Он очень просил номер моего мобильного.

- Вас с ним объединило то, что вы – редактор, а он – спец по печатным машинам, – важно изрёк Вольфганг, вызвав улыбки у обеих дам и Слотова.

- В новелле встреча интереснее, – Виолетта хотела бы переключить внимание на Ульяну, но Тик интересна реальная история рассказчицы.

Встречалась с ним – звучит продолжение – подружились... Командировка у него кончилась, уехал, потом прислал вызов. Улетела к нему в Хайдельберг. Пожили... В конце концов стало невмоготу – ушла. Спасибо Ульяне: помогла работу найти. Хозяин – русский, снимает помещение внизу телебашни, куда туристы идут. Предлагаю им расписаться на листке, закладывая в компьютер – и он выдаёт анализ характера. Стоит это четыре евро. Самой мне платят пять евро в час, в месяц выходит восемьсот – плюс пять процентов от выручки за проданные, хи-хи-хи, характеры. «Обаяние! – отпускает комплимент Тик. – Иначе туристы бы не раскошеливались... Я к вам зайду», – заключает тоном светского трёпа. Её глаза заодно-пристально: «Заходите!» Вячеслав Никитич, при неослабном влечении к Ульяне, не прочь быть и на месте приятеля, которому Виолетта говорит: у неё есть его книги. Тик, умеющий, разумеется, вести себя в таких случаях, с галантным видом держит паузу. «Я слышала о вас ещё в Москве. А тут зашла в «Геликон», – назвала она русский книжный магазин на Кантштрассе, – смотрю – «Расписной лёд», переиздание...» Умолкает. Слотов мысленно подтрунивает: «Застенчивость, ах!» Вольфганг Тик ждёт.

- Там досадные опечатки, – говорит Виолетта неожиданно, – в издательстве плохие корректора.

- Бездельники! – игривый отзыв Тика.

Ульяна не остаётся безучастной и выдаёт подругу:

- Об опечатках ты мне не говорила, ты сказала – он так пишет, что по силе воздействия не с кем сравнить.

Писатель протестующе вскинул руки. «О, наслаждение!» – беззвучно комментирует Слотов, а вслух предлагает выпить. Ульяна: ей капельку, она нынче за рулём.

Виолетта Тику: когда можно будет прочесть что-то новое?.. Слотов, чувствуя, что ясному ответу не быть, заговорщицки смотрит в глаза приятелю, а затем обращается к дамам: если девушка соблазнительных данных, но из крайне простой семьи, поступила в элитный вуз при конкурсе сорок человек на место... чем это объясните?

Виолетта как бы с напускной завистью вздыхает:

- Ей повезло с любовником.

Вольфганг в волнении:

- Очевидность проще простейшего карточного фокуса! Ну, а заменим даму валетом – и почему-то уже не очевидно... да Бог с ним! – оборвал он себя. – Нравится вам в Берлине?

Не то чтобы очень, но получше, чем в Хайдельберге... Разговорец четверых: у кого какие были первые впечатления от Берлина. Обсудили то, что немцы объявили телебашню его фаллическим символом. В комнате уже никого, кроме них, они покидают её в настроении «Хорошо посидели!» Ульяна завезёт Виолетту домой: та живёт в районе Веддинг близ озера Плётцензее. Мужчины сопровождают дам до фольксвагена Golf цвета электрик. Тик позади Виолетты, и Слотов краем глаза замечает его внимание к её подрагивающим под стук каблучков окорочкам.

Прощанье, укатили. Поблагодарить Вольфганга за выступление, не жалея слов (кашу маслом...)

* * *

По дороге домой думка о друге: от него-то благодарности не услышать. Не узнает никогда, кому обязан восхищением молодой дамы, каковое, несомненно, скоро приведёт к глубине отношений. Вячеслав Никитич так и зрит Вольфганга у подножия вознёсшегося символа, Виолетта перед компьютером... о, обрадована!..

Слотова развлекало, что приятель представляет, с нервностью иного рода, то же самое. «Когда её вербанули?» – задавал себе вопрос Вячеслав Никитич. Может быть, ещё в Москве, а может – уже в Берлине по наводке Ульяны. Брюнетку с её образованием, безусловно, предназначали для круга пишущих. Её увидели бы на Шёнхаузер Аллее, когда Ульяна немного освоилась бы там, но Слотов просигналил о Вольфганге Тике, и события были форсированы.

Представлялось: Бортников инструктирует Виолетту «по Тику» (служебный оборот), располагающая обстановка её квартиры... Воображение вольничало и на другой день, когда мы, как обычно, в машине вручали коробок познания молодому человеку: садоводу, в чьём цветнике – Мата Хари во многих лицах. Собрать их всех вместе жасминовой ночью... Меж тем к нам обратились нектарно-приветливо:

- Наш знакомый чем-то проявился на заседании?

Немыслимо не хмыкнуть, правда, беззвучно: «А то ты не знаешь!»

- Я его легонько качнул – и просыпалось.

Николаю Сергеевичу понравилось: неподделен мелковатый смеханец (неологизм в нашем духе). Завтра, говорит Бортников, он опять даст вам прибор, дабы не суетиться, когда Тик позовёт на встречу с немцем-режиссёром. «Если не забудет позвать», – боитесь вы. «Подумайте, как ему напомнить негрубо», – напутствует Николай Сергеевич.

Слотов пока больше думал о свидании с Ульяной – прощальном перед её отъездом в отпуск. Оно стало таким, что в голове вертится «превзошло самые дерзкие ожидания» (ох, недостижимо!) Её страстно-порывное: «Я застоялась!» Сразу занявшись, изошрённо длить-длить занятие... Она, собранная и вместе с тем расслабленная, провела тебя через испепеляющее таинство позы «шесть на девять».

В сознании горит дата её приезда, в то время как всё существо Вячеслава Никитича обуревают зависть к Вольфгангу, у которого, конечно, ладится с Виолеттой. Как и положено человеку в радости, тот оказался настолько мил, что без напоминаний взял Слотова пообедать с режиссёром, для чего было выбрано воскресенье. В Берлине с его отлично работающим общественным транспортом владельцы машин пользуются ими не всегда: дорожные пробки, цены на бензин. Случай, однако, был таков, что Тику требовался его *open corsa*. Приятель подсел в него у станции Бельвю (городская железная дорога), и они поехали в район Фридрихсхайн, славный обилием панков и «готиков», а также уголками, привлекающими гурманов.

Open остановился на Фриденштрассе, к которой с одной стороны прилегает парк. Посетителей ресторана *Kid Creole* ждал садик со столиками позади здания. Вячеслав Никитич, попав сюда впервые, читал в меню названия блюд, переносящих вас к устью Миссисипи, и привстал вслед за Тиком, чтобы пожать руку подошедшему Детлефу Хютеру. Вопреки ожиданиям Слотова, глаза у него оказались не подведены, но волосы явно были крашенные: тёмно-каштановые. Вячеслав Никитич прикинул, что немец моложе его не более, чем лет на пять.

Хютер, предупредождённый Тиком относительно коллеги, в порядке знакомства сообщил ему, что говорит по-русски (не редкость среди восточных немцев).

- Мы можем разговаривать...

Приятель, дружно и прочувствованно благодаря по-немецки, выбрали этот язык. Обсудив, что они закажут (Хютер, в частности, рекомендовал Слотова уху по-луизиански), трое приступили к разговору о пьесе. Режиссёр сказал: вряд ли он ошибается, думая, что весь *Gorki-Theater* заинтригован, все понимают – кто герой, не названный настоящим именем... Вячеслав Никитич мысленно послал привет работающему аппарату. Детлеф Хютер продолжил: ему говорят о Советском Союзе, где впервые в мире была открыта дорога наверх выходцам из самых простых семей. Так какая же странность в том, что юного Путина приняли в университет? «Сам я понимаю, но, может быть, недостаточно. Как им получше объяснить?» – обращался режиссёр к Тику. Тот терпеливо начал: когда-то, после революции, детей бывших собственников не принимали в вузы, зато бедноту поощряли к образованию. Родители нашего юноши выросли в то благоприятное время, и что оказалось им по силам? Отец в зрелом возрасте из заводских охранников вышел в слесари. Мать не выучилась ни на ткачиху, ни на повариху – ни на кого. «К тому времени, когда Путин поступал в университет, – сказал, чуть передохнув, Вольфганг, – давно устоялась своя советская иерархия. Формально все были равны, никаких льгот для выходцев из простых семей не существовало».

Хютер сосредоточенно выслушал, после чего трое уделили внимание блюдам.

- Мы должны рассмотреть одно обстоятельство, – заговорил режиссёр, адресуясь к Тику. – Вы ставите ему в вину то, что он бисексуал?

- Нет. Я только показываю, как его связала любовь с человеком власти и тот решающе повлиял на героя и на всю его жизнь.

- Повлиял негативно, – сожалеюще заметил Хютер.

Вы же знаете, сказал Тик, как большинство россиян относится к однополной любви. Для героя не секрет, что, откройся правда о нём, он весьма упал бы в их глазах. Потому он ненавидит народ. «Я не согласен, – возразил Детлеф. – Он понимает, что на людей действует предрассудок, и должен быть снисходителен к ним». Немец добавил: к слову, гомосексуалистов среди русских, скорее всего, намного больше, чем думают. Недаром те, кто против, выражают досаду: «В России всё через жопу!» – последнее он выговорил по-русски. Тик и Словот переглянулись, сохранив на лицах серьёзность.

- Это образное выражение. Соотнесённое с героем, оно обретает прямоту и законченность формулы! – произнёс Вольфганг.

Вячеслав Никитич поднял рюмку и приглашающе поглядел на Хютера. Тот, пригубив свою, сказал: герой у нас должен быть не менее глубок и интересен, чем в жизни. Он был удивительно привлекателен в юности!.. Детлеф с вызовом посмотрел на Тика и на Слотова: «Будь у меня такой партнёр, я бы ликовал». Вячеслав Никитич подумал в

связи со своим недавним предположением: «Портретик пухлогубого школьника у тебя при себе в бумажнике».

Режиссёр заявил, что видит героя и «того мужчину» искренне любящими друг друга.

Драматизм в том, что молодой человек вынужден был держать это в тайне.

Впоследствии тайну использовал лидер, бессильный исполнять свои обязанности. Я на него возлагаю вину за взрывы домов! – произнёс Хютер. – Он и его криминальная семья накинули петлю на шею человеку. Тот понимал: после того как ему сказали, чего от него хотят, отказаться нельзя, его не оставят в живых...

Тик воздержался от замечаний, и Детлеф Хютер перешёл к следующему: мы продемонстрируем стремление не провоцировать политический скандал. Никаких деталей, указывающих, какая это страна! Более того: действие иногда будут сопровождать мелодии Латинской Америки и Африки... Кельнер принёс приготовленное по-креольски мясо аллигатора. Детлеф, попробовав, кивнул довольный.

Пьесу надо обогатить, говорил он немного позже: упадничество не в его духе. «Я очень надеюсь на ваше желание внести доработки», – с чувством сказал он Тику.

- Я слушаю.

- Наш герой получил огромную власть, но гораздо сильнее власть нравственных страданий. Они неослабно преследуют его из-за дела со взрывами, к которому его принудили, – увлечённо сказал Хютер. – Он погружается в религию. Его доверие, симпатию вызывает молодой монах. Герой раскрывает перед ним душу. После молитв, медитации юноша-монах просит его обратиться к народу с покаянием.

Вольфганг покосился на Слотова и, словно уйдя в размышления, высказался отрешённо:

- Для Достоевского это было бы слишком.

- Вы полагаете, что решаться нельзя? – задирчиво бросил Детлеф Хютер.

- Эсхил или Софокл решились бы, – с невинным видом вставил Вячеслав Никитич и заслужил улыбку немца.

Тик проговорил так, будто вслушивался в свой голос:

- Хорошо, он покаялся. Что потом?

Детлеф окрылённо ответил:

- Смерч противоречивых мнений, море страстей! Ультраправые националисты рванулись к власти. Начались погромы. Жертвы – национальные и другие меньшинства. Передовые круги общества, простые люди доброй воли призвали лидера остаться на посту и принять меры. Он это делает. Страна возвращена к нормальной жизни.

Вячеслав Никитич почувствовал со злорадством, чего другу стоит не поморщиться: «Чудовищно низкопробно!»

- Только при таком варианте я готов работать, – тон Хютера не допускал сомнений.

- Работать так работать! – сказал Тик по-русски, с выражением: «Да катись оно всё...»

Слотов, имея в его глазах оправдание: расчёт на сотрудничество с режиссёром, – принялся хвалить предложенное им. Вячеслав Никитич наслаждался посрамлением приятеля.

* * *

На репетиции, которую Слотов смотрел уже глубокой осенью, он испытал иное – подлинно эстетическое – удовольствие. К тому моменту состоялась не одна знаменательная беседа с Вольфгангом и не только с ним. Бортников передал Вячеславу Никитичу благодарность руководства за отражение застольного разговора Тика и режиссёра. Слотов, помня КГБ, не возражал бы против премиальных, но дети оказались прижимистее отцов. Впрочем, и то сказать, рафинаду не жалели. Николай Сергеевич начал со слов: «Вы наш суперклассный помощник!» – прежде чем обратиться с просьбой «по Беслану». Кругом говорили о захвате осетинской школы с

неслыханным числом заложников, и в ведомстве хотели знать о «мнениях и слухах» в Ассоциации русских литераторов.

Вольфганг, предугадывая: «Вали на него до кучи!» – не желал выглядеть закосневшим в схематизме и отзывом о тёзке избегал, заявив: «Скоропалительность подводит». Притом, однако, сказал, что не верит, будто злодеяние учинили бойцы за независимость Чеченской республики. Большинство литераторов приняло версию о виновнике Басаеве. Мнения, удалось ли части боевиков уйти или нет, разделялись поровну. Вячеслав Никитич, отвечая, когда его спрашивали, что нужно время, дабы разобраться, заметил: то же произносит и Фуршет. Чужие же мысли о событии его явно интересовали. Это шевельнуло кое-какие предположения...

Возвратившаяся из отпуска Ульяна доставила Слотову, помимо главной, ещё одну радость: не копая, не лавируя, болтать о мелочах, каковые оказываются необыкновенно занимательными. Достала до сердца чистая, он не сомневался, правда: «Я так люблю булочки с маслом и с турецкой фисташковой халвой!» Боясь расползнуться, Ульяна жестоко лишала себя отрады.

Опять настало расставание, теперь он уехал в отпуск. В Тунисе впервые в жизни прокатился на верблюде под присмотром погонщика, зарабатывающего на туристах. Вячеслав Никитич купался в море, фотографировался с Мартой под пальмами, в окрестностях города любовался ландшафтом – словом, набирал впечатления. Но могло ли не думаться о прежнем?.. Помнилось, как он и Ульяна глядели на выставке картину: пески, пальмы, ручей, нимфа, несколько заслонённая стволом дерева. Ассоциации: стихотворение Лермонтова. Сейчас возник образный ряд. Пальмы срубили, ручей высох... нет, ушёл в глубь песков. Снова простёрлась тень – и источник зажурчал. Есть и нимфа.

Он вспоминал другое полотно: позади наполненного мёдом сосуда – плод, похожий на голый зад. Кажется, будто на нём сидит пчела... По какому-то наитию ты спросил Ульяну: ей как женщине нравится Путин? В то время Вольфганг уже всю работу... кстати, он тоже подходит в источники (света). Но есть тень, которую свету не взять: это ты. Твой дар и родство с роем позволяют тебе угадывать далёкое роение теней. Они хотели кровью детей привести в слепую ярость взрослых и столкнуть два кавказских народа.

Показать бы тому же Бортникову свои способности к анализу и предвидению. Слов не без страха чувствовал позыв впечатлить молодого человека соображениями о Беслане, высказать: стране (стране?) нужна война в ближнем Зарубежье и мероприятия будут проводиться, пока не явится результат... Они были в машине: возвратившийся из отпуска Слов отработал первый день, и Николай Сергеевич (уж, конечно, соскучился) доставлял его домой. Вячеслав Никитич не глядя положил в карман технику, Бортников сказал о Тике: «Пожалуйста – что там с его пасквилом? Какие подвижки в театре? Пусть больше говорит».

Друзья встретились в доме на Шёнхаузер Аллее. Для начала Слов бодро-красочно рассказал об отдыхе. Тут же Вольфганг убедился: его произведение запало в душу другу. «Так публикуешь в журнале?» Увы! имя покровителя неизвестно. «До сих пор? Ты говорил, у тебя несколько кандидатур и осталось лишь уточнить...» – «Скорее всего, это шишка в КГБ, – ответил Тик, – на начало семидесятых данные: начальник Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области Носырев. Жду о нём уточнения, но кто мне помогал, на мэйлы не реагирует. Я звонил, звонил по телефону, пока, наконец, застал кого-то, он сказал – хозяин пустил его на квартиру и уехал. Куда, надолго? Я добился одного: «Больше ничего не могу сказать».

По словам Вольфганга, узнать, кто именно провёл на юрфак его тёзку, обещал (не безвозмездно) пожилой гей. Возможно, он отправился куда-то по делу. Или что-то стряслось. «Я бы поехал в Питер, но не отпустят с работы. В январе-феврале возьму отпуск».

Вячеслав Никитич с неожиданной для себя грустью подумал: «В таком случае, недолго ещё нам общаться в этой жизни». Смешавшись, придал голосу волнение: «Имя выяснится. Твоя вещь войдёт событием в историю литературы!» – «Виолетта выдала

мне тот же аванс», – поделился приятель. «Ага!» – хитро произнёс Слотов. «Надо же было проверить, какой из неё редактор, – с кажущейся невозмутимостью пояснил Вольфганг. – Она дала пару-другую дельных оценок стиля». – «Дала!..» – выдохнул коллега, и оба хохотнули (Тик отвёл взгляд). «Но понравится ли ей пьеса?» – сманеврировал Вячеслав Никитич. «Считаешь, что нет? – проговорил приятель в затруднении. – Хютер навязал вопиющую бредятину, но, чёрт-те знает – может, бред этот как раз и окажется сумасшедшей, но правдой».

Вскоре Тик привёл Слотова в Gorki-Theater на репетицию любовной сцены. Детлеф, быстро подойдя, едва поздоровался с гостями и поспешно вернулся к актёрам, которые молча внимали тому, что он им толковал. Вячеслава Никитича пробрал зуд от сходства молодого актёра с прототипом. Репетиция началась, и Слотов восторженно забылся, видя школьника с выпяченными губами. Это был не кто иной, как он: весьма многим известный, а тогда угодливо-робкий перед мужчиной в набедренной повязке, которой служило полотенце. Осанистый актёр великолепно передавал влюблённость, совлекая с юнца рубашку, нежно проводя руками по его бокам сверху вниз, целуя пупок, берясь за трусики. Он говорил ему о таких вещах, как карьера и блага, которые может обрести любимый.

Вольфганг, зорко следя за сценой, шепнул Слотову о молодом актёре:

- Как выразителен! Ты заметил это скользнувшее в глазах... огонёк бесстыжести?

- Смеханец.

- Точно – смеханец! – прошептал Вольфганг.

После репетиции сказал:

- Образ удаётся, это цель! И я не принимаю то, будто пьеса – унижение России.

По его словам, немцы в полном умилении от героя. Влиятельная в Берлине персона, любящая напомнить о своей принадлежности к сексуальному меньшинству, обещала посмотреть одну из репетиций.

- Он, Детлеф и другие, – передал Тик, – уверены, что пьеса вызовет к России позитивный интерес.

Вячеслав Никитич хихикнул про себя. Его не очень трогало, будет или нет унижена Россия. Там он не имел бы того, что ему предоставила Германия. Но его сладострастно щекотала причастность к теневому, в котором Россия тайно себя выражает. Любопытно, как шефы выйдут из ситуации с пьесой. Постараются загубить через проводников влияния? Но удастся ли сделать так, чтобы не распространилось, откуда дует ветер? Вряд ли. По-видимому, пьесу, где нет прямых намёков на страну, решат не замечать, меж тем как люди увидят спектакль, из тени явится то, что было в реальности, и прошлое срастётся с настоящим. Движение обнажённых мужских тел, ягодицы, ласкающие руки, поцелуй в живот... и – мужчина в костюме при галстукe, взгляд того, за кем много чего есть: холодный, со смеханцом.

Повесть напечатана в журнале «Литературный европеец», NN 100, 102, 103 и 106 / 2006, Frankfurt/Main, ISSN 1437-045-X.